

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕРЕЛОМ 1917 ГОДА

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2017

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 15-34-12003, не подлежит продаже*

Рецензенты

доктор филологических наук В.А. Келдыш
доктор филологических наук О.А. Клинт

Редколлегия:

В.В. Полонский (отв. ред.), В.М. Введенская,
Е.В. Глухова, М.В. Козьменко

ПЕРЕЛОМ 1917 ГОДА: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 000 с.

В первой части книги — «Исследования» — представлен ряд проблемных статей, осмысляющих восприятие Достоевского в годы революции, мотивы «бесовства» в литературе и публицистике этих лет, «революцию духа» в статьях Андрея Белого, а также исследования, уточняющие многие конкретные историко-литературные реалии: театральную деятельность Ремизова в 1918-1921 гг., участие Блока в разных политических и культурных миссиях тех же лет, брюсовские организационно-литературные начинания и многое другое.

Во второй части — «Материалы и публикации» — в числе прочего, впервые даны фундаментальные своды малоизвестной публицистики Мережковского и Всеволода Иванова, неизвестные архивные материалы Леонида Андреева, цикл статей «На Перевале» А. Белого, а также материалы его деятельности во «Дворце Искусств», литературно-исторический обзор Андрея Левинсона франкоязычной критики, посвященной литературно-революционным сюжетам...

РАЗДЕЛ 1

ИССЛЕДОВАНИЯ

«ПРОРОК» ИЛИ «ДУХ»?
ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ДОСТОЕВСКОГО
В РЕВОЛЮЦИЯХ 1905 И 1917 ГОДОВ*

В первые десятилетия XX в. идеи и образы Ф.М. Достоевского стали важной частью языка освоения катастрофической современности. На материале литературной критики и публицистики символистского, религиозно-философского и либерального крыла русской интеллигенции 1905–1921 гг., представленной авторами знаменитых сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), а также А.Л. Волынским, В.В. Розановым, Д.С. Мережковским, Волжским [А.С. Глинкой], Г.И. Чулковым, Ю.И. Айхенвальдом, Л. Шестовым, А.А. Блоком и др., в статье прослежена эволюция отношения к суждениям и концепциям великого писателя по актуальным для эпохи вопросам: о народе, интеллигенции, самодержавии — как элементам происходившего в стране революционного процесса. Если в контексте событий 1905–1907 гг. православно-монархические симпатии и антиреволюционность автора «Бесов» и «Дневника писателя» в целом воспринимались как «ошибки» и «заблуждения», то Октябрьский переворот 1917 г. и последующие действия советской власти заставили большинство рассматриваемых авторов признать горькую правоту «величайшего русского пророка»: революция с ее «шигалевиной» и «смердяковиной», прежде казавшимися «пасквилем» на русскую интеллигенцию и народ, на деле совершалась «по Достоевскому».

In the first decades of the XX century ideas and images of F.M. Dostoevsky become an important part of the language mastered catastrophic modernity. On the material of literary criticism and journalism of symbolist, religious-philosophical and liberal wing of Russian intelligentsia in 1905–1921, which is presented by the authors of the famous collections “Milestones” (1909) and “From the depths” (1918), and also by A. L. Volynsky, V. V. Rozanov, D. S. Merezhkovsky, Volzhsky [A. S. Glinka], G. I. Chulkov, Y. I. Aichenwald, L. Shestov, A. A. Blok etc., the article traces the evolution of the relationship to judgments and concepts of the great writer on relevant issues of the era: the people, the intelligentsia, the autocracy — as elements of revolutionary process taking place in the country. If in the context of the events of 1905–1907 the Orthodox-monarchist sympathies and antirevolutionism of the author of “Demons” and “A Writer’s Diary” were perceived as “mistakes” and “misconceptions”, the October revolution in 1917 and subsequent actions of the Soviet authorities forced the majority of the authors to recognize the bitter truth of “the greatest Russian prophet”: the revolution with its “shigalev” and “smerdyakov” aspects, which firstly seemed to be a “libel” on Russian intelligentsia and people, in fact, committed “according to Dostoevsky”.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Пророк русской революции», «Духи русской революции», Россия, революция 1905–1907 гг., революция 1917 г., православие, самодержавие, народ, интеллигенция.

Keywords: F.M. Dostoevsky, “Prophet of Russian revolution”, “Spirits of Russian revolution”, Russia, revolution of 1905–1907, revolution of 1917, Orthodoxy, autocracy, people, intelligentsia.

* Работа проводилась при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 — нач. 1920-х)».

Давно не оставляет сомнений громадность роли Ф.М. Достоевского, его личности и произведений, в культурном сознании Серебряного века. Чтобы убедиться в реальности «удивительного события явления Достоевского в центре новой культурной эпохи, начавшейся через пятнадцать лет после его смерти»¹ [Касаткина 2007, с. 5], достаточно обратиться к свидетельствам ведущих ее деятелей — Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.И. Иванова и мн. др.

«Достоевский имел определяющее значение в моей духовной жизни. Еще мальчиком получил я прививку от Достоевского. Он потряс мою душу более, чем кто-либо из писателей и мыслителей <...> Каждый раз, когда я перечитывал Достоевского, он открывался мне всё с новых и новых сторон», — признавался Бердяев [Бердяев 2001, с. 5]. Булгаков, обозначая созревание в России качественно новой культурной ситуации, во вступительной статье к 1-му тому Юбилейного (6-го) Полного собрания сочинений Достоевского в 1906 г. констатировал, что, в отличие от ушедших в прошлое классиков XIX в., один только Достоевский «всё ярче и отчетливей <...> выступает перед нашим духовным взором», — недаром русское общество наконец «вступает в наследство, от которого так долго отказывалось, ибо всей ценности его не понимало <...>» [Достоевский 1906, с. V]. Для Мережковского Достоевский «самый родной и близкий из всех русских и всемирных писателей <...> Он дал нам всем, ученикам своим, величайшее благо, какое может дать человек человеку: открыл нам путь ко Христу Грядущему» [Мережковский 1906–2, с. 4–5]. Через несколько лет мысль Мережковского развил Вячеслав Иванов: Достоевский «<...> жив среди нас, потому что от него или через него всё, чем мы живем, — и наш свет, и наше подполье. Он великий зачинатель и предопределил нашу культурную сложность» [Иванов 1994, с. 282]. «Чудо творений Достоевского, — по мнению Розанова, — заключается в устранении расстояния между субъектом (читающий) и объектом (автор), в силу чего он делается самым родным из вообще существующих, а может быть, даже и будущих писателей, возможных писателей» [Розанов 1997, с. 271]. А в 1912 г. киевский эссеист А. Закржевский подвел первый итог стремительно развивавшемуся процессу: «Уже стал неоспоримой истиной тот факт, что Достоевский весь воплотился в современности, что он стал вдохновением и отправной точкой почти для всех наших писателей, поэтов, философов, что современное религиозное сознание всё целиком вышло из Достоевского, что творчество нынешнего времени буквально живет им, лишь видоизменяя и преображая его мысли, его откровенья, его бездонную и вечную глубину <...> Достоевский как бы является выразителем перед миром всех глубин русского духа, гениальным творцом всех бродящих, скрытых, таинственных его сил, великолепным символом, живым символом загадочного царства русской души и народа» [Закржевский 1912, с. II].

Итак, мы видим, что в Серебряном веке, «по существу, происходило новое, второе, открытие Достоевского, имевшее огромный резонанс» [Келдыш

2010, с. 427]. И это «открытие» заключалось прежде всего в осознании автора «Преступления и наказания» не столько защитником «униженных и оскорбленных» и публицистом консервативно-монархических взглядов, сколько религиозно-философским учителем, пророком и мистиком. Катализатором указанных перемен стали катастрофические события начала XX в., прежде всего первая русская революция 1905–1907 гг. Неудивительно, что и последующие социально-исторические и политические катаклизмы эпохи — Первая мировая война 1914–1918 гг., вторая русская революция 1917 г., приход к власти большевиков в конце 1917 г. — осмыслились ее участниками во многом сквозь призму Достоевского-художника, автора великих и загадочных романов, и Достоевского-мыслителя и публициста, непосредственно раскрывшего свои личные убеждения в «Дневнике писателя».

При этом стоит заметить, что не только творчество Достоевского, но и русский литературный дискурс в целом стал языком описания и осмысления революционных событий. Так, практически все авторы сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), составленных по следам революций 1905 и 1917 гг., зачастую выводили свое понимание русской действительности из художественных образов А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Ф.И. Тютчева, М. Горького и, конечно же, Достоевского, количество обращений к которому в названных изданиях наиболее значительно.

Попытаемся обрисовать динамику отношения к суждениям и концепциям Достоевского по актуальным для эпохи начала XX в. вопросам: о народе, интеллигенции, революционном движении, самодержавии и пр., — а также показать изменение читательской оптики по отношению к нему на протяжении самого рокового десятилетия в русской истории XX в.

Уже в 1905–1907 гг. отечественная литературно-философская мысль осваивала реальность первой русской революции во многом под знаком Достоевского: знаменитое определение Мережковского «пророк русской революции» было в целом подхвачено и развернуто с положительными коннотациями в статьях Булгакова, Волжского [А.С. Глинки], Бердяева, Розанова, Г.И. Чулкова, Ю.И. Айхенвальда и др. Не разделяя антиреволюционного пафоса Достоевского в романе «Бесы» (1872) и не соглашаясь с его «реакционными» высказываниями в «Дневнике писателя», авторы статей 1900-х гг., как правило, осуждали великого писателя за «ошибки» и «односторонность» и призывали к их «преодолению». Вглядимся пристальнее в спектр мнений и оценок русской эссеистики и публицистики символистского и религиозно-философского крыла в период первой русской революции.

На рубеже XIX–XX вв. поворот от позитивистского к религиозно-философскому восприятию Достоевского происходил во многом благодаря работам А.Л. Вольнского — «самобытного критика, близкого к символизму» [Якубович 2000, с. 80]. В разгар революционных событий, в сентябре 1905 г., он выпустил в Петербурге книгу «Достоевский», помеченную 1906 г. В нее

вошли работы 1897–1904 гг., уже напечатанные по отдельности в русской периодике. Хотя большинство составлявших ее статей написаны задолго до революционного взрыва 1905 г., в последней по времени «Книге великого гнева» (1903), посвященной роману «Бесы», имеются суждения об отношении Достоевского к революции. По наблюдению В.А. Келдыша, «[о]на отличается от предшествующих частей, написанных в конце 1890-х годов. Сохраняя общий пиетет перед писателем, критик, однако, осуждает теперь <...> “негодующий протест Достоевского против истории” (прежде это вызывало сочувствие у Волынского), его “ненависть к русской революции”, “ослепление по отношению к Европе” <...> [Волынский 1906, с. 334, 289, 244, 305]» [Келдыш 2010, с. 446]. Констатируя «ошибку» писателя в осуждении «либерального движения» и «русского нигилизма», Волынский пытался «оправдать» автора «Бесов», находя у него революционность иного рода: «Важны ведь не его логические понятия, ошибочные, при всем его гении, а то, что <...> горело в его натуре <...> Он был против революции, но революция, настоящая, глубокая, идеалистическая революция современности, должна любить таких людей, как Достоевский» [Волынский 1906, с. 455, 471, 476]. Очень своеобразно Волынский отвел от Достоевского упрек в «реакционности»: в полемике против русского либерализма и русской революции писатель «стоит на почве византийского богословия, а не на обычных устоях консервативной гражданственности» [Волынский 1906, с. 488]. В монологах Шатова Волынский услышал голос самого будущего автора «Дневника писателя», близкого к народной стихии с ее «идеей религиозного шовинизма», тем истинно новым словом о Боге, которое «льется на Европу из простой крестьянской Руси» [Волынский 1906, с. 422–424]. И всё же Достоевский с его «односторонне-аналитическим творчеством в области личной психологии» — та «полоса современной жизни», которую, по мнению Волынского, необходимо преодолеть ради нового «синтетического» творчества, в котором «личность <...> представится живою клеткою массового организма» [Волынский 1906, с. 501]. Симптоматично, что приведенные суждения открыли целую тенденцию в русской критике собственно революционных лет. В оценке отношения Достоевского к революции Волынский предварил большинство своих современников: Мережковского, Булгакова, Чулкова...

Так, уже откликаясь на реальные трагические события, Мережковский в статье «Пророк русской революции. К юбилею Достоевского» (1906), противопоставив Достоевского-художника, автора романов, и Достоевского-публициста, автора «Дневника писателя», писал: «Существует непримиримое противоречие между внешнею оболочкою и внутренним существом Достоевского. Извне — мертвая скорлупа временной лжи; внутри — живое ядро вечной истины. Надо разбить скорлупу, чтобы вынуть ядро. Это оказалось не по зубам русской критике. Но у русской революции достаточно крепкие зубы: разбивая многое из того, что представлялось несокрушимо твердым, она разбила и политическую ложь Достоевского <...>» [Мережков-

ский 1906–2, с. 4]. В статье обнаружилось существенное изменение взгляда Мережковского на значение и смысл творчества писателя по сравнению со временем создания его труда «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1901 гг.). По теперешнему мнению критика, Достоевский «был революцией, которая притворялась реакцией». Мережковский разделил в нем «личину» реакционера и «лицо» «религиозной революции»: «Личина — православие, самодержавие, народность; лицо — преодоление народности — во всечеловечности, преодоление самодержавия — в теократии, преодоление православия — в религии Св<ятого> Духа». Поэтому Достоевский и является «первым пророком Св<ятого> Духа, Св<ятой> Плоти», «первым из нас», подлинным провозвестником «религиозной революции» [Мережковский 1906–2, с. 4, 3, 52, 55].

Черты нового, открывшегося Мережковскому при свете революции Достоевского — и в вышедшей в июне 1906 г. его книге «I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький», где писатель без всякого пиетета назван «протиевостественной поmessью реакционера с террористом» [Мережковский 1906–1, с. 26].

То же понимание Достоевского и в статье Мережковского «Революция и религия» (1907), где на основе недавнего политического опыта России сформулированы принципы «религиозной общественности». Религиозно-революционное движение, по мысли автора, начиная с реформ Петра I существовало в России одновременно «внизу, в народе» (раскольники и сектанты) и «вверху, в дворянской интеллигенции» (Новиков, декабристы, Чаадаев, Гоголь, Достоевский, Л. Толстой, Вл. Соловьев). Современная же русская революция (1905–1907 гг.) совершилась «помимо или против русского религиозного сознания». Поэтому предстоит двойная задача: «соединить нашего Бога с нашей свободой» и «раскрыть единую мысль в обоих движениях». Утверждая «общность религиозного поиска декадентов и народа», Мережковский говорил о необходимости для тех и другого «нового откровения, не продолжения Второго, а начала Третьего завета, не возвращения к Христу Пришедшему, а устремления к Христу Грядущему» [Мережковский 2004, с. 210]. По Мережковскому, новая религия и новое социальное устройство взаимообусловлены. И в этом причина парадоксальности позиции Достоевского: провозвестник «нового религиозного сознания» начала XX в., «он страшится и ненавидит революцию; но не может представить себе ничего вне этой и страшной и ненавистной революции. Она для него абсолютная, хотя и отрицательная, мера всех вещей, всеобъемлющая категория мышления. Он только и думает, только и говорит о ней, только и бредит ею. Ежели кто-нибудь накликал революцию на Россию, как волшебники накликали бурю, то это, конечно, Достоевский». На протяжении жизненного пути «Достоевский совершил полный круг своего развития: начал с революции политической, кончил революцией религиозной» [Мережковский 2004, с. 188, 190].

Почти дословно мнение Мережковского о «творце “Бесов”» воспроизвел Айхенвальд во 2-м выпуске известной книги «Силуэты русских писателей» (1908): «Как некий колдун проникновенный, наворожил он России револю-

цию. Она ему к лицу, как он — к лицу революции <...>» [Айхенвальд 1994, с. 242].

Однако большинством современников интерпретация Мережковского воспринималась как непривычная и у многих вызвала отторжение. В первую очередь, у А.Г. Достоевской, не пожелавшей открыть статьей «Пророк русской революции...» Юбилейное (6-е) издание сочинений покойного мужа [подробнее: Богданова 2015]. Свое решение она обосновала следующим образом: «Мое мнение было подкреплено тем тяжелым впечатлением, которое эта статья произвела на почитателей таланта Федора Михайловича, бывших на чтении Д.С. Мережковского в зале Тенишевского училища². После лекции ко мне приходили и писали знакомые и незнакомые и упрасивали не печатать этой статьи при П.С. Сочинений, как “противоположной всем тем идеям, которые высказывал покойный писатель” <...>»³ [Белов 1986, с. 169]. По мысли Е.А. Ляцкого, Мережковский ввел читателя в заблуждение, сделал Достоевского «провидцем русской революции», так как на деле «при всем своем таланте, глубине и тонкости психологического анализа, Достоевский в своих общественных и политических взглядах был реакционером чистой воды, убежденным противником всего, что не мирилось с самодержавием и православием, и этого факта не прикрыть никакими хитротолками, никакой игрой слов <...> Достоевский утверждал революцию духовную, но отрицал социальную <...>» [Евг.Л. 1906, с. 389, 390]. Полемическим пафосом по отношению к определению Мережковского пронизана и статья Л. Шестова «Пророческий дар». Продолжая свою линию обличения «ошибок и заблуждений» Достоевского⁴, философ и здесь обрисовал писателя весьма неприглядно, по сути дела отказав ему в «пророческом даровании»: «Говорить громко Достоевский умел. Умел и говорить тоном человека, знающего тайну, власть имеющего: подполье выучивает <...> Люди приняли придворного певца существующего порядка за вдохновителя дум, за властителя отдаленнейших судеб человечества». На деле же «чин пророка <...> был ему совсем не к лицу» [Шестов 1906]. Да и сам Мережковский в письме Анне Григорьевне из Парижа от 15 (28) сентября 1906 г., которое предваряло статью Булгакова в 1-м томе Юбилейного (6-го) ПСС, отметил по поводу своего отвергнутого вступления: «высказанные в этой статье взгляды на некоторые самые заветные верования Ф.М. Достоевского — самодержавие, православие, народность — <...> не совпадают с установившимся в русском общественном мнении пониманием произведений этого писателя <...> (курсив мой. — О.Б.)» [Достоевский 1906, с. I].

После расстрела мирной демонстрации в Петербурге 9 января 1905 г. неприязнь к самодержавию стала господствующим настроением даже в среде религиозно-философской интеллигенции. Теперь она любыми путями стремилась «оправдать» близкого себе по духу Достоевского, сделать его сторонником революции, затушевывая прижизненные симпатии писателя к русской монархии и осуждение революционеров в романе «Бесы». Например, Булга-

ков в своей поневоле⁵ принятой вдовой писателя для 1-го тома Юбилейного (6-го) издания ПСС вступительной статье «Чрез четверть века» продвинулся по этому пути даже дальше Мережковского, еще более радикально осветив центральные положения «Пророка русской революции...»: Достоевский и революция, самодержавие, Церковь. Так, если последний всё же отмечал у Достоевского «религиозное утверждение самодержавия, идею теократического царя», то Булгаков стремился показать, что писатель вовсе не поддался «чарам Великого Инквизитора» [Достоевский 1906, с. VI]. Объясняя неприятие революционности и симпатию к самодержавию у Достоевского 1870-х гг. исторически не выясненным в те годы характером этих явлений, Булгаков утверждал, что «теперь он убедился бы, что [революция] <...> пронизывается светом», а «тьма» сгустилась «на той стороне, где царствует бюрократия <...> под псевдонимом самодержавия». Поэтому «для нас <...> нечто совершенно достоверное, что Достоевский оказался бы в числе духовных вождей русского народа в борьбе за его освобождение от бюрократического вампира <...>». В момент подготовки «религиозного просветления» русской революции, заключал Булгаков, «нам особенно нужен и дорог голос ее великого проповедника и раннего глашатая — Ф.М. Достоевского <...>» [Достоевский 1906, с. V, VI, XXXIII, XXXIX]. Как видим, Булгаков пришел к сходным выводам о глубинной революционности Достоевского. Не случайно Мережковский писал вдове Достоевского 16 (29) сентября 1906 г. из Парижа: «Радуюсь теперь, что будет у Вас статья Булгакова: никто лучше его не напишет очерка о Федоре Михайловиче» [Из архива 1992, с. 247]. Столь же высока оценка Розанова в письме к той же корреспондентке: «Статья С.Н. Булгакова положительно прекрасна, лучшее что я у него читал» [Захаров 2010, с. 694].

«Оправдать» великого писателя Булгаков пытался и в другой статье того же периода — «Венец терновый (Памяти Ф.М. Достоевского)» (1906): по его мнению, славянофильские и монархические симпатии автора «Бесов» — всего лишь «историческая иллюзия, но не ошибка нравственного суждения». Тем не менее, открытый монархизм и антиреволюционность Достоевского-публициста вынудили у горячего апологета писателя следующее признание: «в Достоевском <...> есть нечто и такое, от чего нужно отказываться», в его душе «чистейшее золото спаялось с золою и шлаком, окончательного отделения их не произошло, и оборвавшаяся жизнь унесла в могилу тайну разрешения, синтеза, примирения и последнего разделения добра и зла» [Булгаков 1993, с. 237, 224].

Когда в октябре 1906 г. вышло в свет 3-е издание известной книги Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария. С приложением 2-х этюдов о Гоголе», автор, в связи с произошедшей за 15 лет после написания книги «переменой взглядов» на некоторые «великие темы, затронутые в “Легенде”», напечатал поправки к ней. В них прозвучала уже знакомая по статьям Волынского, Мережковского, Булгакова, Айхенвальда мысль о необходимости «преодоления» Достоевского: не-

смотря на «огромность» идейного содержания его творчества, «через 20 лет по его смерти <...> можно отметить, где он не дошел до нужного, где переступил требующееся. И вообще виден конец и пределы сказанного им <...> мы должны идти далее Достоевского <...> Видны ясно его ошибки <...>». Очевидно, имея в виду социально-политические взгляды писателя (отношение к монархии, революционной интеллигенции, войне, социализму и т.п.), Розанов заключал: «Вопросы, поставленные Достоевским, гораздо глубже, чем казалось ему. Они все суть метафизические вопросы, чем исторические, каковыми он склонен был сам считать их» [Розанов 1906, с. 97].

Большинство из рассмотренных выше создателей нового облика Достоевского в 1905–1906 гг. не сомневались в революционной правоте «народных масс». Речь шла о том, что социальная революция должна углубиться и перерасти в религиозную — в этом контексте знаменитое определение «народ-богоносец», взятое из произведений Достоевского, могло оспариваться как факт, но не вызывало сомнений как пророчество, как указание на глубинную сущность, ждущую своей актуализации [см., напр.: Мережковский 1906–2, с. 55].

Ключевому в оценке революционной ситуации вопросу о самодержавии особенное внимание уделил в работах 1905–1906 гг. Волжский [А.С. Глинка]. В книге «Федор Михайлович Достоевский. Жизнь и проповедь», частично вобравшей в себя выводы трех статей этого автора под общим заглавием «Религиозно-нравственная проблема у Достоевского» (Мир Божий. 1905. №№ 6–8), Волжский, как и большинство его современников, осмыслял Достоевского в контексте совершавшейся в России революции, поэтому говорил и о «темном» в общественной проповеди Достоевского: ксенофобии, ненависти к социализму и революции, оправдании самодержавного государства. «Живая религиозная правда Христова начала в жизни часто заслонялась от него мертвым подобием начала Антихристового»: вместо «истинной церкви» Достоевский признавал «официальное, казенное православие во всей его грубо-безбожной, кощунственной видимости», «цеплялся за существующее самодержавие, <...> не замечая <...> безбожия власти, ужаса подмены Божьего кесаревым» [Волжский 1906–3, с. 66–70].

В статье «Достоевский и самодержавие» Волжский без обиняков назвал писателя «ослепленным гением», смешавшим «мистические упования русского народа» на анархическую всенародную церковь с поклонением «официальному омертвевшему православию и историческому самодержавию». На деле же осуществление его заветной идеи о «народе-церкви» нуждалось, по мнению Волжского, не в поддержке «языческого» по своей сущности самодержавия, а в «освободительном свете Запада», носителем которого была столь негативно изображенная в «Бесах» революционная интеллигенция. Хотя Достоевский и впал в «грех невольного кощунственного идолослужения» самодержавию, тем не менее, его «русский социализм» нес в себе «религиозно-революционную» правду [Волжский 1906–1].

В другой статье — «Памяти Ф.М. Достоевского. К вопросу об отношении Достоевского к самодержавию. По поводу статей Мережковского и Булгакова» — Волжский выступил арбитром в полемике обоих критиков. По его мнению, «Булгаков отрицает самый факт поклонения Достоевского самодержавию. Мережковский его признает и упирает на него <...> Булгаков вернее цитирует Достоевского. Но Мережковский вернее понимает отношение Достоевского к самодержавию». Однако истинная причина расхождений двух критиков — в «двоящемся отношении к самодержавию» самого Достоевского, «ошибка» которого — «в религиозном соблазне самодержавием, как божьим чудом» [Волжский 1906–2].

Еще более полемический по отношению к Достоевскому характер носила статья Г.И. Чулкова «Достоевский и революция», вошедшая в книгу «О мистическом анархизме». Здесь осуждались «роковые заблуждения» и «черная <...>, мрачная реакционность» автора «Бесов». Однако «коровое зарево революционного пожара» начала XX в. высветило у Достоевского, по мнению Чулкова, и «лицо <...> бунтовщика»: «<...> несмотря на реакционные утверждения в “Дневнике писателя”, в Достоевском жил анархический дух», в «Великом инквизиторе» раскрылась «заветная мистико-анархическая идея Достоевского “о неприятии мира”», «которая ныне снова волнует наших искателей». Отождествляя писателя с его героем-нигилистом Иваном Карамазовым, Чулков увидел в Достоевском своего частичного единомышленника, однако сетовал на то, что «религиозный бунт» так и не перешел у него в «бунт социально-политический»: «Достоевский не успел раскрыть для себя этой необходимой связи» [Чулков 1906, с. 32, 34, 43].

Написанную в октябре 1906 г. лирико-публицистическую статью «Безвременье» А.А. Блок начал и завершил образами, навеянными личностью и произведениями Достоевского. Именно он, по мнению Блока, «первым заметил связь патриархально-демократического идеала с мещанским бытом», что и обусловило его «неверие в <...> мирный идеал “маленького человека” и его маленького мира» и близкий Блоку пафос разрушения патриархальной закрытости. В этом смысле Достоевский ощущался Блоком как «пророк подлинных и страшных апокалипсически-глобальных катастроф, в конечном итоге как художник, предсказывающий революцию» [Минц 2000, с. 95–96]. В третьей части эссе «Безвременье» под названием «Русская литература» Достоевский появился в виде «слепого и могучего» демона, «пребывающего под страхом вечной пытки» [Блок, 2003, с. 27].

Обобщая позиции ряда выдающихся авторов символистского и религиозно-философского течений в период совершавшейся русской революции 1905–1907 гг., видим, что практически все они сходились на констатации «двойственности» и противоречивости Достоевского и необходимости его «преодоления» как великого, но «одностороннего» гения, впадавшего в многочисленные «ошибки» и «заблуждения», под которыми в первую очередь понималась его сознательная консервативно-монархическая позиция в «Дневнике

писателя». На волне революционного подъема русская религиозно-философская интеллигенция, отдавая должное пророческому дару и художественной силе Достоевского, тем не менее, воспринимала писателя скорее критически, чем апологетически, порой отзываясь о нем весьма непочтительно. Происходил своего рода суд над ним, у него находились как беспощадные прокуроры (Л. Шестов, А. Белый и др.), так и снисходительные к его «слабостям» адвокаты (Мережковский, Розанов, Булгаков, Волжский [А.С. Глинка] и др.). С целью переосмысления личности и творчества Достоевского в распаханном революцией историческом диапазоне большинство названных критиков констатировали разделение Достоевского-художника и мыслителя, что дало им возможность извлекать «подлинное» мировоззрение писателя не из его непосредственных публицистических высказываний, содержание которых им претило, а из художественных произведений с их многозначными смыслами. Так получили обоснование попытки Мережковского, Булгакова, Волжского [А.С. Глинка], Чулкова и др. привлечь Достоевского в революционный лагерь, связать его художественные идеи с «новым религиозным сознанием».

Однако вскоре та же самая религиозно-философская интеллигенция, нередко те же авторы, пока еще с короткой исторической дистанции начала переосмыслять итоги первой русской революции. Чутким очевидцам ее событий стала претить традиционно приписывавшаяся Достоевскому «шатовская»⁶ концепция народа, которая была подвергнута уничтожающей критике еще в «Пророке русской революции...» Мережковского: «В настоящем <...> очень раннем фазисе русской революции поразительно отсутствует идея религиозная. Как будто русский “народ-богоносец” сделался безбожнейшим из всех народов и крестьянство перестало быть христианством» [Мережковский 1906–2, с. 38].

По высказанному в 1908 г. мнению Блока, о характерном для XIX в. «народопоклонстве» уже не могло быть и речи: «мы (т.е. интеллигенция начала XX в. — О.Б.) не дикари, чтобы творить божество из неизвестного и страшного» [Блок, 2010, с. 74]. Интеллигенция, по мысли Блока, не понимает народной души, ее любовь и тяга к народу в общем-то безответны. Загадочное «молчание “себе на уме”» и «легкая усмешка» — вот народный ответ интеллигенции. На вопрос о том, какие именно ценности хранятся в народной душе, кроме абстрактной «воли к жизни», Блок ответа не дал [Блок 2010, с. 73, 76].

А Вячеслав Иванов, выдвинувший в статье «О русской идее» (1909) только еще «чаемый» идеал «всенародности», призванный «согласить правду оторвавшихся от земли (т.е. интеллигенции. — О.Б.) с правдою земли (т.е. народа. — О.Б.)», посчитал собственно народную правду недостаточной, несостоятельной: «не у народа следует искать нам (интеллигенции. — О.Б.) Бога, потому что сам народ хочет иной, живой новозаветности, а Бога должно нам искать в наших сердцах», так как «органически-примитивное духовное бытие народа есть ветхий завет, чающий раскрытия своей истины в новом религиозном сознании <...>» [Иванов 1994, с. 365, 368].

В статье Бердяева «Великий Инквизитор» (1907), развернутом ответе на 3-е издание розановской «Легенды...», не только дополнены и развиты в изменившихся исторических условиях мысли, высказанные когда-то Розановым, но и обозначены новые тенденции в понимании позиции Достоевского. Тема знаменитой «Легенды...», по мнению Бердяева, гораздо шире противопоставления католичества и православия, в ней — «глубочайшие пророчества о судьбе человечества», связанные с диалектикой идеалов «свободы» и «счастья». «Свобода» достижима только на христианском пути, «счастье» — цель «социализма как религии, как замены хлеба небесного хлебом земным, как построения Вавилонской башни, социализма, обоготворяющего ограниченное человечество <...>» [Бердяев 1999, с. 67]. Критикуя две формы «сильного демонического поветрия» современности: ницшеанство и марксизм, — Бердяев утверждал, что обе они «покоятся на безличности, на отрицании абсолютного значения и предназначения личности». Достоевскому же в «Великом инквизиторе» удалось вскрыть эту опасность и далее в «Братьях Карамазовых» предложить против нее лекарство — обращение ко Христу [Бердяев 1999, с. 82, 85, 61 и др.]. Именно поэтому «легенда о “Великом Инквизиторе”», по Бердяеву, «самое анархическое и самое революционное из всего, что было написано людьми» [Бердяев 1999, с. 74]. Как видим, Бердяев, подобно Вольтеру, Мережковскому и Булгакову, утверждал революционность Достоевского, но не сугубо социальную, а религиозную. «Дух Великого Инквизитора» как неверие в высшее, божественное предназначение человека перешел, по Бердяеву, из русского самодержавия «в позитивизм, социализм, претендующий заменить религию» [Бердяев 1999, с. 58]. «Современный социализм», душа первой русской революции, подменил Христа новым кумиром — «обоготвор[ил] вместо человека-Кесаря народ-пролетариат» [Бердяев 1999, с. 73]. Так уже в революционном контексте 1900-х гг. проскользнуло возражение не только против «шатовского» возвеличения народа, явственно прозвучавшего еще у Мережковского, но и против превращения российской монархии в единственную виновницу всех бед.

Наиболее заметен пересмотр «духовных основ интеллигенции», ставших причиной провала главной задачи революции — «освобождения народа» [Вехи 1991, с. 9], — в знаменитом сборнике «Вехи» (1909). Ощутимая струя самокритики, возникшее сомнение в традиционных интеллигентских принципах — «борьбе с самодержавием» и «служении народу» [Вехи 1991, с. 34, 161] — привели и к некоторой переоценке «ошибок» и «заблуждений» Достоевского, столь категорично осуждавшихся в 1905–1906 гг. В свете наметившейся тенденции ухода интеллигенции, по крайней мере ее религиозно-философского крыла, от «безрелигиозного отщепенства от государства» и «лжи народопоклонства» [Вехи 1991, с. 157, 18] в «Вехах» явственно прозвучала критика прежнего ее отношения к Достоевскому, отмеченного подозрением «во всякого рода “реакционностях”» [Вехи 1991, с. 26]. Напротив, теперь ей ставилось в упрек непонимание «величайшего русского метафи-

зика» [Вехи 1991, с. 26], а такие его художественные открытия, как «подпольная» психология, мечтательность, «беспочвенность», приверженность «религии человекобожества» и принципу «всё позволено», максимализм и «идейная одержимость», стали восприниматься как реальные черты русской интеллигенции первого десятилетия XX в. [Вехи 1991, с. 34–50]. Диагноз, который поставил ей Достоевский еще в 1860–1870-е гг., признали верным все авторы «Вех». Так, Бердяев обличал упрощенно-поверхностное сознание деятелей революции: «бог — народ», «дьявол — абсолютизм» [Вехи 1991, с. 12]; М.О. Гершензон называл интеллигентов «калеками» и «уродами» [Вехи 1991, с. 73–74]; Струве указывал на их «нездоровую сущность» — «социалистическое отрицание личной ответственности» [Вехи 1991, с. 165, 163]. Для «исцеления» интеллигенции Булгаков не нашел другого лекарства, кроме предложенного Достоевским в «Пушкинской речи» христианского смирения. Однако характерно, что в приведенной им цитате нет слов Достоевского о «народе своем и святой правде его» [Достоевский 1984, с. 139], с которыми писатель XIX в. связывал обретение как личной, так и общественной свободы. Но об этом чуть позже.

Сначала обратимся к прозвучавшей в «Вехах» критике интеллигентского идеала борьбы с самодержавием. В статье Гершензона современников шокировал призыв «благословлять <...> власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [Вехи 1991, с. 90]. И хотя под давлением возмущенной общественности во 2-м издании сборника автор был вынужден сделать смягчавшее эту мысль примечание, общей тенденции это не изменило. В другом месте статьи Гершензон прямо указал на то, что в сознании революционной интеллигенции «за всю грязь и неурядицу личной и общественной жизни вину несло самодержавие, — личность признавалась безответственной». Это, по мнению публициста, плод «умственной и нравственной лени» [Вехи 1991, с. 94]. Бердяев, в свою очередь, демонизацию монархической власти считал уходом от реальной проблемы поиска истины [Вехи 1991, с. 12, 25]. А.С. Изгоев, обрисовав неприглядную «духовную физиономию русской интеллигенции», поспешил объявить ее «следствием многовекового господства над нашей жизнью абсолютизма». И всё же, по мысли публициста, основной «вред» приносило современной ему России не самодержавие как таковое, а «исторически сложившийся характер ее интеллигенции» [Вехи 1991, с. 118]. Наиболее радикален в пересмотре необходимости борьбы с самодержавием Струве: «в безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции — ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции» [Вехи 1991, с. 157]. Исследовав опыт европейских революций XVII–XIX вв., Струве заключил, что низвержение монархии не может быть самоцелью освободительной борьбы. По его мнению, царский манифест 17 октября 1905 г., даровавший стране гражданские свободы, сделал антимонархический пафос русской интеллигенции практически бессмысленным [Вехи 1991, с. 158–161]. Таким образом, «Вехи»

во многом сняли с Достоевского клеймо «реакционности» за его монархические симпатии.

Несколько по-другому обстояло дело с вопросом об отношении к народу. Здесь мнения авторов «Вех» разделились. Часть безоговорочно соглашалась с тезисом о «народе-богоносце» из произведений Достоевского. Булгаков причислил писателя к «крупнейшим выразителям нашего народного самосознания», суть которого — в исповедании Христа [Вехи 1991, с. 65–66]. По Гершензону, «народ-богоносец» в интеллигенции видел лишь «человекоподобных чудовищ, <...> без Бога в душе» — отсюда его страстная ненависть и «бессознательный мистический ужас» [Вехи 1991, с. 86, 89]. Другие авторы, не называя имени Достоевского, подвергли сомнению его «шатовские» тезисы. Как уже отмечалось, Бердяев протестовал против бездумного поклонения народу, когда «любовь <...> к народному благу парализовала любовь к истине» [Вехи 1991, с. 17]. Струве отметил, что народ в революции 1905 г. проявил лишь свои «социальные требования <...>, инстинкты, аппетиты и ненависти <...> Религиозных идей не было никаких» [Вехи 1991, с. 162]. Франк также выступил против «обожествления <...> интересов <...> народа», а на деле — «служения [его] земным нуждам» [Вехи 1991, с. 175–176]. Как видим, эйфория по поводу всегда правой воли «народных масс» сменилась более осторожным взглядом. И это соответствовало позиции самого писателя XIX в.

Действительно, реальное отношение Достоевского к народу нельзя назвать однозначным. Да, это «богоносец», но в то же время и «зверь», и даже «нигилист». Причем первое определение русского народа появилось в устах таких разных героев писателя, как Шатов («Бесы») и старец Зосима («Братья Карамазовы»), а не в собственно авторском дискурсе. В обоих случаях оно имело неодинаковый смысл: «человекобожеский» у Шатова и православно-святоотеческий у Зосимы, которые обычно смешивались в сознании читателей первых десятилетий XX в. Мысль самого Достоевского о «богоносности» русского народа нельзя отождествлять с идеей Ставрогина-Шатова, близкой не к церковному, а к народному православию [подробнее см.: Бузина 2003] и даже к язычеству. В структуре «Бесов» теория Шатова — одно из трех антиномичных идейных построений, внушенных разным лицам главным героем романа Ставрогиным — человеком, верующим в беса и не верующим в Бога, по сути дела — Антихристом. Экзистенциальный крах самого Ставрогина — источника этой идеи, несуразность жизни и гибель Шатова, «съеденного» этой идеей, — свидетельствуют о том, что она отнюдь не проистекает из авторского мировоззренческого плана. Не менее важно отметить, что идея «народ-богоносца» соединяется в сознании Шатова с чуждой Достоевскому-публицисту идеей революционного социализма, которая и привела героя еще до начала романного действия в кружок Ставрогина. Зосима же, по собственному признанию Достоевского, был выразителем авторского мировоззрения. «Само собою, что многие из поучений моего старца Зосимы

(или, лучше сказать, способ их выражения) принадлежат лицу его, то есть художественному изображению его, — писал Достоевский Н.А. Любимову 7 (19) августа 1879 г. — Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие и он выражает (курсив мой. — О.Б.), но если б лично от себя выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком. Он же не мог ни другим языком, ни в другом духе выразиться, как в том, который я придал ему. Иначе не создало бы художественного лица» [Достоевский 1988, с. 102]. Неудивительно, что в «Дневнике писателя» встречаются высказывания, имеющие сходный смысл. При этом необходимо учитывать, что Серебряный век практически не различал «голосов» самого писателя и его героев.

Чтобы увидеть изображенную Достоевским сложность народного характера, достаточно сопоставить ряд его текстов. «У нас православие; наш народ велик и прекрасен потому, что он верует, и потому, что у него есть православие», — читаем в подготовительных материалах к «Бесам» [Достоевский 1974–2, с. 178]. В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. писатель указывал на святость не только как на народный идеал, но и как на реальность, присутствовавшую в народной жизни: «я <...> заметил, что <...> в народе — есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают» [Достоевский 1981, с. 75].

И хотя «обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того <...> был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа» [Достоевский 1981, с. 43]. «Да, великий народ наш был взращен как зверь, претерпел мучения еще с самого начала своего, за всю свою тысячу лет, такие, каких ни один народ в мире не вытерпел бы <...> Да, зверства в народе много, но не указывайте на него. Это зверство — тина веков, она вычистится. И не то беда, что есть еще зверство; беда в том, если зверство вознесено будет как добродетель» [Достоевский 1983, с. 124].

В «Дневнике писателя», осмысляя кощунственную попытку расстрела русским крестьянским парнем причастия, его приятеля-искусителя, тоже из крестьян, писатель назвал «настоящим нигилистом деревенским, домопощенным отрицателем и мыслителем». «Если уж есть и такие черты даже и в народном характере <...>, да еще в нашей деревне, то это уж новое откровение, несколько даже и неожиданное. Что-то не слыхано было прежде о подобных чертах». Тревога о духовном здоровье народа уже не оставляла писателя: «Современный Влас (образ-символ русского мужика в V главе “Дневника писателя” за 1873 г. — О.Б.) быстро изменяется» [Достоевский 1980, с. 40–41].

Пока «Россия есть лишь олицетворение души православия», надеялся Достоевский, она «спасет и обновит мир», но при одном условии — «если будет веровать». «Славянофил думает выехать только свойствами русского народа, но без православия не выедешь. Никакие свойства ничего не сделают, если

мир потеряет веру» [Достоевский, 1974–2, с. 167, 185–186]. Достоевский уже почувствовал такую опасность, о чем свидетельствует ряд народных образов в его творчестве: жестокий Миколка из сна Раскольниково о замученной кобыленке («Преступление и наказание», 1866), крестьянин, который, перекрестившись, убил друга за понравившиеся часы («Идиот», 1868), бывший крепостной Федька-каторжный, надругавшийся над православной святыней — иконой Богоматери («Бесы», 1872), парень, из удалства чуть не расстрелявший причастие («Дневник писателя», 1873), русский «созерцатель» Смердяков, ненавидящий Россию («Братья Карамазовы», 1878–1880), и т.д.

В 1910-е гг. тенденция отрицания религиозной мудрости русского народа, нарушая сбалансированность доверия и критики по отношению к нему в творчестве Достоевского, развилась под пером ряда писателей-символистов: Мережковского («Александр I», 1911–1913), З.Н. Гиппиус («Роман-царевич», 1913), Ф. Сологуба («Творимая легенда», 1907–1913), А. Белого («Петербург», 1913–1914), Чулкова («Сатана», 1913) и др. [подробнее: Богданова 2008]. Народ для этих исповедников «нового религиозного сознания» больше не был бессознательным носителем высшей религиозной истины, так как веровал «неправильно», в духе «исчерпавшего» себя православия, и такая вера ему «жить меша[ла]» [Гиппиус 1996, с. 334]. В отличие от «почвенника» Достоевского они уже не видели в народе идеальной нравственно-религиозной субстанции, с которой интеллигенции необходимо «слиться» для собственного «спасения».

Тем не менее, Вячеслав Иванов в наиболее объемной из своих дореволюционных работ об авторе «Братьев Карамазовых» — «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (1917), — появившейся в самом преддверии победившей революции, не только опроверг мнение о Достоевском как о «враге свободы», но и солидаризировался с концепцией «народа-богоносца» в духе старца Зосимы. «Шатовщина», указывал Иванов, «давно была преодолена Достоевским, беспощадно уличившим ее в основной лжи — в скрытом неверии в Бога» [Иванов 1994, с. 331]. Так наметилась дифференциация «достоевского» представления о народе, которая вскоре углубилась в сочинениях ряда публицистов, прошедших сквозь опыт революций 1917 г. По мнению Иванова, «провозглашенная Достоевским “самостоятельная русская идея” — идея преображения всего нашего общественного и государственного союза в церковь — есть единственный нам открытый творческий путь» [Иванов 1994, с. 324–325]. Жестко полемизируя с «Пророком русской революции...» Мережковского по вопросу о нерасторжимости православно-самодержавного симбиоза, Иванов, с одной стороны, снимал inferнальное клеймо с российской монархии, с другой — ярлык «реакционности» с Достоевского. Накануне погружения России в «глубину <...> беззаконий» (Пс. 129) Иванов, обращаясь к последнему роману Достоевского, утверждал «вечный» народный идеал «Святой Руси» как «господство святых», как «агиократию» [Иванов 1994, с. 336].

«Февральская русская революция <...> родилась бескровно, безбольно, беззлобно <...>» [Иванов-Разумник 1918, с. 201]. 1 марта 1917 г. З.Н. Гиппиус записала в дневнике: «Утренняя светлость сегодня — это опьянение правдой революции, это влюбленность во взятую (не “дарованную”) свободу, и это и в полках с музыкой, и в ясных лицах улицы, народа» [Гиппиус 1999, с. 464]; «огнерадостным хмелем» предстала революция в ее стихотворении «Юный март» (8 марта 1917 г.) [Гиппиус 2002, с. 406–407]. Сродни природе — «грозе, наводнению, водопаду <...>», она воспринималась как «проявление творческих сил» [Белый 1994, с. 296, 300]. Подавляющее большинство российских изданий в февральско-мартовских номерах 1917 г. приветствовали падение самодержавия как долгожданное освобождение и выражали надежду на светлое будущее страны. Это событие практически не изменило взгляда на Достоевского.

Перелом в сознании русской интеллигенции, новое обращение к «пророчествам» автора «Бесов», кардинальный пересмотр прежнего отношения к его мнениям — только после опыта Октября 1917 г. и первых шагов советской власти. Стремясь осмыслить происходившую на их глазах «катастрофу», публицисты символистского, религиозно-философского и либерального крыла, как и прежде, оперировали художественными категориями Достоевского. Но список их, во-первых, расширился («смердяковщина», «шигалеvщина»); во-вторых, во многом изменилась оценка тех категорий, которые уже обсуждались раньше («народ-богоносец»). Однако были и исключения.

Показательно сравнить взгляды на Достоевского одних и тех же авторов в 1905–1907 гг. и в 1917–1921 гг. Так, Волынский в книге 1921 г., по-старому приписав Достоевскому «шатовское» «обоожествление народа», резко опроверг его «догматы» и упрекнул писателя в нетерпимости к мнению «неверующей интеллигенции» [Волынский 1921, с. 6]. А в помеченной 1923 г. неопубликованной речи Волынский уже прямо декларировал свое «разочарование» в Достоевском: и в его художественных принципах, и в его мировоззрении (антизападничестве, антиреволюционности, «обоожествлении русского народа»). «Кардинальная аксиома» Достоевского о «богоносности русского народа», по мнению критика, способна вызвать лишь хохот — писатель «решительно устарел», он «уже больше не актуален для нас» [Котельников 2010, с. 500–502].

Напротив, Блок в 1918 г. укорил «немузыкальную», страшившуюся гибели в «реве и звоне мирового оркестра» интеллигенцию в непонимании Достоевского как великого художника и провидца [Блок 1962, с. 13, 19]. По сути, Блок вставал на сторону «аксиомы» о «народе-богоносце» в духе старца Зосимы, когда призывал (прежде всего чету Мережковских) не «разочаровываться» в революционном народе и видеть в нем не только «хамство и зверство» [Блок 1962, с. 15–16].

Однако сам Мережковский хотя и продолжал отрицать «шатовскую» мысль о «богоносности» русского народа, которую отчетливо не различал

с «зосимовской», в записной книжке 1919–1920 гг. выразил солидарность с другими сторонами «достоевской» концепции: «зверством» и нигилизмом, на которые обращал внимание и в произведениях 1917–1918 гг.⁷ «Иван Карамазов сказал: “Человек есть Бог”. А Смердяков сделал себя Богом»; «Страшен Царь-Зверь, но еще страшнее Зверь-Народ» [Мережковский 2001, с. 59]. Да и отношение к прежнему самодержавию (а значит, к «соблазнам» и «заблуждениям» Достоевского) стало более толерантным, когда открылось, что гнет «самодержавия народа» [Мережковский 2001, с. 59] ничуть не легче. Более того, не Мережковских ли имел в виду Блок, когда писал: «те, кто места себе не находил от ненависти к “царизму”, готовы опять броситься в его объятия, только бы забыть то, что сейчас происходит <...>» [Блок 1962, с. 16–17]. Вспоминая в статье 1921 г. «Царство Антихриста: Большевизм, Европа и Россия» эпизод из «Дневника писателя» за 1873 г. о деревенском нигилисте, желавшем выстрелить в причастие, Мережковский продолжал думать о революции словами и образами Достоевского: «Весь русский народ сейчас — как этот парень. Не предстанет ли и ему “неимоверное видение распятого”?» [Мережковский 2001, с. 27].

По мысли Чулкова, «теперь, после опыта 1917 года», необходим пересмотр прежних ценностей [Чулков 2000, с. 394, 389]. Тем не менее, в статье 1918 г. публицист усилил свой давний тезис о революционности Достоевского: писатель «был таким революционером и таким максималистом, перед пламенным лицом которого кажутся жалкими и тусклыми огнями все костры самых буйных и кровавых революций» [Чулков 2000, с. 400]. Три главные идеи Достоевского: «народ-богоносец», «мистическое самодержавие» и «страдающий и воскресающий Бог» — в плане «трагического» понимания истории приобретали непреходящее значение. Очевидно, что писателя Чулков понимал в духе Вячеслава Иванова, чьими идеологемами широко пользовался. Так, по мнению автора «Сатаны», «правда» Достоевского, которой может быть исцелен трагизм мира, это «правда о земле, земле живой и в существе своем святой — той земле, которую целовал Алеша после кончины старца Зосимы <...>». Другими словами — о «Святой Руси», или, по Чулкову, «Христове» социализме [Чулков 2000, с. 399, 401].

Симптоматична и послеоктябрьская позиция Розанова. В безнадежно-трагическом «Апокалипсисе нашего времени» (1918) Достоевский упомянут всего пять раз, но контекст этих упоминаний позволяет сделать определенные выводы о розановском восприятии писателя в этот период. Так, в главке «Рассыпанное царство» (вып. 1), где автор удивлялся молниеносному распаду России, он указал на одного из представителей «подлого народа», который предложил «из бывшего царя <...> кожу по одному ремню тянуть». «И что ему царь сделал, этому “серьезному мужичку”», — огорчился Розанов. «Вот и Достоевский... Вот тебе и Толстой, и Алпатых, и “Война и мир”» [Розанов 2000, с. 7]. Очевидно, автор имел в виду следующее: действительность показала, что оба великих писателя ошибались в монархических

симпатиях русского народа, а самодержавие на деле не виновато в народных бедах. В главке «Дед» (вып. 3) Розанов явно иронизировал над прочитанным у Достоевского отождествлением крестьянина и христианина [Розанов 2000, с. 18], что свидетельствует о его несогласии с определением русского народа как «богоносца» не только в «шатовском», но и в «зосимовском» варианте. Однако в главках «Три гороскопа» и «О страстях мира» (вып. 8–9) Розанов, обратившись к метафизике Достоевского, проявил солидарность с другими религиозными интуициями автора «Бесов» и «Братьев Карамазовых».

Сборник «Из глубины» был собран к августу 1918 г. из статей, написанных по горячим следам революционных событий, после Октябрьского переворота и первых действий советской власти. В России уже напечатанное издание не смогло увидеть свет из-за наступившего после покушения на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. «красного террора». Вывезенные в 1922 г. за границу экземпляры стали основой для последующего издания книги на Западе (Париж: YMCA-Press, 1967).

Сборник изначально задумывался его издателем Струве как продолжение идейной линии «Вех» в новых исторических условиях, поэтому его авторский костяк составили те же люди: Бердяев, Булгаков, Изгоев, Франк, сам Струве. Если «Вехи» были «предостережением» и «слабым предчувствием моральной и политической катастрофы», то «Из глубины» — «высказывание» религиозно-философской интеллигенции «об уже совершившемся крушении <...> которое постигло наш народ и наше государство» [Вехи 1991, с. 209]. «Теперь даже для людей полуслепых многое виднее, чем после 1905 года <...>» [Вехи 1991, с. 287]. «Из глубины» еще в большей степени, чем «Вехи», пестрит обращениями к Достоевскому, прежде всего по актуальным в годину революции вопросам — о самодержавии, народе, интеллигенции... Еще резче подчеркнут здесь и предуказанный Достоевским религиозно-метафизический характер происходивших событий.

Особенно разительно отличается в революциях 1905 и Октября 1917 гг. отношение к самодержавию. Например, С.А. Аскольдов, рассуждая о вере и христианском долготерпении русского народа, с симпатией и уважением отозвался о царе-освободителе Александре II, чье «мудрое» дело погубили последующие правители, отказом от необходимых реформ спровоцировав успех революционно-социалистической пропаганды в народных массах [Вехи 1991, с. 233].

В свою очередь, Бердяев заявлял: «Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, всё зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить», на деле «тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре» [Вехи 1991, с. 256]. Здесь бросается в глаза перекличка со словами Достоевского из «Дневника писателя» за 1877 г.: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что

душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой <...>» [Достоевский 1983, с. 201]. Более того, писал Бердяев, «формы старого строя сдерживали проявления многих русских свойств, вводили их в принудительные границы. Падение этих обветшалых форм привело к тому, что русский человек окончательно разнуздан и появился нагишом» [Вехи 1991, с. 258].

В диалогах Булгакова, объединенных под заглавием «На пиру богов», сталкивались различные точки зрения на русское самодержавие: консервативная, либеральная, мистическая и пр. Последняя, утверждавшая устами одного из участников диалогов Беженца inferнальный характер свергнувшей монархии революции, по-видимому, была наиболее близка автору. С мнением Достоевского совпала позиция другого участника диалогов — Генерала: народу «нужна личная, конкретная государственность, связанная с его душой» — «тогда восстановится сама собой и Россия» [Вехи 1991, с. 314].

И.А. Покровский в статье «Перуново заветие» показал многообразие политических обликов «русского деспотизма»: «палочное вечевое народоправство», «палочное самодержавие» Ивана Грозного, Петра Великого и Николая I, «диктатуру пролетариата». Причину этого «злого заветия» правовед усмотрел не во внешних формах правления, не в русской монархии как таковой, а в неразвитости в стране либерально-гуманистической и правовой культуры [Вехи 1991, с. 443–444].

Опираясь на вновь приобретенный опыт, Струве фактически продолжил линию, начатую в «Вехах»: по его мнению, самые недостатки свергнутого в 1917 г. «режима» «коренились не в порядках и учреждениях, не в “бюрократии”, “полиции”, “самодержавии”, как гласили общепринятые объяснения, а в нравах народа или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались именно порядками и учреждениями» [Вехи 1991, с. 461]. Вину самодержавия публицист усматривал лишь в систематическом недопущении интеллигенции к государственному строительству, что сформировало в ней «психологию и традицию государственного отщепенства» и толкнуло на путь революционного радикализма [Вехи 1991, с. 462].

Наконец, Франк, констатируя вместо ожидавшегося возрождения «в процессе революции» — гибель России, заключал: «Теперь уже неизбежно сознание, что не политические формы жизни как таковые определяют добро и зло в народной жизни, а проникающий их живой нравственный дух народа» [Вехи 1991, с. 492].

Спектр сложного отношения Достоевского к народу не был адекватно воспринят и в условиях победившей в 1917 г. революции. В итоге со стороны некоторых авторов сборника «Из глубины» писатель стал объектом достаточно жесткой критики за приписывавшиеся ему «пророчества» и мнения. Другие же публицисты, напротив, по-своему осваивали «достоевскую» концепцию народа. Среди последних можно назвать Аскольдова с его разделением «души русского народа» на «святое, специфически челове-

ское и звериное». Интеллигентская пропаганда, по мысли философа, потеснив «святое» и так и не насадив «гуманистического», спровоцировала в ней преимущественный рост «звериного» [Вехи 1991, с. 225, 228]. Причем в Октябрьской революции «восстал во весь свой рост не просто зверь, а именно злой зверь, живший в народной душе» [Вехи 1991, с. 239]. Похоже, этот «злой зверь» и стал кульминацией «бесовско»-нигилистического изменения народа, замеченного еще Достоевским.

А вот Бердяев вновь предъявил автору «Бесов» весомый счет не только за «шатовского», но теперь уже и за «зосимовского» «народа-богоносца»: «Достоевский ошибся <...>», его «народопоклонство <...> потерпело крах в русской революции. Его положительные пророчества не сбылись <...>», «правда, сказанная им о России, не есть сласчая и розовая правда народолюбия и народопоклонства», не есть «церковный национализм» [Вехи 1991, с. 268, 277]. Более того, «антихристова» вера в «богоносный революционный народ», по сути, сделала писателя одним из «бесов», или «духов», разразившейся революции, подобно Шатову, с которым его создатель Бердяевым был практически отождествлен [Вехи 1991, с. 270]. Одновременно философу принадлежит подлинное открытие в сфере «народознания» Достоевского — именно Бердяев первым указал на обнажившуюся в октябрьской смуте 1917 г. стихию «смердяковщины» в русском народе: «Достоевский предвидел торжество <...> смердяковщины. Он знал, что подымется в России лакей и в час великой опасности для нашей родины скажет: “я всю Россию ненавижу” <...> Иван Карамазов и Смердяков — два явления русского нигилизма, две стороны одной и той же сущности. Иван Карамазов — высокое, философское явление нигилизма; Смердяков — низкое, лакейское его явление <...>. Во всякой массе человеческой, массе народной больше Смердяковых, чем Иванов. И в революции как движении масс, количеств, больше Смердяковых, чем Иванов. В революции торжествует атеистическая диалектика Ивана Карамазова, но осуществляет ее Смердяков. Это он сделал на практике вывод, что “всё дозволено” <...>. Смердяковщина <...> есть последнее проявление хамства» [Вехи 1991, с. 274–275]. В обозначении «хамства» как одной из черт революционного народа, предуказанной Достоевским в образе Смердякова, с Бердяевым были солидарны не только Мережковские с их «Торжествующим Хамом» [Мережковский 1918], но и некоторые авторы «Из глубины» — Булгаков, В.Н. Муравьев.

Из пяти булгаковских диалогов под общим заглавием «На пиру богов» проблеме революционного народа посвящены два. Как и в случае с самодержавием, в них столкнулись мнения консерватора, либерала, ортодоксального церковника, патриота, нравственного ригориста и человека, умудренного практическим опытом революционных испытаний. Народ в их интерпретации одновременно и «богоносец», и «скот», и «бес-нигилист», и воплощение «смердяковщины», и просто сборище «темных, некультурных людей» [Вехи 1991, с. 290–303]. Наиболее широко из всех публицистов революционной

эпохи представив целостную «достоевскую» концепцию народа, разобрannую по идеологическим группам и партиям, в заключение устами Беженца Булгаков выразил собственное понимание ситуации, во многом вытекавшее из воззрений Достоевского: «за русскую душу борются рати духовные, желая отнять у нее вверенный ей дар», т.е. православную веру [Вехи 1991, с. 322]. Тем не менее, именно в булгаковских диалогах прозвучала самая резкая на страницах сборника критика Достоевского, исходившая от Дипломата, выразителя либерально-западнической точки зрения: «<...> Достоевский <...> роковой для России человек. Нам до сих пор еще приходится продираться чрез туман, напущенный Достоевским, это он богоносца-то сочинил. А теперь вдруг оказывается, что для этого народа ничего нет святого, кроме брюха» [Вехи 1991, с. 315].

Протестуя против затеянной новой советской властью орфографической реформы русского языка, Вячеслав Иванов воспел настоящий гимн нашему «святому», «богату» и «свободному» языку, доставшемуся народу «как жребий, как некое предназначение его грядущего духовного бытия <...>. С таким языком народ наш не мог не исполниться верою в ожидающее его религиозное вселенское дело». В страшные для России дни и месяцы именно «наш язык» стал спасением «от отчаяния при виде разодранной ризы отчества». «Злой человеческий произвол», по мысли поэта-философа, не способен разрушить «замысел Божий» о России и ее народе [Вехи 1991, с. 354, 356]. Как видим, мрачные события конца 1917 — начала 1918 гг. не повлияли на мнение Иванова, высказанное им еще в начале 1917 г., о русском народе как «богоносце» — в том смысле, который вкладывал в это определение старец Зосима и говоривший его устами сам автор «Братьев Карамазовых».

По мнению Муравьева, не кто иной, как «народ разрушил Россию» в 1917–1918 гг.: «Это то, что Достоевский в своем гениальном прозрении избразил в образе Ивана Карамазова, мыслившего смерть отца, и Смердякова, совершившего убийство. Русский народ, появившийся перед нами в образе Смердякова и сделавший злое дело, имеет право сказать интеллигенции перед трупом бездыханной России: ан ты главный убийца и есть!» [Вехи 1991, с. 416, 418]

Констатируя обнаруженную еще в XIX в. «болезнь народного духа» — нигилизм, Франк из «бездн падения» России 1918 г. задался «достоевским» вопросом: «Как и почему случилось, что народ <...>, прозванный народом-богоносцем, стал народом-нигилистом, кощунственно попирающим все свои святыни? Как случилось, что народ, не без основания прославленный за свою нравственную кротость и чистоту, стал народом-убийцей, народом неприкрытой корысти и всяческого нравственного распутства?» [Вехи 1991, с. 496]. Причину Франк видел в рассогласованности в русском общественном организме мечтательно-идейных и практически-действенных начал, по которым распределялись добро и зло: первое было бессильным, второе владало в реально-эмпирической жизни.

Горячо обсуждался всеми без исключения авторами «Из глубины» и вопрос об интеллигенции как главном ферменте революционного движения. Вчитываясь в Достоевского при зареве Октября 1917 г., Бердяев увидел в современной ему интеллигенции явные признаки «бесноватости», «права на бесчестье», «сантиментальности», «стыда собственного мнения» и «шигалевщины». Отсюда знаменательное признание: «Достоевский был более проницателен, чем признанные учителя русской интеллигенции <...>» [Вехи 1991, с. 274]. Такие герои «Бесов», как Петр Верховенский и Шигалев, определяли, по мнению Бердяева, лицо совершавшейся революции. «Шигалевщина движет и правит русской революцией <...>. Русская революционно-социалистическая мечтательность и есть шигалевщина. Во имя равенства мечтательность эта хотела бы истребить Бога и Божий мир. В той тирании и в том абсолютном уравниении, которыми увенчалось “развитие и углубление” русской революции, осуществляются золотые сны и мечты русской революционной интеллигенции. Это были сны и мечты о царстве шигалевщины. Многим оно представлялось более прекрасным, чем оказалось в действительности» [Вехи 1991, с. 272–274].

Интеллигенции посвящен один из «современных диалогов» в булгаковском симпозионе «На пиру богов». С одной стороны, по причине своего «нигилизма» и «безбожия» она признавалась виновницей «развращения» народа и прихода к власти большевиков, с другой — едва ли не лучшей частью русского народа. Первое мнение исповедовали представители консервативного, патриотического и ортодоксально-церковного лагеря (Генерал, Писатель, Светский богослов), второе также прозвучало из уст одного из них — Светского богослова. Позиция последнего, как видим, двойственна, что отражало динамику мнения самого Булгакова по этому вопросу. Как будто продолжая мысль Мережковского о национальном характере русской интеллигенции⁸, герой Булгакова включил в ее состав не только сторонников революционно-демократического и социалистического движения, но и христианских мыслителей, великих писателей и философов: славянофилов, Достоевского, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева и др. Разделив понятия «интеллигенция» и «интеллигентщина», он предлагал бороться только с последней «во имя духовной культуры» [Вехи 1991, с. 332]. Что же касается критикуемых им представителей «интеллигентщины», то «уроки истории, пережитые испытания» должны их «многому научить», «углубить [их] духовное созревание» и «подвинуть <...> к воцерковлению» [Вехи 1991, с. 332]. Надежда на скорое сближение интеллигенции с Церковью, уже не «запятнанной» союзом с самодержавием, теперь свергнутым, одушевляла Светского богослова, участника «всенародного» Крестного хода в Москве 28 января 1918 г. В этом ключе оптимистическая концовка «На пиру богов» — радостные возгласы православной Пасхи, праздника «воскресения из мертвых» — звучит вполне органично. Очевидно, что мысль о желанном воцерковлении интеллигенции вполне соответствовала заветам Достоевского как создателя образа русского

инока «в миру» Алеши Карамазова [Достоевский 1976, с. 259]. И хотя указанная параллель не была прямо озвучена в булгаковских диалогах, она напрашивалась сама собой.

Помимо Бердяева, «шигалевскую» метаморфозу революционной интеллигенции засвидетельствовал Изгоев. По мнению публициста, опыт «военного коммунизма» и «продразверстки» показал правоту логики Шигалева: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» [Достоевский 1974–1, с. 311]. Действительно, «чтобы отобрать у крестьян весь хлеб, кроме крайне необходимого для собственного пропитания и поддержания хозяйства, чтобы заставить рабочих, переведенных на паек, выработать “урочный” продукт, чтобы при этом поддерживать производство хотя бы на уровне “буржуазного” хозяйства первого года войны, необходимо было крайнее напряжение принудительного аппарата вплоть до расстрелов, лишения хлебного пайка, обречения на голодную смерть и т.д.» [Вехи 1991, с. 385].

Подобно Булгакову и, соответственно, вслед за Достоевским правовед С.А. Котляревский также видел возможность «оздоровления» интеллигенции только на пути возвращения к вере и Церкви. В целом же его статья посвящена всесторонней критике народничества («народопоклонства») как главной интеллигентской идеологии: «Никогда народничество не поднималось до идеи нации, никогда оно поэтому не было способно воспитывать здоровое национальное чувство <...>» [Вехи 1991, с. 392]. В произошедшей «катастрофе» интеллигенция виновата тем, что разрушала «народную веру», на которой одной и держались «нравственные устои русского народа», и «на месте ее насаждал[а] чудовищный культ своеволия и классовой ненависти» [Вехи 1991, с. 401]. Вариации той же мысли — в статьях правоведов П.И. Новгородцева и И.А. Покровского. По мнению первого, правота «Вех», призывавших интеллигенцию к пересмотру своего мировоззрения после революции 1905 г., полностью доказана в Октябре 1917 г.: «Не только государство наше разрушено, но и нация распалась. Революционный вихрь разметал и рассеял в стороны весь народ, рассек его на враждебные и обособленные части <...> Только самые черные дни нашей прошлой истории могут сравниться с тем, что мы сейчас переживаем» [Вехи 1991, с. 433–434]. Второй констатировал: интеллигенция — «духовный виновник» народного падения в «пропасть» «нравственного ужаса» [Вехи 1991, с. 458].

Не упоминая Достоевского, Муравьев в статье «Рев племени» при характеристике интеллигенции постоянно пользовался его категориями: «подполье», «отвлеченная мысль», «безответственная мысль» и т.п. Взаимоотношения интеллигенции и народа в процессе революции он осмыслял в образах «Братьев Карамазовых»: помывший убийство интеллигент Иван и совершивший «злое дело» Смердяков [Вехи 1991, с. 413, 418]. По-видимому, имея в виду Белое движение, Муравьев поспешил провозгласить рождение «новой русской интеллигенции», уже не отделенной ни от народа, ни от христианской веры: «Против России грабежа, насилия и разнузданности встает грозной ратью

Россия самопожертвования, строгости и подвига. Против Руси нечестивой, Руси разбойной поднимается Русь рыцарская» [Вехи 1991, с. 422].

Также без упоминания Достоевского, Струве сделал концептуальной основой своей статьи в сборнике «Из глубины» его категорию «идеи-страсти», которая должна «восстановить Россию», — это идея «нации» как духовно-культурной общности всех классов и сословий [Вехи 1991, с. 474–476]. Переключка с «Пушкинской речью» Достоевского, призывавшей к национальному единению, здесь очевидна. Именно интеллигенция, считал Струве, а точнее ее «психология и традиция государственного отщепенства», «и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вожделениями, сокрушила великое и многосоставное государство» [Вехи 1991, с. 462]. По наблюдению публициста, «созидательных потенций нет и не видно в русской революции» [Вехи 1991, с. 471] — совсем как в «Бесах» Достоевского, где Петр Верховенский и К^о проповедовали «всеобщее разрушение» [Достоевский 1974–1, с. 77–78].

Постоянно обращавшийся к Достоевскому Франк для характеристики российской ситуации 1917–1918 гг. вспомнил, в отличие от остальных авторов «Из глубины», не «Бесов», а другое произведение «величайшего русского пророка» — рассказ «Бобок» в составе «Дневника писателя» за 1873 г.: «Мертвецы в своих могилах, прежде чем смолкнуть навеки, еще живут, как в полусне, обрывками и отголосками прежних чувств, страстей и пороков <...>. И если мы, задыхаясь и умирая <...>, в своих тревогах и упованиях продолжаем по инерции мысли бормотать о “заветах революции”, о “большевиках” и “меньшевиках” и об “учредительном собрании”, если мы судорожно цепляемся за жалкие, замирающие в нашем сознании остатки старых идей, понятий и идеалов <...> — то <...> это всё есть тот же “бобок” разлагающегося мертвеца» [Вехи 1991, с. 478–479]. Таков, по Франку, статус интеллигенции в революционных событиях. Свои симпатии автор отдал «истинному духовному консерватизму» [Вехи 1991, с. 491] славянофилов и «почвенников» во главе с Достоевским — только их «религиозно-общественные» идеалы могут «оздоровить» русскую жизнь [Вехи 1991, с. 497–498].

Тем не менее, несмотря на констатацию «страшной катастрофы» [Вехи 1991, с. 250], произошедшей с Россией, «национального банкротства и мирового позора» [Вехи 1991, с. 459], «бездны падения», «возрождением» из которых может быть только «восстание из мертвых с новой душой», «подлинное воскресение» [Вехи 1991, с. 478–479], большинство статей сборника заканчивались выражением надежды на «великие возможности» русского народа. «Идея народа, замысел Божий о нем остается и после того, как народ пал <...>» [Вехи 1991, с. 289]. «[Посевы] добра, которые произведены бедствиями, мученичествами и другими испытаниями и научениями русской революции <...>, могут дать “некоторый плод” в виде “целостно[го] обнаружени[я] христианского идеала общественности”, другими словами — хилиастического 1000-летнего царства праведников на земле во главе с Хри-

стом [Вехи 1991, с. 249, 248]. О Пасхе Булгакова, «рыцарстве» Муравьева и «национальной идее» Струве уже говорилось выше. Всё это — вместе с надеждами Франка на осуществление «идеала религиозной осмысленности и национально-исторической обоснованности общественной и политической культуры» [Вехи 1991, с. 498] — в русле представлений не только Достоевского-художника, но и Достоевского-публициста о будущих судьбах России и ее народа. Итак, если в 1905–1906 гг. «Дневник писателя» вызывал в целом отторжение даже у религиозно-философского крыла русской интеллигенции, то опыт 1917–1918 гг. привел к согласию с рядом высказанных там взглядов.

Резюмируем мнения рассмотренных авторов сборника «Из глубины» по основным «достоевским» вопросам, имевшим первостепенное значение в революции 1917 г. Во-первых, самодержавие. Оказалось, что не оно виновато в главных русских бедах. Таким образом, Достоевский-«реакционер», сторонник монархии, был практически полностью реабилитирован. Во-вторых, за немногими исключениями (Булгаков, Вяч. Иванов), авторы сборника были резко не согласны с концепцией «народа-богоносца», при этом практически не различая ее «шатовского» и «зосимовского» изводов. Одновременно происходило проникновение в подлинное представление о народе у Достоевского: было замечено явление т.н. «смердяковщины», не только объединявшее «зверя» и «нигилиста» в народной среде, но также осветившее в ней повсеместный рост «хамства». В-третьих, все авторы «Из глубины» сошлись на том, что Достоевский в «Бесах» отнюдь не оклеветал революционную интеллигенцию, а сказал о ней подлинную правду, открыв и описав явление «шигалеvщины». Наконец, с Достоевским полностью разделялись как представление о религиозно-метафизическом смысле русской революции («бесноватости» ее устроителей и участников), так и христианский оптимизм по отношению к будущей духовной судьбе русского народа. Подобно концовке «Бесов», где исцеленный Христом бесноватый сел у ног Спасителя, в финале почти каждой из статей сборника звучали слова надежды на непреходящее «воскресение» низко «павшей», «мертвой» России.

Итак, символистское и религиозно-философское крыло русской интеллигенции за полтора десятилетия революционной истории России (1905 — начало 1920-х гг.) прошло заметный путь в осмыслении и оценке той части наследия Достоевского, которая касалась основных элементов отечественного революционного процесса: самодержавия, народа, интеллигенции, — а также его историософского значения. И если в 1906 г. Мережковский назвал автора «Бесов» «пророком русской революции» хотя и от противного, но, несомненно, в положительном смысле — как провозвестника светлого религиозно-социального преображения России, то в 1918 г. Бердяев определил его как одного из «духов» русской революции хотя и в прямом значении, но скорее в отрицательном смысле — как выразителя «антихристовой» идеи «обожествления народа», продемонстрировавшей свою полную несостоятельность в жестоких событиях конца 1917 — начала 1918 гг. В последнем

случае основанием для критики Достоевского стала «шатовская» концепция народа, целиком приписанная самому писателю. При этом Бердяев, как мы видели, принял давнее «мережковское» определение «пророк русской революции», но вложил в него другой смысл: победившая революция совершилась именно так, как предсказывал автор «Бесов». Этот великий роман-«пророчество», отметил Бердяев, долгое время недальновидно принимался за «пасквиль» [Вехи 1991, с. 269]. На деле же в «Бесах» писатель «нарисовал всю картину, так страшно до мелочей оправдавшуюся ныне, — признавал другой автор “Из глубины”, Изгоев. — Десятки лет картины Достоевского считались карикатурой на русский социализм. Но для “имеющих очи” уже в 1905–1906 годах видно было, что Достоевский пророчески прозревал в глубь событий. В 1917–1918 гг. об этом не может уже быть и спору» [Вехи 1991, с. 367].

В законченной к сентябрю 1921 г. книге «Миросозерцание Достоевского» Бердяев подвел итог своим размышлениям о писателе в контексте происходившей вокруг революционной ломки: «Революция совершилась по Достоевскому. Он раскрыл ее идейные основы, ее внутреннюю диалектику и дал ее образ <...>. “Бесы” — роман, написанный не о настоящем, а о грядущем. В русской действительности 60-х и 70-х годов не было еще ни Ставрогина, ни Кириллова, ни Шатова, ни П. Верховенского, ни Шигалева. Эти люди появились у нас позже, уже в XX веке, когда почва углубилась и начались у нас религиозные веяния» [Бердяев 2001, с. 97]. Достоевский «не любил “революции”, потому что она ведет к рабству человека, к отрицанию свободы духа <...> Достоевский вскрывает обманчивый характер “революции”, где «антихрист подменяет Христа» [Бердяев 2001, с. 100]. Как видим, пережитый на родине исторический опыт привел философа к солидарности с принципиальной антиреволюционностью автора «Бесов».

Мережковский, в целом разделявший позицию Бердяева, уже из эмиграции славословил Достоевского в честь его 100-летнего юбилея в весьма парадоксальной форме: «О, конечно, сейчас лицо его озарено таким ослепляющим светом славы, как еще никогда! Но ведь это озарение — зарево того пожара, который испепелил Россию. Совершились пророчества — вот в чем слава пророка. Слава Достоевского — гибель России» [Мережковский 2001, с. 182]. Осенью 1921 г. идеолог «религиозной революции» покаянно сожалел: «Да, если бы мы все, русская интеллигенция, русское сознание и совесть, в последнем счете, все-таки решавшие судьбы России, не отделались с такою легкостью от Достоевского, как от “безумного” пророка и “жестокého таланта”, — то Россия не погибла бы» [Мережковский 2001, с. 183].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Курсив Т.А. Касаткиной. Здесь и далее в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, курсив принадлежит авторам.

² Публичная лекция по статье была прочитана Д.С. Мережковским 18 февраля 1906 г.

³ Из письма А.Г. Достоевской С.И. Смирновой (Сазоновой) от 26 мая 1906 г.

⁴ Так, в книге «Апофеоз беспочвенности (Опыт адогматического богословия)» Л. Шестов писал: «Достоевский — *advocatus diaboli*», так как осуждал лютеранство за его протест против «разнузданных вакханалий» католичества; прав Н.К. Михайловский: Достоевский — «жестокий талант»; Достоевский — «старый кудесник», «опасный человек», которого нельзя «избирать в свои духовные вожди» [Шестов 1905, с. 186, 189–190]; «существо» Достоевского — «изуродованное, ненормальное» [Шестов 1905, с. 143].

⁵ Из-за невозможности дольше задерживать выход издания. Подробнее: [Богданова 2015].

⁶ Т. е. высказанная Шатовым, героем романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

⁷ В романе «14 декабря», публикациях в газетах «День», «Русское слово», «Грядущее», «Наш век», «Вечерний звон», «Новая речь», «Новые ведомости».

⁸ См. об этом, например, статьи Д.С. Мережковского «Грядущий Хам» (1905), «Революция и религия» (1907) и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Айхенвальд 1994 — Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 591 с.
- Белов 1986 — Белов С.В. Жена писателя: Последняя любовь Ф.М. Достоевского. М.: Сов. Россия, 1986. 208 с.
- Белый 1994 — Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
- Бердяев 1999 — Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999. 464 с.
- Бердяев 2001 — Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: Захаров, 2001. 174 с.
- Блок 1962 — Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. 556 с.
- Блок 2003 — Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 7: Проза (1903–1907). М.: Наука, 2003. 520 с.
- Блок 2010 — Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). М.: Наука, 2010. 592 с.
- Богданова 2008 — Богданова О.А. Под созвездием Достоевского: (художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы): монография. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2008. 311 с.
- Богданова 2015 — Богданова О.А. Вокруг вступительной статьи к Юбилейному (6-му) изданию ПСС Ф.М. Достоевского (штрихи к писательской биографии) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 3. С. 39–44.
- Бузина 2003 — Бузина Т. Православие и проповедь истинной веры: Достоевский, Шатов и духовные стихи // Достоевский и мировая культура. Вып. 17. М.: Издатель С.Т. Корнеев, 2003. С. 110–124.
- Булгаков 1993 — Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. 751 с.
- Вехи 1991 — Вехи; Из глубины / Сост. и подгот. текста А.А. Яковлева; Примеч. М.А. Колерова и др. М.: Правда. 1991. 462 с.
- Волжский 1906–1 — Волжский [А.С. Глинка]. Достоевский и самодержавие // Московский еженедельник. 1906. № 12, 27 мая.
- Волжский 1906–2 — Волжский [А.С. Глинка]. Памяти Ф.М. Достоевского. К вопросу об отношении Достоевского к самодержавию. По поводу статей Мережковского и Булгакова // Московский еженедельник. 1906. № 40, 23 дек.; № 41, 30 дек.
- Волжский 1906–3 — Волжский [А.С. Глинка]. Федор Михайлович Достоевский. Жизнь и проповедь. М.: Труд и воля, 1906. 79 с.
- Волынский 1906 — Волынский А.Л. Ф.М. Достоевский. СПб.: Тип. «Энергия», 1906. 501 с.
- Волынский 1921 — Волынский А.Л. <Предисловие> // Достоевский и Пушкин / Ред. А.Л. Волынского. СПб.: Парфенон, 1921. С. 5–8.

- Гиппиус 1996* — Гиппиус З.Н. Опыт свободы. М.: Панорама, 1996. 526 с.
- Гиппиус 1999* — Гиппиус З.Н. Дневники: В 2 кн. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. Кн. 1. М.: НПК «Интелвак», 1999. 736 с.
- Гиппиус 2002* — Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русская книга, 2002. 496 с.
- Достоевский 1906* — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Юбилейное (6-е) изд.: В 14 т. Т. 1. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1906. XL, 395 с.
- Достоевский 1974-1* — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 519 с.
- Достоевский 1974-2* — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 11. Л.: Наука, 1974. 415 с.
- Достоевский 1976* — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 511 с.
- Достоевский 1980* — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. 551 с.
- Достоевский 1981* — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1981. 407 с.
- Достоевский 1983* — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. 470 с.
- Достоевский 1984* — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. 518 с.
- Достоевский 1988* — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 30 (1). Л.: Наука, 1988. 456 с.
- Евг.Л. 1906* — Евг.Л. [Е.А. Ляцкий]. [Рец. на:] Мережковский Д. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского). СПб., 1906 // Вестник Европы. 1906. № 7. С. 388–391.
- Закржевский 1912* — Закржевский А. Карамазовщина. Психологические параллели: Достоевский, В. Брюсов, В. Розанов, М. Арцыбашев. Киев: Изд. журнала «Искусство», 1912. V, 161 с.
- Захаров 2010* — Захаров В.Н. «Бесы»: опыт реконструкции журнальной редакции романа // *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Издание в старой орфографии и пунктуации* / Под ред. проф. В.Н. Захарова. Т. IX. Приложение. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. С. 673–706.
- Иванов 1994* — Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
- Иванов-Разумник 1918* — Иванов-Разумник Р.В. Две России // Скифы: Сб. 2. М.: Книгоизд-во «Скифы», 1918. С. 201–231.
- Из архива 1992* — Из архива А.Г. Достоевской: Письма Д.С. Мережковского и С.Н. Булгакова. Переписка с В.В. Розановым / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее: Историч. альманах. Вып. 9. М.; СПб.: Открытое общество: Феникс, 1992. С. 235–293.
- Касаткина 2007* — Касаткина Т.А. Введение // *Достоевский и XX век: В 2 т.* / Под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 3–9.
- Келдыш 2010* — Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 512 с.
- Котельников 2010* — Котельников В.А. «Что есть истина?»: Литературные версии критического идеализма. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. 672 с.
- Мережковский 1906-1* — Мережковский Д.С. I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. 188 с.
- Мережковский 1906-2* — Мережковский Д.С. Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. 154 с.
- Мережковский 1918* — Мережковский Д.С. Революционная демократия // Новые ведомости. 1918. № 79, 6 июня (24 мая), веч. вып.
- Мережковский 2001* — Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001. 656 с.
- Мережковский 2004* — Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Т. 6: Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. 478 с.

Минц 2000 — Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 784 с.

Розанов 1906 — Розанов В.В. Послесловие к комментарию «Легенды о Великом Инквизиторе» // Золотое руно. 1906. № 11–12. С. 97–101.

Розанов 1997 — Розанов В.В. Чем нам дорог Достоевский? // Властитель дум: Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века / Сост., вступ. статья и коммент. Н.Т. Ашимбаевой. СПб.: Худ. лит., 1997. С. 270–278.

Розанов 2000 — Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 12: Апокалипсис нашего времени. Вып. 1–10 / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. 430 с.

Чулков 1906 — Чулков Г. О мистическом анархизме / Со вступ. ст. Вяч. Иванова «О неприятии мира». СПб.: Факелы, 1906. 79 с.

Чулков 2000 — Чулков Г.И. Достоевский и судьба России // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 15. СПб.: Наука, 2000. С. 389–407.

Шестов 1905 — Шестов Л. Апофеоз беспочвенности (Опыт адогматического богословия). СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 293 с.

Шестов 1906 — Шестов Л. Пророческий дар // Полярная звезда. 1906. № 7, 27 янв.

Якубович 2000 — Якубович И.Д. Достоевский в религиозно-философских и эстетических воззрениях А. Волынского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 15. СПб.: Наука, 2000. С. 67–89.

**МОТИВЫ «БЕСОВСТВА»
В ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ
ПЕРВЫХ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ***

Статья рассматривает филологические аспекты в обсуждении мотивов «бесовства» в литературе первых лет революции (1917–1921): какие сюжетные мотивы, какая символика, какие типы героев в русской литературе Нового времени связаны с темой «бесовства», какие тексты формировали общее пространство этого мифопоэтического сюжета в русской культуре, какие евангельские или библейские сюжеты могут считаться константными при воплощении или обсуждении темы «бесовства» в литературе и публицистике.

The article examines philological aspects in the discussion of “devildom” motives in the literature of the first revolution years (1917–1921): plot motives, symbolism and types of characters in modern Russian literature which are associated with “devildom” theme, texts that formed the general field of this mythopoetic plot in Russian culture, evangelical or biblical stories that may be considered constant in incarnation or discussion of “devildom” theme in literature and journalism.

Ключевые слова: мифопоэтика, миф о бесовстве, сюжетные вариации, символика, эмблематика.

Keywords: mythopoetics, myth about devildom, plot variations, symbolism, emblematic.

Необходимо сразу внести тематические ограничения: речь в статье пойдет только о литературных, филологических аспектах в обсуждении мотивов «бесовства». Богословская и религиозно-философская проблематика будет затрагиваться лишь в тех случаях, когда они необходимы для прояснения каких-то смысловых пластов в произведениях. Не потому, что в богословском или религиозно-философском подходах есть что-либо предвзятое, а потому, что это — иная плоскость рассмотрения, не входящая в объем филологических задач.

Филологический подход к заданной проблематике предполагает ответы на следующие вопросы: какие сюжетные мотивы, какая символика, какие типы героев в русской литературе Нового времени связаны с темой «бесовства». Не менее важно осознать, какие тексты формировали общее пространство этого, несомненно, мифологического, мифопоэтического сюжета в русской культуре, какие евангельские или библейские сюжеты могут считаться константными при воплощении или обсуждении темы «бесовства» в литературе и публицистике.

* Работа проводилась при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 — нач. 1920-х)».

История мифа о «бесовстве» потребовала бы серьезной монографии, однако без указания хотя бы основных произведений, с которых началось осознание важности этой темы для русской культуры, обойтись невозможно. В литературе XIX в. формирование мифа о «бесовстве» началось в творчестве Пушкина (баллада «Бесы», «Капитанская дочка»), Лермонтова («Демон»), было продолжено в романтической прозе Гоголя («Страшная месть») и получило новые сюжетные импульсы в романах Достоевского («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы»). Именно эти произведения обозначили основные сюжетные вариации и мотивы русского литературного мифа о «бесовстве».

Важнейшие мотивы, заданные пушкинской балладой «Бесы», перечислены в работе В.А. Грехнева [Грехнев 1994, с. 227–246]. Они разделяются на «опорные детали предметного плана» и на эмоционально-психологические состояния и жесты. К предметным мотивам относится прежде всего фигура героя — странника (*путника*), скитальца. С его образом неразрывно связан мотив дороги (*пути*) или его антиномия — бездорожье, утрата пути в прямом и символическом смысле. Дорожные блуждания героя — сюжет, связывающий оба названных мотива, который тоже может быть прочитан в прямом и символическом значении. Характер движения — кружение («В поле бес нас водит, видно, / И кружит по сторонам», «Закружились бесы разны», «Сил нам нет кружиться доле»), создающее вихри, хаос, смешение, бессмыслицу. Атмосфера, окружающая героя, — ночь, тьма, тучи, снег. Эмоционально-психологические мотивы, по мнению В.А. Грехнева, — совмещение страха и тоски, а также своего рода «зачарованности» встречей с иным миром.

В «Капитанской дочке» все эти мотивы разворачиваются в микросюжет в сцене бурана. Заблудившийся герой, потерявший дорогу («невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом»), ночной буран, вихрь, метель («всё было мрак и вихорь»), хаос («В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем»). Встреча с Вожатым-Пугачевым соединяет тему «бесовства» с темой «бессмысленного и беспощадного» «русского бунта».

В поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» и в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» тема «бесовства» задает новую сюжетную схему, воплощается в новых сюжетных вариациях и требует новой системы персонажей. Речь идет о борьбе двух сил (двух мужских героев) — светлой и темной, ангельской и демонической, хаоса и космоса — за женственную Душу мира, томящуюся в земном плену. У Лермонтова эта борьба антиномических персонажей (Демона и Ангела) за душу земной девушки Тамары значительно усложняется. Действие одновременно происходит и в космической, и в земной сферах, по выражению Ю.В. Манна, «“земной” романтический конфликт проецирован на небесно-астральный фон» [Манн 2007, с. 250]. Утрата пути, мотив блуждания героя-странника воплощает в судьбе Демона, отпавшего от Бога и отрицающего мироздание. И если сравнивать сюжет «Демона» с пушкинскими вариациями темы «бесовства», то, с одной стороны, можно говорить о

конкретизации сферы эмоционально-психологических мотивов (перенесение конфликта во внутренний мир по крайней мере двух персонажей — Тамары и Демона: губительность стихии страсти, обреченность на одиночество и отчуждение), с другой — о совмещении предметных земных мотивов с их «расширением до беспредельного, космического масштаба» [Манн, 251]. По точному определению Ю.В. Манна, «впервые в русской литературе романтический конфликт был расширен до драмы субстанциальных сил» [Манн 2007, с. 252]. Встретив Тамару, Демон начинает мечтать о красоте, добре, гармонии и возвращении к изначальному Раю, но лишь вновь претерпевает отвержение и изгнание. Для Тамары же встреча с Демоном оказывается причиной смерти в земном мире и перехода в райскую обитель после победы Ангела над Демоном. Мотив «кружения» в поэме преобразуется в мотив трагического «вечного возвращения».

В повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» сюжет борьбы темных и светлых сил за женственную душу связывается с формированием в сознании писателя мифа о судьбе России [Паперный 1982; Паперный 1983; Паперный 1986; Cooke 1989]. Впервые наиболее отчетливо эта мысль прозвучала в лирической публицистике Андрея Белого, для которого «Страшная месть» играла исключительную мифопорождающую роль в его собственном художественном мире. Особенно важны для понимания этой темы статьи «Луг зеленый» (1905), «Гоголь» (1909) и книга «Мастерство Гоголя» (1934). В первых двух статьях Белый соединяет гоголевский сюжет с общим для «младших» символистов мифом о Душе мира, томящейся в земном плену в ожидании героя-спасителя, мифом о борьбе сил Хаоса и Космоса за Душу мира. Впервые в русской культуре этот сюжет нашел развернутое воплощение в поэзии и философии **Владимира Соловьева**. К привычным вариациям этого мифа (миф об Эвридике, сказочные сюжеты о спящей красавице, мертвой царевне, пленной царевне, Людмиле в плену у Черномора, Брюнгильде в «Кольце нибелунга» Р. Вагнера) Белый добавляет сюжет о гоголевской пани Катерине в плену у колдуна:

Россия уподоблялась символическому образу спящей пани Катерины, душу которой украл страшный колдун, чтобы пытать и мучить ее в чуждом замке. Пани Катерина должна сознательно решить, кому она отдаст свою душу: любимому ли мужу, казаку Даниле, борющемуся с иноплеменным нашествием, чтобы сохранить для своей красавицы родной аромат зеленого луга, или колдуну из страны иноземной, облеченному в жупан огненный, словно пышущий раскаленным жаром железоплавильных печей. В колоссальных образах Катерины и старого колдуна Гоголь бессмертно выразил томление спящей родины — Красавицы, стоящей на распутье между механической мертвенностью и первобытной грубостью [Белый 2012, с. 377–378].

Не случайно такой поворот темы был сразу отмечен Блоком в письме к Белому при первой публикации статьи «Луг зеленый» в «Весах»: «Более близкого, чем у Тебя о пани Катерине, мне нет ничего» [Белый — Блок 2001, с. 233].

Наконец, в романах Достоевского миф о «бесовстве» обрел новое сюжетное развертывание и усложнение привычных мотивов. Прежде всего, тема «бесовского наваждения» прямо связана, как в повести «Капитанская дочка», с темой бессмысленного, безрелигиозного бунта. Роману предпосланы два эпитафия. Первый — отрывок из пушкинских «Бесов»:

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
.....
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

В выбранном отрывке сконцентрированы важнейшие символические мотивы мифа о «бесовстве»: утрата пути, кружение, эмоции страха и тоски.

Второй эпитаф связывает пушкинских «Бесов» с сюжетом из Евангелия от Луки — Христос, изгоняющий бесов из больного человека в стадо свиней: «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побежали и рассказали в городе и по деревням. И вышли жители смотреть случившееся и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме, и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесноватый» (Лк. 8: 32–36).

Смысл и связь этих эпитафов проясняется в структуре романа: после разгула «бесовской» смуты, убийства Шатова, пожара, в котором гибнет Хромоножка, сцены самосуда, в которой гибнет Лиза, следует сцена чтения Евангелия у постели умирающего Степана Трофимовича и символическое толкование эпизода об изгнании бесов: «Видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России за века, за века. <...> Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься в свиней. <...> Но больной исцелится и “сядет у ног Иисусовых”... и будут все глядеть с изумлением» [Достоевский 1974, с. 499].

Вяч. Иванов, посвятивший роману «Бесы» отдельный очерк в исследовании «Достоевский и роман-трагедия», назвав его «Экскурс. Основной миф в

романе «Бесы», прочитал его через сюжет, сформировавшийся в творчестве Лермонтова и Гоголя: борьбы за Душу мира «бесовских» и светлых сил, причем в соединении с национальным изводом этого мифа:

Достоевский хотел показать в «Бесах», как Вечная Женственность в аспекте русской Души страдает от засилия и насильничества «бесов», искони борющихся в народе с Христом за обладание мужественным началом народного сознания. Он хотел показать, как обижают бесы, в лице Души русской, самое Богородицу (отсюда символический эпизод поругания почитаемой иконы), хотя до самих невидимых покровов Ее достигнуть не могут (символ нетронутой серебряной ризы на иконе Пречистой в доме убитой Хромоножки). Задумав основать роман на символике соотношений между Душою Земли, человеческим я, дерзающим и начинательным, и силами Зла, Достоевский естественно должен был оглянуться на уже данное во всемирной поэзии изображение того же по символическому составу мифа — в «Фаусте» Гёте. Хромоножка заняла место Гретхен, которая, по разоблачениям второй части трагедии, тождественна и с Еленой, и с Матерью-Землей; Николай Ставрогин — отрицательный русский Фауст, — отрицательный потому, что в нем угасла любовь и с нею угасло то неустанное стремление, которое спасает Фауста; роль Мефистофеля играет Петр Верховенский, во все важные мгновения возникающий за Ставрогиным с ужимками своего прототипа. Отношение между Гретхен и Mater Gloriosa — то же, что отношение между Хромоножкой и Богоматерью. Ужас Хромоножки при появлении Ставрогина в ее комнате предначертан в сцене безумия Маргариты в тюрьме [Иванов 1987, с. 440–441].

Помимо романа «Бесы» Достоевский затрагивает эту тему в эпилоге романа «Преступление и наказание», где в описании сна Раскольникова в тюремной больнице картина массовой одержимости («бесноватости») приобретает характер всемирной антиутопии:

Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. <...> Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшестввовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. <...> Все и всё

погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса [Достоевский 1973, с. 419–420].

В романах Достоевского миф о «бесовстве» получил наиболее полное развитие как в национально-историческом, так и в индивидуально-психологическом аспекте. У Достоевского отчетливо прозвучала и тема искупления, спасения, освобождения от власти бесовства над человеческой душой. Обращение к евангельскому сюжету об исцелении бесноватого — лишь один из путей спасения, уповающий на Божью милость и чудо. Еще один путь, исходящий скорее от человека и его способности к покаянию, обсуждается в очерке Достоевского «Влас», входящем в «Дневник писателя» за 1873 год. Рассказав историю о том, как деревенский парень попытался выстрелить в святое причастие, но в последний момент увидел перед собой распятого Христа и упал «в бесчувствии», после чего много лет провел в покаянии, Достоевский комментирует:

Иной добрейший человек вдруг может сделаться омерзительным безобразником и преступником, — стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни. Но зато с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, т.е. когда уже идти больше некуда [Достоевский 1980, с. 35].

Из этого по необходимости краткого обзора видно, что к концу XIX в. русский национальный миф о «бесовстве» сложился в нескольких сюжетных вариациях: встреча с иным, демоническим миром, блуждания и утрата пути, власть стихии в природе и человеческой душе, борьба двух сил за овладение Душой мира (в национальном варианте — символическая борьба за душу России), духовная провокация, противостояние «бесовским» силам, покаяние, спасение.

Мотивы мифа о «бесовстве» возникают в русской публицистике еще в связи с осмыслением итогов первой русской революции. Так, С.Н. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество», вошедшей в знаменитый сборник «Вехи» (1909), противопоставляя религиозную народную культуру и безрелигиозный героизм русской интеллигенции, в заключение статьи, ссылаясь на Достоевского, обращается к его аналогии с евангельским сюжетом об исцелении бесноватого:

Достоевский в «Бесах» сравнивал Россию и прежде всего ее интеллигенцию с евангельским бесноватым, который был исцелен только Христом и мог найти здоровье и

восстановление сил лишь у ног Спасителя. Это сравнение остается в силе и теперь. Легион бесов вошел в гигантское тело России и сотрясает его в конвульсиях, мучит и калечит. Только религиозным подвигом, незримым, но великим, возможно излечить ее, освободить от этого легиона. Интеллигенция отвергла Христа, она отвернулась от Его лика, исторгла из сердца своего Его образ, лишила себя внутреннего света жизни и платится, вместе с своей родиной, за эту измену, за это религиозное самоубийство. Но странно, — она не в силах забыть об этой сердечной ране, восстановить душевное равновесие, успокоиться после произведенного над собой опустошения. Отказавшись от Христа, она носит печать Его на сердце своем и мечется в бессознательной тоске по Нем, не зная утоления своей жажды духовной. И эта мятущаяся тревога, эта нездешняя мечта о нездешней правде кладет на нее свой особый отпечаток, делает ее такой странной, иступленной, неуравновешенной, как бы одержимой [Вехи 1991, с. 72].

Однако уже в 1917 г. видные российские публицисты, философы, писатели почти единодушно определили происходящее в стране как разгул «бесовства», одержимость злом. При этом столь же единодушно вспоминали всё тот же евангельский эпизод исцеления бесноватого, превращенный в романе Достоевского в символ исторического заблуждения и возможного спасения России.

В сборнике «Из глубины» (1918), в котором приняли участие философы и публицисты, печатавшиеся в либеральной «Русской мысли», закрытой в 1917 г. (часть из них участвовала и в знаменитых «Вехах» в 1909 г.), тема «бесовства» в связи с революционными событиями 1917 г. неоднократно звучала в статьях С.Н. Булгакова «На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги» и Н.А. Бердяева «Духи русской революции».

Статье Бердяева предпослан тот же пушкинский эпиграф, что и роману «Бесы». В первых же строках статьи автор называет происходящее в России «страшной катастрофой» и настаивает на том, что корни этой катастрофы обнаружены русскими писателями в ее историческом прошлом, что «бесов, давно уже владеющих русскими людьми» [Вехи 1991, с. 250], видели и Гоголь, и Достоевский, и Толстой, каждому из которых посвящен самостоятельный раздел статьи:

Много есть русских бесов, которые раскрывались русским писателям или владели ими, — бес лжи и подмены, бес равенства, бес бесчестия, бес отрицания, бес сопротивления и мн<огие>, мн<огие> другие. Всё это —нигилистические бесы, давно уже терзающие Россию [Вехи 1991, с. 252].

Особое значение отводится именно творчеству Достоевского, которого Бердяев, вслед за Мережковским, называет «пророком русской революции» [Вехи 1991, с. 259]:

Достоевский открыл одержимость, бесноватость в русских революционерах. Он почувал, что в революционной стихии активен не сам человек, что им владеют не че-

ловеческие духи. Когда в дни осуществляющейся революции перечитываешь «Бесы», то охватывает жуткое чувство. Почти невероятно, как можно было всё так предвидеть и предсказать. В маленьком городе, во внешне маленьких масштабах давно уже разыгралась русская революция и вскрылись еще духовные первоосновы, даны были ее духовные первообразы [Вехи 1991, с. 289].

Показательно, что в бердяевской характеристике революционного «бесовства» повторяются многие символические мотивы, отмеченные еще в «Бесах» Пушкина:

Он предвидел неизбежность беснования в революции. Русский нигилизм, действующий в хлыстовской русской стихии, не может не быть беснованием, исступленным и вихревым кружением. Это исступленное вихревое кружение и описано в «Бесах». Там происходит оно в небольшом городке. Ныне происходит оно по всей необъятной земле русской. И начало это исступленное вихревое кружение от того же духа, от тех же начал, от которых пошло оно и в том же маленьком городке [Вехи 1991, с. 289].

С.Н. Булгаков продолжает размышления, начатые еще в статье «Героизм и подвижничество». Жанр философского диалога, созданный во многом под воздействием «Трех разговоров» Вл. Соловьева, позволял автору сопоставить позиции носителей разных идеологических убеждений и разного личного опыта. Среди участников диалога — Общественный деятель, Боевой генерал, Дипломат, Светский богослов, Известный писатель и Беженец. Нетрудно заметить, что некоторые из этих персонажей (Дипломат, Боевой генерал, Светский богослов, Общественный деятель) имеют прототипы в «Трех разговорах» (Генерал, Дипломат, г-н Z), другие же (Известный писатель, Беженец) отчасти их варьируют или дублируют, отчасти берут на себя функции заинтересованного слушателя, воплощающего житейский здравый смысл. В самом тексте булгаковского диалога немало отсылок к «Трем разговорам», в частности к «Повести об антихристе», а также к Достоевскому и к евангельскому фрагменту о бесах, вселившихся в свиней. Но примечательно, что, по сравнению с романом Достоевского, народ устами Общественного деятеля превращается из больного, одержимого бесами, в стадо свиней, в которых вселяются бесы:

Где же он, великодушный и светлый народ, который влек сердца детской верой, чистотой и незлобивостью, даровитостью и смирением? А теперь — это разбойничья орда убийц, предателей, грабителей, сверху донизу в крови и грязи, во всяком хамстве и скотстве. Совершилось какое-то черное преображение, народ Божий стал стадом гадаринских свиней [Вехи 1991, с. 290].

Это не случайная оговорка, он повторяет свою аналогию неоднократно:

Вот я всё и спрашиваю себя: пусть бы народ наш оказался теперь богоборцем, мятежником против святынь, это было бы лишь отрицательным самосвидетельством его религиозного духа. Но ведь чаще-то всего он себя ведет просто как хам и скот, которому и вовсе нет дела до веры. Как будто и бесов-то в нем никаких нет, нечего с ним делать им. От бесноватости можно исцелиться, но не от скотства. Это у меня навязчивая идея: ночью иногда просыпаюсь в холодном поту и повторяю в ужасе: не богоборец, а скот, скот, скот... [Вехи 1991, с. 316].

Второй персонаж — Беженец — также пользуется образом «бесовского шабаша» при описании происходящего, однако предпочитает говорить о внешнем заговоре и духовной провокации, направленными против России и русского народа:

Да, это верно всё, что здесь говорилось, и о грехах народа, и об его падении. Только не кажется ли вам все-таки, что все эти объяснения недостаточны, что это ступение зла в России, весь этот шабаш бесовский имеет в себе и нечто сверхъестественное? Одним словом, если говорить до конца, то я просто хочу сказать, что давно уже подготавлился, а теперь и развернулся во всю ширь какой-то мистический заговор против России, словно за русскую душу борются рати духовные, желая отнять у нее вверенный ей дар [Вехи 1991, с. 322].

Восприятие происходящего в первые революционные годы как «беснования», «бесовского шабаша», духовной болезни, поразившей русский национальный мир, духовной провокации, предсказанной Достоевским, свойственно и публицистическим выступлениям и стихотворениям 1917–1920 гг. М.А. Волошина. Уже в 1917 г. в стихотворении «Петроград» он, как большинство пишущих на эту тему, отсылает в финале к евангельскому эпизоду исцеления бесноватого:

Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод.
Народ, безумием объятый,
О камни бьется головой
И узы рвет, как бесноватый...
Да не смутится сей игрой
Строитель внутреннего Града —
Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы [Волошин 1992, с. 48].

Тот же эпизод сюжетно развернут в стихотворении «Русь глухонемая».

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.
— «Изыди, дух глухонемой!» —
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел —
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал:
«Сей род упорен:
Молитвой только и постом
Его природа одолима».

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украва твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и в воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: Прииди...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: «Бес, изыди!»

Однако, процитировав это стихотворение в статье «Русская бездна», Волошин указывает на то, что «большевизм — национальное русское явление», хотя «его микробы были выведены в Германской лаборатории и введены в наш организм недобрыми руками, но они нашли в русской психологии особо благоприятную почву для развития. <...> Они сами претворились и переродились в нас, загорелись нашим горением, и теперь мы заражаем ими как нашей собственной — славянской заразой» [Волошин 1992, с. 95].

К евангельской легенде об исцелении бесноватого в интерпретации Волошина добавляется сюжет сна Раскольникова о «трихинах»:

От бесноватости нельзя избавиться путем хирургическим. <...>
Свойство бесов — дробление, множественность.
«Имя мне — легион».

Изгнанный из одного одержимого, бес становится множеством, населяет целое свиное стадо, а свиное стадо увлекает своих пастухов вместе с собою в бездну.

Перегонять бесов из человека в свинью, из свиньи в бездну, из бездны опять в человека — это значит только способствовать бесовскому коловращению, вьюжной метели, заметающей русскую землю [Волошин 1992, с. 95].

Наконец, в 1918 г. миф о «бесовстве» получает еще одно художественное воплощение, которое не было замечено современниками и получило прямо противоположную интерпретацию, долгие годы продержавшуюся и в критике, и в литературоведческих исследованиях. Речь идет о поэме Александра Блока «Двенадцать».

Поэма «Двенадцать» вызвала в критике такое множество разноречивых откликов и взаимоисключающих интерпретаций, какие не вызывали даже самые «темные» и «эзотерические» стихотворения Блока. Поэма, принципиально ориентированная на стилевую демократизацию, с ее раешными, частушечными, песенными и даже маршевыми интонациями, осталась загадкой и для ее современных критиков, и для сегодняшнего читателя. Две самые традиционно трудные проблемы: как совместить призывы к «революционному шагу» с анархическими загулами отряда красногвардейцев (почему, в частности, эпизод убийства Катьки занял центральное положение в поэме) и как объяснить появление фигуры Христа в финале поэмы.

В работах последнего десятилетия уже не встретишь былых суждений о «случайности» или «неорганичности» образа Христа в поэме (особая роль в осмыслении связи фигуры Христа с сюжетом поэмы принадлежит работам: [Пьяных 1971; Орлов 1967; Громов 1986; Якобсон 1992]). При этом обязательно следовали ссылки на слова Блока из Дневника (запись от 20 февраля 1918 г.): «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы “не достойны” Иисуса, который идет с ними сейчас, а в том, что именно он опять с ними, а надо, чтобы шел другой» [Блок 1963, с. 326]. Опираясь на эту цитату, некоторые критики даже утверждали, что Блок якобы желал изменить финал поэмы.

Но самым важным и пока до конца не объясненным фактом представляется проведенное, очевидно, независимо друг от друга в работах Б.М. Гаспарова и М. Петровского сопоставление последней главы «Двенадцати» со стихотворением Пушкина «Бесы» [Петровский 1980; Гаспаров 1977, то же: Гаспаров 1993]. Впрочем, впервые эта мысль была высказана еще в 1926 г. в докладе «О Блоке», ныне предположительно атрибутируемом П. Флоренскому: «В плане тематики литературной поэма восходит к Пушкину: бесовидение в метель» (см. публикацию этого доклада: [Флоренский 2004]). Речь идет и о совпадении стихотворного размера (4-стопный хорей с перекрестной рифмовкой), и о воспроизведении диалогических реплик («Эй, пошел ямщик!..» — «Нет мочи: / Коням, барин, тяжело» — «Кто там машет красным флагом? / — Приглядись-ка, эка тьма!»). Прямые переключки отдельных строк («Вьюга мне слипает очи» — «И вьюга пылит им в очи»), внезапное превращение «голодного пса» в «волка» («Кто их знает? пень иль волк» — «скалит зубы — волк голодный»), образы метели, вьюги, ветра, кружения снега, запись в дневнике

накануне начала работы над поэмой 5 января 1918 г., где появляется строчка из «Бесов» («Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают»), — всё это с очевидностью проясняет особую настроенность поэмы Блока на пушкинских «Бесов». Но в чем смысл этого влияния?

Прежде всего обратим внимание на полиметрическую структуру поэмы. Когда и как возникает в ней размер «Бесов» — 4-стопный хорей с перекрестной рифмовкой? Наблюдения показывают, что звучание этого размера пробивается в поэме не сразу, постепенно, сначала — отдельными строфами, которые сразу же перебиваются иными размерами. И лишь в VII, XI и XII главах размер этот в самом деле играет ведущую роль. Что же это за эпизоды?

Впервые 4-стопный хорей появляется в III главе, в связи с темой красногвардейцев («Как пошли наши ребята / В красной гвардии служить»). Далее хореические эпизоды связаны с мотивами любовной драмы, ревности («Помнишь, Катя, офицера — / Не ушел он от ножа»), убийства, стихийного разгула неуправляемых страстей, с раскаянием Петрухи («Ох, товарищи, родные, / Эту девку я любил...») и с коллективным осуждением этого раскаяния («— Не такое, нынче время, / Чтобы нянчиться с тобой»), наконец — с финальным шествием отряда («Их винтовочки стальные / На незримого врага»).

Из приведенных цитат очевидно, что пушкинские аллюзии связаны с центральным сюжетным эпизодом поэмы — сценой самосуда, бессмысленного убийства Катюхи и попыткой покаяния Петрухи. И это дает основание утверждать, что «бесовство» кроется внутри самой стихии — и народной, и природной. Отчасти эта связь «бесовства» с эпизодами самосуда подтверждается и внетекстовыми факторами: Л.К. Долгополов давно обратил внимание на то, что первые упоминания о работе над поэмой соседствуют в Записной книжке № 56 с фиксацией сообщений об убийстве матросами в больнице видных деятелей кадетской партии, министров Временного правительства А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина, а позднее — с записью «Сов. Нар. Комиссаров порицает самосуды» [Блок 1965, с. 382–383]. С осторожными оговорками («Он склонен был придавать ему [убийству — Д.М.] и связанным с ним слухам преувеличенное значение»), исследователь справедливо полагает, что самосуд в реальной жизни послужил «непосредственным толчком к созданию центрального в поэме эпизода» [Долгополов 1964, с. 161]. Время, однако, показало, что опасения Блока не были преувеличенными.

С темой «бесовства» связаны в поэме и настойчивые повторы: «Свобода, свобода. / Эх, эх, без креста!», «Без Имени Святого», и то, что действие поэмы происходит на перекрестке («нечистое» место в демонологическом фольклоре). Строки в десятой главе, после убийства и разгула: «Снег воронкой завился, / Снег столбушкой поднялся», — заставляют вспомнить, что в русской фольклорной символике снеговые столбы — это разгул нечистой силы, пляска и свадьбы ведьм и чертей. Поверье это хорошо было известно Блоку, он приводил его в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» и использовал в стихотворении «Русь» (1906): «И ведьмы тешатся с чертями /

В дорожных снеговых столбах» [Кумпан 1985, с. 40–41]. Наконец, и столь важный в символической структуре поэмы образ пса и в русском, и в европейском фольклоре традиционно связан с нечистой силой (этот образ имеет и литературный источник, указанный самим Блоком в записи от 29 января 1918 г. — речь идет о пуделе-Мефистофеле в «Фаусте» Гёте, ср.: «Я понял Faust'a. Knurrenicht, Pudel» [Блок 1965, с. 387]).

Теперь становится более очевидной и роль Христа в финале поэмы. Возвращаясь к сопоставлению с пушкинским стихотворением, заметим, что финал поэмы имеет прямо противоположный смысл. По формулировке В.А. Грехнева, «поэтическое пространство “Бесов” к финалу необозримо раздвигается» («в беспредельной вышине») и стихотворение заканчивается «безысходным зрелищем неисчерпаемости зла» [Грехнев 1994, с. 246]:

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и роем
Надрывая сердце мне.

В поэме — такое же беспредельное раздвижение пространства, но в вышине происходит «заклятие» стихийного разгула: «бесовскому рою» в пушкинском стихотворении у Блока противопоставлена «надвьюжная» фигура Христа.

Итак, пушкинская символика «бесовства» в поэме Блока очевидна. Однако не меньшую роль играют и менее заметные отсылки к роману Достоевского «Бесы». Проблема бессмысленного убийства Катьки в поэме перекликается с проблемой бессмысленного убийства, поставленной в романе «Бесы» в прямую связь с аморализмом кружка Петра Верховенского (случайны ли совпадения имен Петрухи и Ваньки и Петра Верховенского и Ивана Шатова?). В особенности же многозначительна перекличка финала поэмы с пушкинским и евангельским эпиграфами к роману. Структура поэмы в целом обнаруживает неожиданное сходство со структурой романа: как в «Бесах» евангельский эпизод появляется после эпизодов разгула «бесовства», самосуда, пожара, гибели героини во время бунта мастеровых, гибели Хромоножки в пожаре и бессмысленного убийства Шатова, так в поэме Христос возникает после эпизодов гибели Катьки и анархического разгула «голытьбы». Финал же поэмы перекликается со структурой эпиграфов к «Бесам»: вначале — пушкинские аллюзии, затем — появление Христа.

Христос в поэме при таком прочтении — не благословение происходящего, а изгнание «бесов», преодоление стихийного аморализма, залог будущего нравственного трагического катарсиса для героев поэмы. Внутри красновардейского отряда сосуществуют разнородные силы, направленные на обуздание стихийного разгула страстей. Для самих красновардейцев слышнее голос внешней силы — долга: «Революционный держите шаг!» Однако существует и иная сила, которую М.Ф. Пьяных, пользуясь образом

Блока, удачно назвал «духовно-психологической катакомбой»: проснувшись в душе Петрухи голос совести, сострадания, осуждение убийства, память о прежней любви. Христос в финале, как верно замечает М.Ф. Пьяных, «объективирует тайную силу в Петрухе и его товарищах» [Грехнев, 246]. Петруха — заметим — и сам дважды невольно апеллирует к Христу. В первый раз — в 8-й главке, после описания разгула красногвардейцев («Упокой, Господи, душу рабы Твоя... Скучно!»), второй раз — в главке 10-й («Ой, пурга какая, Спасе!»), и появление Христа может восприниматься как ответ на почти неосознанное душевное движение героев поэмы.

В то же время нельзя не видеть, как трагично для самого Блока было признание того, что никакой иной нравственной силы, способной преодолеть аморализм стихии, кроме этики сострадания, любви и признания ценности каждой человеческой жизни — этики, которая веками связывалась с именем Христа, — не существует. Надежда Блока на обретение качественно новой, доселе небывалой морали, связанной не с отдельной личностью, а с народной массой, декларируемая им в культурфилософских эссе уже после написания поэмы («Крушение гуманизма», «Катилина»), в художественном творчестве сразу же потерпела крах.

Итак, поэма Блока «Двенадцать» обнаруживает новый и, как кажется, чрезвычайно важный аспект: в ней находит воплощение пушкинский национальный миф о «бесовстве» в связи с проблемой русского бунта, сопоставимые и с «Капитанской дочкой», и с гоголевской темой борьбы за женскую душу (центральный эпизод убийства Катьки, начавшийся с соперничества между Ванькой и Петькой), закончившуюся трагически безысходно. Этот миф долгое время игнорировался в филологических исследованиях, а между тем он находит свое воплощение не только в поэме Блока. Один из ярких примеров обращения к этому мифу — стихотворение М. Волошина «Северо-восток» (1920), написанное уже после «Двенадцати» и имеющее с ней явные переклички на разных смысловых уровнях.

В поэме Блока тема «бесовства», как было показано, существует имплицитно, начиная с многообразных ритмико-стилистических и заканчивая символическими аллюзиями, которые требуют активного читательского участия в их дешифровке. Стихотворение М. Волошина делает эту тему явной, с нее начинается текст:

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек.
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный северо-восток.

Влияние поэмы Блока ощутимо как в композиционной структуре, так и в символике стихотворения Волошина. И «Двенадцать», и «Северо-восток» начинаются с предельно общего, космического пространственного плана.

У Блока:

Ветер, ветер
На всем Божьем свете!

У Волошина:

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий...

Показательно, что в обоих произведениях используется один и тот же символ ветра. Переключки с текстом «Двенадцать» у Волошина совершенно несомненны.

В поэме Блока:

Черный вечер,
Белый снег.

У Волошина:

Черный ветер ледяных равнин...

В поэме Блока:

Ветер веселый
И зол и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:

У Волошина:

Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный северо-восток.

Далее, как в поэме, так и в стихотворении, происходит «сужение» пространства. У Блока следует переход к пространству города, а затем — к отдельным человеческим судьбам и внутреннему миру героя поэмы. Стихийный разгул, грозящий обернуться «бесовством», разыгрывается и в природе — макрокосме, и в душе отдельной личности — микрокосме. У Волошина сужение пространства менее резкое:

Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба;
В этом ветре вся судьбы России —
Страшная, безумная судьба.

Центральные строфы стихотворения — своего рода панорама наиболее жестоких, «бесовских» и ключевых, с точки зрения поэта, событий и явлений русской национальной жизни. В этом перечислении принципиально уравниваются прошлое и настоящее, а также силы, разводимые обычно по разные стороны баррикад. Примечательно, что в центральных эпизодах поэмы Блока и в центральных строфах стихотворения Волошина становится ведущим символ пути (блуждания в пути — один из эмблематичных образов темы «бесовства»). У Блока это путь отряда красногвардейцев, у Волошина — исторический путь русского национального движения.

И, очевидно, именно в центральных эпизодах выявляется своеобразие разработки мифа о «бесовстве» у обоих поэтов. В поэме Блока нет ни одной сферы, кроме фигуры Христа, которая осталась бы вне стихийно разгула. «Бесовство», как и у Гоголя, как и у Достоевского, — это не только внешние силы, но внутренние противоречия героев поэмы (о мотивах «Страшной мести» и «Бесов» Достоевского как предыстории мифопоэтической концепции «Двенадцати» см.: [Дуганов 1994]). Точно так же внутренней нравственной проблемой, зависящей от духовных усилий личности, становится и возможное спасение, катарсис воплощенный в фигуре Христа. К героям поэмы Блока могут быть приложимы слова Достоевского из очерка «Влас», уже процитированные выше («Но зато с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, т.е. когда уже идти больше некуда»). Для Блока этот эпизод мог быть соотнесен с хорошо ему известным сюжетом спасения разбойника в легенде об иконе «Нечаянная Радость», где милость Господа и Богоматери явлена в ответ на покаяние убийцы. Важнейший смысловой акцент сказания о «Нечаянной Радости», как кажется, определяется фигурой грешника. Отчего оказалось возможным его спасение и раскаяние? Можно ли считать, что прощение порождено лишь безмерной любовью и милостью Богоматери? Думается, что нравственное пробуждение начинается еще до ее явления. Начало и залог возрождения героя сказания — в его знании и памяти о неких высших, незыблемых нравственных ценностях, в постоянном осознании себя изменником, в понимании своих поступков как падения и кощунства. Этот глубинный голос совести в тексте сказания символизирует ежедневная молитва к Богородице, возносимая без какой-либо надежды на спасение и прощение. Иными словами, явленная грешнику милость — это прежде всего ответ на определенную нравственную активность самого человека [Магомедова 1997, с. 142].

Аналогия между персонажем очерка Достоевского, не сумевшего выстрелить в причастие, и героями «Двенадцати» кажется вполне оправданной, особенно если вспомнить слова красногвардейцев: «Товарищ, винтовку держи, не трусь! / Пальнем-ка пулей в Святую Русь». Дополнительным аргументом в пользу этого сопоставления может служить зафиксированный в дневнике Блока его разговор с Есениным 4 января 1918 г. Судя по приведенным словам Есенина («Я выплевываю Причастие (не из кощунства, а не хочу страдания, смирения, сораспятия)» [Блок 1963, с. 313]), в разговоре обсуждался именно этот эпизод из «Дневника писателя». Можно с уверенностью предположить, что Есенин ссылаясь и на собственную поэму «Инония», над которой он работал в эти месяцы (впервые: Знамя труда. 1918. № 205, 19 мая):

Время мое пришло,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплываю изо рта.
Не хочу воспринять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.
Я иное узрел пришествие —
Где не пляшет над правдой смерть.

Лирический герой поэмы Есенина исповедует прямо противоположную герою Достоевского этику, этику богоборчества. Напомним, что парень из очерка «Влас» начинает с того, что не глотает, а тихонько вынимает изо рта Причастие, а заканчивает покаянием и желанием «пострадать».

Как и у Достоевского, герои поэмы Блока — активная сила, идет ли речь о зле или добре, об анархическом разгуле или попытке так или иначе — путем внешней дисциплины или через муки совести — преодолеть аморализм стихии.

Иное дело — в стихотворении Волошина «Северо-восток». Его лирический субъект, появляющийся в третьей строфе, — некое «мы», очевидно, русская нация в прошлом и настоящем:

Этот ветер был нам верным другом
На распустьях всех лихих дорог;
Сотни лет мы шли навстречу выюгам
С юга вдаль — на северо-восток.

Но в каком отношении находится это коллективное «мы» к бесам, «распльсавшимся» по России? В центральных строфах стихотворения становится очевидным, что «бесовство» по отношению к коллективному субъекту

стихотворения — лишь внешняя враждебная сила, которую долгие века преодолевает русский народ. Эта внешняя сила — тирания и деспотизм, вызывающие к жизни собственную противоположность: взрывы стихийного возмущения, бунты, с такой же жестокостью растаптывающие человеческую личность:

В этом ветре гнет веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Чертогона, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.

Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган — на всех путях:
В комиссарах — дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.

Итак, для коллективного героя стихотворения «Северо-восток» «бесовство» — только внешняя, а не внутренняя нравственная проблема. Ни Малюты, ни Годуновы, ни комиссары, ни палачи не относятся в стихотворении к сфере «мы». Они отождествляются с ветром и вьюгой, через которую проходит коллективный герой стихотворения, воплощающий положительное нравственно, но всё же страдательное начало. На смену прежней дифференциации, привычного противопоставления тиранов бунтовщикам, самодержавия — революционерам, в стихотворении Волошина выстраивается новая оппозиция: «Мы» — «бесы», т.е. положительное страдающее личностное начало и отрицательное, подавляющее личность любыми доступными способами.

Но если внутренний мир коллективного «мы» в стихотворении противопоставлен «бесовству», то и возможное его преодоление целиком относится к сфере внеличностной. На первый взгляд финалы поэмы Блока и стихотворения Волошина сходны: в стихотворении появляются образы «поруганного храма» и Господнего промысла, т.е. Христа:

Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идем по ледяным пустыням, —
Не дойдем и в снежной вьюге сгинем
Иль найдем поруганный наш храм? —

Нам ли весить замысел Господний?
Все пойдем, все вынесем любя —
Жгучий ветер полярной преисподней,
Божий Бич, приветствую тебя!

Но лирический субъект у Волошина, в сущности, лишь фаталистически подчиняется обстоятельствам, видя в них независимый от него Божий промысел. Вместо возможного для героев Блока морального самоосуждения и самоочищения, коллективный герой Волошина обречен лишь на «терпение», поскольку в себе самом ему преодолевать как будто нечего.

В нашу задачу не входит анализ развития мифа о «бесовстве» в литературе более поздних лет, в частности русского зарубежья. Речь идет, разумеется, о книге Д.С. Мережковского «Тайна русской революции», в которой катастрофа в России прочитывается как религиозная трагедия через «Бесов» Достоевского [Мережковский 1998]. И даже самый беглый взгляд на литературу 1920-х гг. позволяет сказать, что это — не единичные опыты, а развивающаяся традиция, вне которой трудно осмыслить тему «стихий» первых лет революции. Эта тема занимала Андрея Белого в период работы над романной трилогией «Москва», развивалась Борисом Пильняком в рассказе «Метель» и романе «Голый год». Очевидно, одно из самых значимых продолжений этой темы — «Дьяволиада» и «Мастер Маргарита» М.А. Булгакова. Разработка этой проблематики могла бы дать новые неожиданные аспекты рассмотрения революционной темы в русской литературе XX в.

ЛИТЕРАТУРА

Белый 2012 — Андрей Белый. Собрание сочинений. Т. 8: Арабески: Книга статей; Луг зеленый: Книга статей. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. 590 с.

Белый — Блок 2001 — Андрей Белый и Александр Блок. Переписка (1903–1919 гг.) / Публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.

Блок 1963 — Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. Т. 7: Автобиография. 1915; Дневники. 1901–1921 / Подгот. текста и примеч. В.Н. Орлова. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 544 с.

Блок 1965 — Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920 / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. В.Н. Орлова. М.: Худ. лит., 1965. 664 с.

Вехи 1991 — Вехи; Из глубины / Сост. и подгот. текста А.А. Яковлева; Примеч. М.А. Колерова и др. М.: Правда. 1991. 462 с.

Волошин 1992 — Волошин М. Россия распятая: Сб. статей и стихов. М.: Агентство ПАН, 1992. 248 с.

Гаспаров 1977 — Гаспаров Б. Поэма А. Блока «Двенадцать» и некоторые проблемы карнализации в искусстве начала XX века // *Slavica Hierosolymitana*. 1977. № 1.

Гаспаров 1993 — Гаспаров Б. Тема святочного карнавала в поэме А. Блока «Двенадцать» // Гаспаров Б. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. С. 4–27.

Грехнев 1994 — Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994. 464 с.

Громов 1986 — Громов П.П. А. Блок, его предшественники и современники. 2-е изд., доп. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 456–534.

Долгополов 1964 — Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX веков. Л.: Наука, 1964. 192 с.

Достоевский 1973 — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с.

Достоевский 1974 — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 519 с.

Достоевский 1980 — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. 551 с.

Дуганов 1994 — Дуганов Р.В. Гоголь — Достоевский — Блок в перспективе «русского мифа» // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5–6. С. 39–55.

Иванов 1987 — Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. IV. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. 800 с.

Кумпан 1985 — Кумпан К. Заметки об источниках «Поэзии заговоров и заклинаний» // Мир А. Блока: Блоковский сборник (V) / Отв. ред. З.Г. Минц. Тарту, 1985. С. 33–45.

Магомедова 1997 — Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997. 221 с.

Манн 2007 — Манн Ю.В. Русская литература XIX века: Эпоха романтизма: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. 448 с.

Мережковский 1998 — Мережковский Д.С. Тайна русской революции: Опыт социальной демонологии / Предисл. и примеч. А.Н. Богословского. М.: Русский путь, 1998. 139 с.

Орлов 1967 — Орлов В.Н. Поэма Александра Блока «Двенадцать». Изд. 2-е. М.: Худ. лит., 1967. 215 с.

Паперный 1982 — Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь. Статья первая // Единство и изменчивость литературного процесса: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1982. С. 112–126.

Паперный 1983 — Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь. Статья вторая // Типология литературных взаимодействий: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1983. С. 85–98.

Паперный 1986 — Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь. Статья третья // Литература и публицистика: Проблемы взаимодействия: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1986. С. 50–65.

Петровский 1980 — Петровский М. У истоков «Двенадцати» // Литературное обозрение. 1980. № 11. С. 20–26.

Пьяных 1971 — Пьяных М. «Двенадцать» А. Блока. Особенности сюжета и образной структуры // Советская поэзия двадцатых годов. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1971. С. 3–53

Флоренский 2004 — Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 599–632.

Якобсон 1992 — Якобсон А. Конец трагедии. Вильнюс; М. (ВИМО): Весть, 1992. 200 с.

Cooke 1989 — Cooke O.M. Gogol's "Strašnaja Mest" and Belyj's Prose Fiction: The Role of Karma // Russian Language Journal. 1989. Vol. 43. № 145/146. P. 71–84.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА КАК «РЕВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ» В РАБОТАХ АНДРЕЯ БЕЛОГО 1917–1919 гг.

Рассматриваются публикации Белого 1917–1919 гг., в которых он представляет революцию как в первую очередь революцию сознания. Подробно рассматривается содержание и образный ряд статей «Весенние мысли» и «Революция и сознание современности» (1918). Посредством сравнительного анализа сочинений выявляется их интертекстуальный характер: указано на перекличку с идеями, образами и лексикой А. Блока, Р.В. Иванова-Разумника, Вяч. Иванова, А. Ремизова; учитываются параллели с другими сочинениями Белого 1913–1922 гг. Обсуждается схожесть воззрений А. Белого и Вяч. Иванова периода 1917–1918 гг. относительно бессилия искусства в революционную эпоху, их представление о мысли как действенной силе, формирующей историческую реальность, о влиянии на обоих поэтики Ницше. Затрагивается полемика Белого с марксизмом и материализмом как косной «рассудочной» культурой, в противопоставлении живой и творческой мысли, преобразующей сознание. Среди затрагиваемых концепций Белого: революционные столкновения как война идей-силлогизмов; революция как взрыв в сознании; революция как познавательный акт; государственное строительство как осуществление мысли и воплощение мифа. Обсуждается критика Белым позиции Вяч. Иванова относительно продолжения военных действий (завоевания Константинополя и проливов), концепция революции Духа и антропософия Белого, а также разгром Л.Д. Троцким идей, высказанных в «Записках мечтателей».

The article treats Andrei Bely's writings of 1917–1919, in which he represents Russian revolution as, above all, the revolution of consciousness. The content and imagery of such articles as "Spring Thoughts" and "Revolution and Consciousness of Modernity" (1918) are considered in detail. By means of comparative analysis, these works' intertextual character, based on the similarity of ideas, images and vocabulary between Andrei Bely and Alexander Blok, R.V. Ivanov-Razumnik, Vyacheslav Ivanov, Aleksey Remizov, is revealed; parallels with other Bely's works of 1913–1922 are taken into account. The similarity of Bely's and Ivanov's views of 1917–1918 concerning the impotence of art during the period of revolutionary changes, as well as their conception of creative thought as an effective force shaping historical reality, and the influence of Nietzsche's poetics on both of them, is pointed out. Bely's polemic with Marxism and materialism, both understood by him as a rigid "syllogistic" culture, opposed to a living and creative thought that transforms consciousness, is analyzed. The article treats such Bely's concepts as: revolutionary clashes as a fight of ideas-syllogisms; revolution as an explosion in consciousness; revolution as a cognitive act; state building as thought becoming a reality and the embodiment of myth. Bely's criticism of Ivanov's position regarding the continuation of war activities (taking control of Constantinople and the Straits); Bely's concept of the revolution of the Spirit and anthroposophy, as well as Leon Trotsky's smashing the ideas expressed in the "Notes of Dreamers".

Ключевые слова: Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Р.В. Иванов-Разумник, Л.Д. Троцкий, революция 1917 г., антропософия, интертекстуальность.

Keywords: Andrei Bely, Vyacheslav Ivanov, R.V. Ivanov-Razumnik, Leon Trotsky, Russian Revolution of 1917, anthroposophy, intertextuality.

Как многие деятели его круга, А. Белый был вовлечен в события революционного периода на разных уровнях: житейском, художественном, теоретическом. Он чувствовал себя причастным к происходящему, и это отразилось в его многочисленных сочинениях. Вспоминая революцию 1905 г. в записях «Ракурса к дневнику» (1927), он изображает себя заправским революционером:

Мы с Блоком настроены гораздо революционнее, чем Мережковские; я высказываю прямое сочувствие социал-демократии <...> Пробую читать «Капитал» Маркса <...> Голосую за закрытие Университета и превращение его в революционную трибуну <...> Иду на демонстрацию перед Думой, попадаю в осаду Университета; собираю деньги на борьбу; еду на фабрику «Дукат»; участвую в демонстрациях на похоронах Трубецкого и Баумана [Белый 2016, с. 357].

Позитивное отношение к происходящим событиям сохранялось у А. Белого и его окружения и в октябре 1917 г.:

Помню день накануне октябрьского восстания в Москве: часов в 6 зашел к Гершен-сону, который мне говорит: «Запомните этот день; история — ломается: *на́двое*». Вечер (до поздней ночи) проводили вместе очень радостно: я, Трапезников, Петровский, кажется, — Сизов; и, кажется, — Киселев; Трапезников подмигивает: «*Хорошо: так надо!*» [Белый 2016, с. 437].

Впрочем, практическая вовлеченность писателя в революционные события была минимальной. Преимущественно он описывает происходящие события отстраненно, глазами невовлеченного обывателя, попавшего на нейтральную полосу между двумя противниками. Например, события конца октября 1917 г. в «Ракурсе к дневнику» удостоились следующей краткой записи:

неделя восстания (с воскресенья до пятницы <29 октября — 3 ноября>); наш дом, оказавшийся на границе двух враждебных станов, сильно пострадал; в комнаты врывалась шрапнель; стекла — побиты; мама — едва не убита. Сидел и собирал материалы для статьи «Поэзия Вяч. Иванова» [Белый 2016, с. 357].

В письме от 4 ноября 1917 г. к А. Тургеневой Белый сообщал о том же:

...с субботы до пятницы <28 октября — 3 ноября>... наш дом, был отрезан от мира, потому что почти невозможно было выходить... Наш Никольский¹ переулок оказался границей; и даже дома перепутались: с арбатских домов, кажется, стреляли юнкера, с Трубниковского переулка наступали большевики... В понедельник в 9 часов утра я вскочил с дивана (спал я в своем зеленом кабинетике) от оглушительного грохота; и подбежав к окну, увидел столб кирпичной пыли; оказывается: в дом против нас упала

шрапнель и разорвалась перед окнами; с понедельника мы перекочевали в кухню и ванну, где только и можно было жить; пули пролетали в окна, разбивали стекла; шрапнель ударилась в балкон нашего дома, когда мы с мамой спасались в нижний этаж; осколок шрапнели, разбив стекла, пролетел на расстоянии не далее дюйма от маминго виска; с мамой сделалась истерика; последние дни мы ютились у Махотиных; было невозможно почти жить; почти нечего было есть; кабинет мой прострелен; стекла разбиты; стоит адский холод; работать нет никакой возможности [Белый 2016, с. 595].

В письме к Иванову-Разумнику от 9 ноября 1917 г. Белый прямо говорит, что событий не одобряет и в происходящем не хочет участвовать:

После 6-дневной бомбардировки нашего дома, ни за что ни про что, я уехал: в квартире выбиты стекла, стоит адский холод. Вообще, у меня что-то вроде презрительного бойкота города, где мирные граждане — ни юнкера и контр-революционеры, ни большевики — рискуют жизнью. В нашем доме нет ни одного цельного стекла, над нами рвалась шрапнель, а мы холодали-голодали и переживали одно чувство: за что? ...У меня *теперь* раздвоение; моя статья «*Песнь Солценовца*» уместна ли? Радоваться, писать прославления тому, что свершилось, я не могу [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 141–142]².

Через много лет (весной 1928 г.) А. Белый вспоминал о тех днях так:

[С 1916 г. я] во всех устремлениях своих был с тогдашними крайними левыми; не одни литературные вкусы и личная дружба соединили меня с Ивановым-Разумником; темы народа, войны и революции были темами нашего сближения; но в «*кадетской*» культуре Москвы сидел я с зажатым ртом; лишь среди своих антропософов да среди «*скифов*» — петербуржцев, я высказывался откровенно. С 1906 года мне принадлежит ряд рецензий в «*Весах*» <...> с определенным «*да*» пролетариату и социальной революции; она после ошибок Временного правительства виделась мне роковой неизбежностью с июня 1917 года уже; в этом ожидании взрыва я сходил с Т.Г. Трапезниковым, Петровским (антропософами), М.О. Гершензоном и Ивановым-Разумником; но моя концепция не двух, а трех *революций* (политической, социальной, духовной) ставила меня вне государственного коммунизма и государственной демократии <...>; я был за принцип *Советов*, как за рычаг переворота, еще с 1905 года; и в 1917 году я надеялся, что в этом принципе найдет себе развитие и духовный переворот. Таково было мое настроение и в 1917–1918 годах: свободное развитие снизу вверх социально-индивидуальных коммун, отрицание политического ига; на этой платформе я сходил с иными свободными людьми того времени; среди них были и коммунисты <...> Когда же мне стало ясным, что <...> власть <...> становится из власти *Советов* советской властью, стало быть, властью обычной <...>, я был выброшен из политики туда, где и пребывал вечно: в антигосударственность; <...> и нынче я толстовец-непротивленец [Белый 1994, с. 474–475].

Что касается печатных работ А. Белого, то в публикациях 1917–1919 гг. революция предстает у него в первую очередь как революции сознания. При этом сочинения Белого в тот период имеют отчетливо интертекстуальный характер: он словно ведет непрерывный диалог со своим окружением, используя идеи, образы и лексику А. Блока, Иванова-Разумника, Вяч. Иванова, А. Ремизова, солидаризируясь или полемизируя с ними, откликаясь на их слова.

Тема революционных перемен революции как переворота в сознании выходит на первый план в паре статей — «Весенние мысли» и «Революция и сознание современности», опубликованных в начале 1918 г. Статьи начинаются с констатации краха:

Кризис жизни, *сознания*, творчества, мысли, общественности, кризис быта: ни одного уголка не осталось нам целым: всё рушится. Рвутся фикции стен и домов. Еще накануне войны в *сознании* столкнулись многовиднейшие кризисы, которые уничтожали почву для возникновения жизненных ценностей. Помутнело *сознание* [Белый 1918–1, с. 119].

Наряду с этим Белый провозглашает наличие больших ожиданий, идущих из глубин народа и окрашенных в мистические тона, цитируя строки С. Есенина и Н. Клюева³. Есенинский «Певущий зов» (апрель 1917) сравнивает революцию с новым крещением земли и упразднением смерти (змея-смерть потеряла жало) [Есенин 1997, с. 26, 294–298; см. также: Скороходов 2015, с. 167–169], а «Песнь Солнценосца» Н. Клюева изображает революцию в мессианских и хлыстовских тонах⁴. Важно, что революция понимается А. Белым как духовная: это не социальное преобразование мира, но перестройка сознания и культуры:

Подлинно революционны и Ибсен, и Штирнер, и Ницше, а вовсе не Энгельс, не Маркс; в глубине их сознания гремят нам огромные революционные взрывы <...> лежащие в будущем формы общественной жизни, осуществленные революцией собственно, не суть вовсе формы какой-нибудь «большевистской» культуры, а — *вечносущее*, скрытое под формальной вуалью искусств [Белый 1917–1, с. 25].

Белый настаивает на ниспровержении духовной и интеллектуальной монархии, тенью отражением которой является монархия историческая. Здесь он выступает завзятым ницшеанцем, апеллируя к сверхчеловеку:

«Без *царя в голове*» только слабые сходят с ума; сильные «без *царя в голове*» лишь впервые приходят к живому сознанию мысли, если *царь* есть абстракция: *этого царя* еще важнее свергнуть, чем тень его отражение [Белый 1918–1, с. 124].

«Кризис мира не кончится революцией форм вне-лежащей действительности, — продолжает Белый, — он кончится революцией у нас в голове».

Слово «сознание» пунктиром пронизывает текст «Весенних мыслей», оно встречается в статье почти три десятка раз. Белый пишет, что *переоценка* событий разрушила в нашем сознании все общественные устремления. Всё привычное бытие — от общественных институтов до каменных стен зданий — предстает зыбким маревом. Белый практически воспроизводит образность, ранее использованную в романе «Петербург», а позднее — в эпопее «Я»: стены домов — фикция, ценности государственной жизни — туманы⁵, партийные программы — ледяная короста⁶, взламываемая пульсациями народного сердца⁷.

«Весенняя» тема подчеркнута растительными метафорами: «весенними» названы мысли, дни, трава, луч и сама Россия. Схожие образы встречаются и в предисловии к альманаху «Записки мечтателей», где Белый сравнивает коммуну мечтателей с рощей, составленной из разных деревьев, посылающих друг другу птиц и бабочек [Белый 1919–1, с. 6–7]⁸. В духе пролога к «Запискам мечтателей» он уподобляет «смыслы истин — растениям». Вся прежняя жизнь, рассыпавшаяся в прах, считает Белый, становится удобрением для новых всходов — цветов и листвы новой *весенней* России⁹. Белый говорит и о *весенних семенах* революции («набухшее семя взрывает асфальт»). У этой метафоры имеется эсхатологическая подкладка — слова евангелиста Иоанна о пшеничном зерне, которое, если не умрет, пав в землю, останется одно, а если умрет, то принесет много плода¹⁰.

Примечательно, что образ весенних семян активно использовался в этот период Ивановым-Разумником, в том числе в его полемике с Ремизовым относительно оценки революционных событий. Так, в статье «Две России» (декабрь 1917) Иванов-Разумник критиковал Ремизова:

Враждебен ему этот *вихрь* — старые, староверские, исконные, дедовские, любимые ценности сметает вихрь этот; и видит он в нем только *сор*, только *пыль*, только *смерд* — и не видит испепеляющего *огня*, не видит *весенних семян* <...> Не верит Ремизов, что <...> *вихрь* этот несет *весенние семена* [Иванов-Разумник 1918, с. 208, 213]¹¹.

В свою очередь, Ремизов, считавший революцию губительной, в поэме «Огневица» (декабрь 1917) высмеивал Иванова-Разумника, пародируя приведенные выше слова:

Разумник с пудовым портфелем, как бесноватый из Симонова монастыря. — Это вихрь, — кличет он, — на Руси крутит огненный вихрь. В вихре *сор*, в вихре *пыль*, в вихре *смерд*. *Вихрь несет весенние семена* [Ремизов 1917, с. 3].

Таким образом, применительно к революции растительная метафорика соединялась с образами пожара. Сам А. Белый в статье «Культура и революция» связывает *органическую* жизнь и рост с культурой, а огненное начало — с собственно революцией¹². Если формы сознания составляют содержание

теоретических построений, пишет он, то «мир машинных абстракций охвачен *огнем* содержаний; погибает в огне содержаний». При этом *воспламенение вселенной* совершается в *сознании* людей.

Мотив обогневания мира присутствует не только у Белого. Сравнение революции с мировым пожаром было общим местом: достаточно вспомнить про «мировой пожар раздуем» из «Двенадцати» Блока. Точно так же Ремизов, — словно в ответ на упрек Иванова-Разумника в том, что он не прозревает в происходящих событиях испепеляющего *огня*, — публикует тексты, в которых, обращаясь к учению древних греков о воспламенении вселенной, изображает революцию в виде мирового пожара. В мае 1918 г. Ремизов публикует свои «Электрумовые пластинки», а затем «О судьбе огненной. Предание от Гераклита Эфесского» [Ремизов 1918–1, 1918–2]¹³. Поэтому когда той же весной 1918 г. Иванов-Разумник будет в очередной раз повторять свои слова о *весенних семенах* революции, он скорректирует свою оценку Ремизова, процитировав апокалиптическую цитату об очищении огнем из ремизовского «Предания от Гераклита Эфесского»¹⁴.

Как уже говорилось, публикации А. Белого насыщены перекличками и отсылками к работам собратьев по перу. Мы указали на мотивы, общие для авторов, группировавшихся вокруг сборника «Скифы». Но в текстах 1917–1918 гг. налицо параллели между Белым и Вяч. Ивановым, который не разделял «скифской» идеологии и революцию не принял¹⁵. Например, в одной из датированных маем 1918 г. заготовок к лекции Иванов заявляет, что:

«революционные» эпохи суть эпохи наименьшего творческого действия и наиболее стремительного *становления*. Возможно ли творчество форм, когда металл расплавлен? Возможно ли действие во время родов? Мы чувствуем, что *жизнь нас творит*, а не мы творим жизнь. Отсюда ощущение рока <...> Это не творчество, а жертва [Обатнин 1994, с. 44–45]¹⁶.

В статье «Революция и культура» (1917) схожих представлений придерживается и А. Белый, считающий, что:

обилие произведений искусств обычно в предреволюционное время; и — после. Наоборот: напряженность художеств ослаблена в миг революции <...> 1905 год в жизни творчества — что нам подлинно дал? Многообразие бледнейших рассказов о бомбах, расстрелах, жандармах. Но отразился он ярко — поздней; и — отражается ныне [Белый 1917–1, с. 8–9].

Иванов сравнивает революцию с «рождением дитяти» (ср. важную для Белого тему эсхатологического «младенца в яслях»), заявляет, что в подобные эпохи актами и действиями становится не социальная активность, но сами мысли:

В такие эпохи всеобщего расплава или распада <...> важны особенно наши мысли. Каждая мысль, каждое волеустремление — акт, действие. Поверхность жизни пластична — на ней отпечатлевается весь состав нашего духовно-душевного бытия. Действие — детерминистично по преимуществу; тайнодействие — наиболее свободно [Обатнин 1994, с. 45].

Иванов подчеркивает стихийный характер происходящего, направляемого высшими силами и не зависящего от желаний людей:

Мы в иллюзии <...>, будто всё, чего захотим, можем и исполнить. Мы ничего не можем сотворить от себя, особенно же в сфере духа. Исполнят всё силы <?>, ведущие строгий учет нашим вожелениям. Они низвергают самодержцев и могут осуществить «тишайшие слова» [Обатнин 1994, с. 45]¹⁷.

Упоминание о «тишайших словах» — это отсылка к важному мотиву из «Так говорил Заратустра» Ницше, у которого пророк Заратустра многократно призывает к *тишине*, ассоциируемой с мудростью, совершенством и счастьем, противопоставленной гомону уличной толпы¹⁸. Переплетение у Иванова идей о том, что наиболее действенны «тихие слова» и что миром правят *мысли*, однозначно отсылает к следующему пассажи у Ницше:

Тогда опять со мной заговорило как бы шепотом: «Самые-то *тихие слова* и производят бурю. *Мысли*, которые ступают *голубиными ногами*, управляют миром. О Заратустра, ты пойдешь как *тень того, что должно прийти*: так ты будешь повелевать и, повелевая, предшествовать» [Ницше 1900, с. 159].

Этот важный в концептуальном отношении отрывок из Ницше также оказал влияние на А. Белого, который полугодом ранее (декабрь 1917) отсылает к нему в следующем пассаже:

[Мы] читали, что громы к нам крадутся «на *голубиных* шагах», что слепительна молния (где?)... В промежутке меж громом и молнией написали по книге «о молнии»... Грянули громы (от молнии гром отстаёт): мировая война, революция, грохоты велико-лепных обломков, разруха, «*трус*», «*глад*», впереди — что еще? [Белый 1917–2; Белый 1918–2, с. 7–8]¹⁹

Помимо прочего, в рассматриваемом месте Ницше поднимает тему пророческого предвидения, говоря, что пророк Заратустра должен стать *тенью* событий, которые еще только грядут. И опять этот мотив равно важен как для Вяч. Иванова, так и для А. Белого. Иванов любил цитировать слова Шелли о том, что будущее бросает тени на настоящее, а поэты при этом становятся его зеркалами [см. об этом: Петров 2016–2, с. 31–33]. В свою очередь в статье «Революция и культура» А. Белый (и опять с аллюзией на Ницше)

поднимает тему предвосхищения будущего художниками и поэтами, которые выступают в этом случае как пророки:

Предреволюционное время окрашено *отблесками* набегающих революционных огней; эти *отблески почивут на искусствах* <...> Первые революционные грохоты крадутся на *голубиных* шагах... внутри нас <...> Прометеи и Данте, и Фаусты, и Эмпедоклы, летящие вниз головой в жерло кратера, и Заратустры, бегущие вверх к ледникам, — эти мощные образы только неясные прорезы граждан свободного града осуществленной за-революционной культуры <...> В нашем сердце мы видим уже звездный луг *новорожденного* облика нас в нашем будущем [Белый 1917–1, с. 11, 16, 25, 30].

Неприятие спекулятивного теоретизирования, проявлявшееся в «Симфониях» в форме мифологизации и демонизации кантианства, а в «Петербурге» в виде склеротических «мозговых игр» сенатора Аблеухова, в «Весенних мыслях» воспроизводится путем противопоставления застывших политических абстракций — живому, органическому движению масс. Белый подчеркивает, что попытка создать государственность по образу и подобию рассудочных форм конструирует тюрьму и орудие пытки, именуемое «железной дамой» (Iron Maiden). При подобном подходе живой процесс кристаллизуется в омертвелые формы, а действительность сужается до *материальной* действительности²⁰, цельность мира разделяется на умопостигаемую и чувственно-данную формы.

Согласно Белому, невозможно установить механизм государственной жизни в «новорожденной» России «по образу и подобию передвижения *силлогизмов* в неврастенической голове, отравившейся *кантианством* и *ученым марксизмом*», независимо от того, обосновывается ли последний «при помощи Авенариуса или Гегеля». Несмотря на использование марксистского новояза, спиритуалист Белый выворачивает марксизм наизнанку, говоря, например, что «категории теоретико-познавательной мысли суть формы капиталистического *производства сознания*: капиталист есть рассудок». Белый противопоставляет «мертворожденные потуги *социал-мозгологии*» и ее изощренно силлогистическое мышление — «радости восстания *созидающей* мысли». Заметим, что в качестве противовеса мертвым абстракциям Белый предлагает не саму жизнь и ее практику, но опять-таки «мысль», хотя бы и «созидающую», т.е., по сути, хочет заменить мертвый идеализм живым. Он даже изображает революционные столкновения в форме войны идей-силлогизмов, движущих обеими противоборствующими «толпами», уравненными в своей смертности. По Белому, силлогизмы, как прежде мысли, рождавшиеся в голове сенатора Аблеухова, воплотились в «вооруженные толпы, марширующие на улицах». И Белый приводит хрестоматийный силлогизм, инкорпорируя в его логические посылки и заключение экзистенциальные детали происходящего:

- 1) бóльшая посылка: *Человек смертен* (толпа наступала по Невскому),
 - 2) мёньшая посылка: *Я — человек* (отвечая так, наступала толпа на нее),
 - 3) заключение: *Следовательно: я — смертен* (и в громе выстрелов падали трупы)
- [Белый 1918–1, с. 121].

Заимствованный пример характерен. С одной стороны, всякий гимназист со школьной скамьи зазубривал этот пример на уроках школьной логики²¹. С другой, разновидность этого силлогизма получила экзистенциальное звучание в «Смерти Ивана Ильича» (1886) Л.Н. Толстого [Толстой 1936, с. 92–93].

Пафос «Весенних мыслей» — в утверждении реальности и действенности мысли. Сама революционная ситуация, чреватая взрывами, возникла из-за омертвения мыслей, отливавшихся в косные социальные и духовные формы: «Мысль — опаснейший динамит, когда мысль эта ложная». Мировая война и революция — это не только социальный взрыв, но взрыв в сознании²². В «Революции и сознании современности» Белый пишет о взрывной силе мысли так:

Пребывали в стремлении мы: разорваться — во что бы ни стало; и — взорвать: что бы ни было; только — *побольше взорвать*: площадь, местность, страну, землю, мир. Са-ми мы превращаемся... в бомбу; и *бомба бомб* — *голова*; в ней раздувшийся до мирового «*всего*» и вдруг лопнувший идиотический мозг — нами принятый смысл: «здравый смысл» <...> Разорвалось человечество миллионами неслиянных частей: эгоистиче-ских «я»; «я» отдельных частей «человечества» изживало себя в совершенно безумном стремленье — взорвать: что бы ни было; только — побольше взорвать: площадь, мест-ность, страну, землю, мир; мировая война есть венец материального взгляда на мир <...> Но бомба бомб — голова человека — уже на себя повернулась: *взорвать* оболочку свою — здравый смысл и «рассудочную культуру», приведшую нас... к катастрофе; мы теперь ясно видим: рассудочный смысл, в нас раздувшись до мирового всего, разлетел-ся на части [Белый 1918–1, с. 133].

То, что сознание представляет собой бомбу, является и рефреном эпопеи «Я» (1919), в которой Генеральный Штаб астральных сил, представляющих собой тайную злокозненную международную ретроградную организацию, пытается предотвратить рождение в литераторе Леониде Ледяном (альтер-эго А. Белого) нового духовного *младенца*, грядущего Спасителя и Мессию. Это имеющее родиться духовное «Я» сравнивается автором с бомбой. На-против, «живая, правдивая мысль» уподобляется Белым расцветающему бутону махрово-пылающей розы, что отсылает к мистике христианства и розенкрейцества.

Если Карл Маркс считал, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс 1949, с. 7], то подход А. Белого противоположен: именно мысль создает бытие и реальность. Прежним, мертвым мыслям соответствовали прежние государ-

ственные структуры; современная, живая мысль должна отлиться в нечто новое: «Мысль — жизненна. <...> Загадано этим: *создать бытие нашей мысли*» [Белый 1918–1, с. 126–127].

Соответственно, и революцию Белый толкует как познавательный акт:

Полнота бытия разлитой, ураганной стихии — естественное течение огромного акта познания, совершаемого народом. <...> Пусть все вещи, с которых сознательно сняты все цепи обычной причинности, смешавшись с мыслями, безосновно встающими, образуют вокруг ураганы кипящего хаоса. <...> Россия творит в настоящем собственный познавательный акт; и естественно в этом акте: свержение всех предпосылок революционной и эволюционной догматики в начале познания русским народом себя. Ничто не должно быть дано, как система, узвание, форма. И все данности, привнесенные со стороны, должны быть: построены сызнова. Происходящая переоценка и хаос, пугающий многих, по-моему есть гарантия, что познавательный акт, именуемый русской революцией, в своем первом моменте — не догматический, но — критический акт <...> Революция русская есть начало огромной системы познания [Белый 1918–1, с. 127].

Государственное строительство Белый тоже представляет спиритуалистически, понимая его как *осуществление мысли и воплощение мифа*:

В настоящее время открылось: <...> наша мысль есть живой, всепредметный, внеформенный и текущий процесс образования *организмов сознания*, которые — воплощаемые *мифы*; осуществление мысли в строительстве общественных форм не подчиняется механизму рассудочной деятельности <...>, уплотняющей мертвую форму абстракций *железным футляром* (известною инквизиционной пыткой) [Белый 1918–1, с. 121].

Как представляется, говоря о мифотворчестве, А. Белый следует Вяч. Иванову, который сформулировал свою позицию еще в 1907 г.:

Дионис варварского возрождения вернул нам — миф <...> Художник вдруг вспомнил, что был некогда «мифотворцем» (μυθολογός), — и робко понес свою <...> душу навстречу душе народной. <...> Те, кто организуют партии и их победы, еще не призваны тем самым организовать народную душу и ее внутреннюю творческую жизнь. Пусть остерегутся они насиловать поэтическую девственность народных верований и преданий, вещую слепоту мифологического мирозерцания, <...> и — в борьбе с церковью государственной — бороться против веры вообще. <...> Встретится наш художник и наш народ. <...> В действе <...> народной мистерии воскреснет истинное мифотворчество (ибо истинное мифотворчество — соборно). <...> Исполнитель творческих заказов общины [станет], — рукою и устами знающей свою красоту толпы, вещим медиумом народа-художника [Иванов 1979–1, с. 75–77].

В свою очередь, соответствующие идеи Иванова были инспирированы рассуждениями Эдуарда Шюрэ:

Нет ничего более прекрасного, чем то, когда поэт и народ встречаются и понимают друг друга в мифе. В этом случае гений одного исполняет то, что видел в грезах другой (*ce que l'autre avait rêvé*). У обоих одна жажда, но то, что наивный народ едва наметил, сознательный и страстный художник (*l'artiste*) исполняет [Schuré 1875, p. 67].

Социально-политические представления Белого близки к «мистическому анархизму». Он ратует за «динамическую истину, динамическую власть, динамически-творческую и свободно-любовную коммуны», считая, что не «общественность <...> завершаема в государственность; наоборот: государственность в лучшем случае — удобрение общественной нивы». Вектор общественной эволюции, который Белый считает оптимальным, направлен от государства к самоорганизующейся *коммуне* как сообществу свободных монад, составляющих живой лик человечества:

от центрального строя к федеративному строю; предел распада, неделимая клетка единого тела — *коммуна*. По отношению к государству она выглядит атомом; по отношению к грядущему организму, свободно восставшему из свободного соединения *монад* в *лик живой* человечества, — *коммуна* есть клетка живой органической ткани, живого и творческого процесса: создания из людей Человечества [Белый 1918–1, с. 122].

Рассуждение на языке «монад» у А. Белого — дань лексике Вяч. Иванова²³. Но тут же, в отношении продолжения действий на фронтах, Белый вступает с Ивановым в полемику. Рассуждая о «коммуне», он пишет:

Ей имя София. Да, к этой Софии стремится грядущее, а не к каменному футляру ее, находящемуся в Константинополе. И не к *проливам* мы правим наш путь: мы бросаем *проливы*, плывём от *проливов* к свободному морю... любви... [Белый 1918–1, с. 122]

Белый выступает здесь как противник «завоевания Царьграда и проливов». В последней трети XIX в. русские теоретики обсуждали вопрос о том, чтобы Константинополь стал столицей всеславянского единства (Н.Я. Данилевский), центром греко-славянской духовной культуры (К. Леонтьев) и, наконец, русской столицей православного мира (Ф.М. Достоевский).

В 1914 г., после начала Первой мировой войны вопрос этот перешел в практическую плоскость, и идея завоевания Константинополя с прилегающими к нему проливами, получив одобрение царя, обсуждалась в военных и дипломатических кругах [см.: Россия 1915; Константинополь 1926]. Для А. Белого могло быть значимым, что как раз в это время (март-май 1917 г.) за овладение Константинополем и проливами выступил П.Н. Милюков, бывший министром иностранных дел в первом составе Временного правительства²⁴.

Однако, как представляется, приведенные выше строки Белого метят не столько в перечисленных выше, сколько в того же Вяч. Иванова. По сути,

они представляют собой искусную двойную отсылку к Иванову. Во-первых, отворачивание корабля от надежных, но скучных берегов и маяка в открытое море любви — это мотив одного из ранних стихотворений Иванова, сюжет которого Белый тогда же переработал в квази-теоретическое построение [Петров 2016–1, с. 319]. А во-вторых, это аллюзия на позицию Иванова по Царьграду, которую тот высказал в январе 1917 г.:

Ныне мы видим: Царьград — наша свобода, и свобода всего славянства. Борьба за него есть борьба вместе за нашу внешнюю независимость и за внутреннее высвобождение наших подспудных сил. Без этой свободы, внешней и внутренней, невозможно наше конечное самоопределение. Поэтому страшен величием падающей на нас ответственности тот день, когда Царьград будет наш [Иванов 1987–1, с. 469].

В те дни, когда печатаются эти страницы, притязания России на Константинополь почитаются вычеркнутыми из книги судеб не только силою вещей, но и сознательною волей революционного народа. <...> Царьград станет русским по совокупности исторических условий. Он уготован Руси в дар и не должен быть ее добычей. <...> Вот почему не слепую, а зрячую кажется мне моя вера, что Достоевский в свое время окажется прав, — что Константинополь, «рано или поздно», всё же будет наш (1917, октябрь) [Там же, с. 756–757].

Таким образом, Белый проводит здесь двойную оппозицию. Он противопоставляет исторический собор св. Софии в Константинополе, который требуется отвоевать у турок, Софии Премудрости Божией, отождествляемой с Христом. И подкрепляет свои слова напоминанием Иванову о его собственном давнишнем стихотворении «В челне по морю» (1903), в котором тот предпочел осязаемым берегам (читай: «проливам») — безбрежность любви.

Чтобы лучше понять взгляды Вяч. Иванова, приведем цитату из его статьи 1916 г.:

И странное жутко и светло пророчат другие, необычайные, почти непонятные слова Тютчева, реальный смысл которых теперь лишь приоткрывается современными событиями, являющими тайную связь в судьбах России между искуплением вины ее перед Польшей и осуществлением старинной уверенности, что — как выражал ее Достоевский — «Царьград рано или поздно должен быть наш»²⁵:

Тогда лишь в полном торжестве,
В славянской мировой громаде,
Строй вожделенный водворится, —
Как с Русью Польша помирится.
А помирятся ж эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...²⁶ [Иванов 1917, с. 66]

Как видно, здесь Иванов выступает традиционалистом — последователем государственных взглядов Ф.И. Тютчева и религиозно-эсхатологических чаяний Ф.М. Достоевского, а также сторонником примирения с Польшей в духе панславянства. Однако Белый, который был пацифистом (но не пораженцем)²⁷, выставляет взгляды Иванова как подчеркнуто милитаристские и чловеконенавистнические:

В год войны пишет он, что вселенское дело творим мы; причастие наше к кровавой войне, вырывающей миллионы безвинно загубленных жизней, вызывает в нем гордость <...> «Причащением» названо им пролитие братоубийственной крови <...> Для примирения в Царьграде нужны ему миллионы загубленных жизней; ужасно славянство, если его «вселенская миссия» преодолеть свои поместные споры не где-нибудь, а в... Царьграде («пусть для этого гибнут десятки и сотни тысяч людей»). <...> Дело славянства по Вячеславу Иванову есть «кровавое дело» [Белый 1922–2, с. 23–24]²⁸.

Тем не менее, несмотря на все расхождения, между Ивановым и Белым существовало глубокое внутреннее сродство. Доказательством тому может служить то, как легко пятью годами позже Белый воспроизведет идеи, высказанные в «Весенних мыслях» и «Революции и сознании современности», используя лексику и концепции Вяч. Иванова:

Вячеслав Иванов <...> учит нас: «бог» — рождение дионисовых сил в человеке: он — «миф» человека-вакханта, переживающего все **застывшие истины**, догматы, вещи в расплавленном состоянии экстаза, когда они — становления <...> «Хор» рождается в зрителях; зрители — это народ, высылающий представителей в «**Советы**», творящие народную жизнь; эти «Советы» — оркестры, разбросанные здесь и там; драма, собственно, для Вячеслава Иванова есть народная литургия: высшее напряжение творчества жизни народа; рождение «Диониса-младенца» — рождение формы жизни народа; **законодательство** — **оплотнение творческих мифов** до кристаллических остановившихся форм; государственность — отложение церкви народной <...> Современность, бунтуя против **мертвой окостенелости форм** <...> (эстетических, религиозных, общественных, государственных, нравственных) — обращается к темным корням в нас клокочущего индивидуализма, соединенного с творческим клокотанием народных стихий <...>; здесь встречают нас «прорези» творческих молний грядущей грозы, собирающейся над человечеством темною, но **весеннею** тучею; Достоевский предчувствует грозу; и Толстой возникает, как кризис сознания; <...> остановившийся и дряхлеющий мир не приемлют титаны эпохи <...> [Белый 1922–2, с. 14–15].

Для Белого «вопрос о проливах» — это порождение старых мыслительных форм:

Старые формы правления у нас в голове должны быть нами свергнуты; эти формы — таинственно скрытые пулеметы приверженцев старого строя; стреляли в про-

странство сознаний <...> идеями о войне... для проливов. <...> В тишине кабинетов ученые головы продолжали стрелять лживо-созданной мыслью; и пули ее многим стоили жизни... на фронте; не удивительно: в кабинетные стены влетела шрапнель [Белый 1918–1, с. 124].

Как мы помним, «шрапнель», влетевшая в стены кабинета, — это отсылка к личным жизненным обстоятельствам А. Белого октября-ноября 1917 г. В целом взаимопроникновение теоретического, образного и житейского — отличительная черта мировосприятия А. Белого. Более того, характерной особенностью его душевного склада было переживание реальности в фантазмагорическом и визионерском плане, когда сознательный писательский вымысел невозможно отличить от переживаний экстатического характера и видений. События, происходившие вокруг него, Белый переживал не только физически, но живо проигрывал в воображении (где главным действующим лицом был он сам) или в прозе (тоже насквозь автобиографичной). В этой связи примечателен эпизод из шестой главы романа «Петербург»²⁹, которая создавалась в период поездки А. Белого в Гельсингфорс на лекции Р. Штейнера³⁰. Действие эпизода разворачивается в 1905 г. в одной из кофеен Гельсингфорса, где бомбист Александр Иванович Дудкин рассуждает о грядущих потрясениях в терминах конца культуры. Пафос речи Дудкина состоял в том, что дряхлую культуру нужно сокрушить, а сатанизм — это здоровое варварство:

Помнится, в тот период пришлось ему развивать парадоксальнейшую теорию о необходимости *разрушить культуру*, потому что *период историй изжитого гуманизма закончен* и культурная история теперь стоит перед нами, как выветренный рухляк: *наступает период здорового зверства*, пробивающийся из темного народного низа (хулиганство, буйство апашей), из аристократических верхов (бунт искусств против установленных форм, любовь к примитивной культуре, экзотика) и из самой буржуазии (восточные дамские моды, кэк-уок — негрский танец; и — далее); Александр Иванович в эту пору проповедовал сожжение библиотек, университетов, музеев; проповедовал он и призванье монголов (впоследствии он испугался монголов). Все явления современности разделялись им на две категории: на признаки уже изжитой культуры и на здоровое варварство, принужденное пока таиться под маскою утонченности (явление Ницше и Ибсена) и под этою маскою заражать сердца ха́бсом, уже тайно вызывающим в душах. Александр Иванович приглашал посылать маски и открыто быть с ха́бсом. Помнится, это же он проповедовал и тогда, в гельсингфорской кофейне; и когда его кто-то спросил, как отнесся бы он к сатанизму, он ответил: — «Христианство изжито: в сатанизме есть грубое поклонение фетишу, то есть здоровое варварство...» [Белый 1914, с. 80–81]

Амбивалентность отношения самого автора к подобным манифестам подчеркивается тем, что в романе речь Дудкина вызвала из астрального

мира «паспортиста потустороннего мира» по имени Шишнарфнэ³¹, после появления которого некие силы помчали Дудкина по междупланетным пространствам туда, где он (неясно, во сне или наяву) совершил некий «гнусный акт», подписав внутри самого себя договор с темными силами. «Самое неприятное было то, что Александр Иванович не помнил, совершил ли он *акт*, или нет», но с тех пор в потустороннем астральном мире у него появился «теневого паспорт» и «прописка», о чем ему и сообщает Шишнарфнэ:

— «Впрочем, вы у нас там прописаны <...> Этот паспорт — в вас вписан; вы уж сами в себе распишитесь, каким-нибудь экстравагантным поступочком <...> Этот род расписок признается у нас наилучшим...» <...>

— «Когда же я у вас там прописан», — прометнулось в мозгу его <...>

— «А тогда: после акта» <...>

Тут <...> всё он вспомнил отчетливо... Этот сон в Гельсингфорсе, когда они мчали его чрез какие-то... всё же... пространства <...> Ну, так вот: когда *они* мчали его чрез иные пространства... *Это* он совершил [Белый 1914, с. 90].

Характерно, что в датированной полугодом спустя автобиографической записи Белый прилагает схожую ситуацию уже к себе самому, описывая данное ему в видении принесение присяги на верность Штейнеру и розенкрейцерству. В конце декабря 1913 г. «во сне или не во сне» Белому явился Доктор, повлекший его куда-то, а когда Белый пришел в себя, то осознал, что участвует в некоей мессе или обряде и дает клятву или утвердительный ответ на вопрос, существа которого не помнит, ибо «проспал». Над Белым совершили посвятельный обряд, после чего он:

Проснулся: вернее, очнулся; и спросил себя: «Что это было? Был ли это сон?» Мне стало ясно: нет, не сон, а подлинное посвящение. С той поры мне стало казаться: совершилось мое посвящение в какое-то светлое рыцарство, никем не установленное на физическом плане; и вместе с тем: Сколько раз потом меня тревожило: «Твое высшее “Я” дало высшему “Я” доктора клятвенный обет: послужить какому-то делу; и перенести вытекающие из этого дела страшные, нечеловеческие страдания, а ты — проспал твою клятву; и не знаешь, чему ты поклялся...» [Белый 2016, с. 145]³²

Как бы то ни было, в «Весенних мыслях» Белый, не колеблясь, заявляет:

Революцию нашу призвали мы сами: пришла! И революцию в будущем мы, боясь ее и ропща на нее, подзываем: придет! [Белый 1918–1, с. 125]

Согласно Белому, уже совершавшиеся революции — ничто по отношению к революции грядущей, которая будет революцией Духа: только та уничтожит все косные формы, включая «основную, содержащую их форму — *голову теоретика*», подменяющего новообразования жизни «абстрактной плат-

формой» [Белый 1918–1, с. 123]³³. Белый возвещает грядущее перерождение в духе, когда дух-разум победит рассудок:

Кровь из сердца нам бросилась в анемичный, рассудочный мозг <...> Будет день: Солнце Духа, взойдя в сердце нашем, протянется из очей наших светом и отразится на зеркале небосвода: восходом огромного Солнца [Белый 1918–1, с. 133]³⁴.

По иронии судьбы именно «революция Духа», которую ждал А. Белый и которая для него была неразрывно связана с антропософской доктриной, оказалась той точкой, в которую ударила коммунистическая власть³⁵. 1 октября 1922 г. в газете «Правда» относительно сочинений и особенно антропософских воззрений А. Белого высказался Л.Д. Троцкий (чуть позже соответствующая статья вошла в его книгу «Литература и революция»). Анализ цитат показывает, что Троцкий бегло ознакомился с 1-м сборником «Записок мечтателей» (1919), по сути — детищем А. Белого. Внимание вождя привлекли три отрывка: единственный «бытовой» (а потому удобочитаемый) пассаж из предисловия к эпосе «Я», в котором Белый пожаловался на тяготы жизни писателя, и еще две фразы из середины первой части эпоса. Но по-настоящему заинтересовала Троцкого формула, которую он отыскал совсем в другом месте — в 6-м выпуске «Записок мечтателей» (1922), где Белый завершил свои воспоминания об А. Блоке словами: «из Бога родимся, во Христе умираем, в Святом Духе возрождаемся». Троцкий не только процитировал ее, но и хлестко обыграл в конце соответствующего рассуждения:

Белый, как только дело доходит до его антропософии, становится кратким, беглым, предпочитая фигуру умолчания. Одно только и сообщает: «Не я, а Христос во мне Я»³⁶, и еще: «в боге родимся, во Христе умираем, в святом духе возрождаемся»³⁷ <...> В высокомернейшем предисловии к своей неопеиной «Эпосе» Андрей Белый обличает нашу советскую эпоху, «ужасную для литератора, чувствующего свое призвание к огромным, монументальным полотнам»³⁸ <...> В той же эпосе Белый заявляет: «Устои обычной действительности для меня — ерунда»³⁹. И это перед лицом народа, который истекает кровью, чтобы передвинуть «устои обычной действительности». Ну, конечно, ни больше ни меньше: ерунда... Ведь он не он, а Христос в нем. Ведь в святом духе воскреснет... Антропософское благочестие освобождает не только от художественного вкуса, но и от общественной стыдливости. Белый — покойник, и ни в каком духе он не воскреснет [Троцкий 1991, с. 52–54].

Троцкому нельзя отказать в чутье. Приведенная фраза представляет собой формулу розенкрейцеров и антропософов, чрезвычайно важную для Белого как в биографическом, так и в духовном плане. Впервые текстуально фиксируемая в *Fama Fraternitatis Rosae Crucis* (1614), она была сообщена А.Р. Минцловой в письме А. Белому в 1909 г., а позднее он слышал ее в эзоте-

рической группе последователей Рудольфа Штейнера, куда был допущен [см. Глухова 1998, Глухова 2007]⁴⁰.

Последствия критики Троцкого оказались катастрофическими. В октябре 1923 г. Белый писал: «Знаю, что в Москве после статьи обо мне Троцкого мне заповедано участие в журналах и литературно-общественная деятельность» [Белый 2016, с. 480]⁴¹. В 1928 г. он так вспоминает свое возвращение из Берлина в Москву, где уже были закрыты *Вольфила* и *Антропософское общество*:

Я вернулся в свою «могилу» в 1923 году, в октябре: в «могилу», в которую меня уложил Троцкий, за ним последователи Троцкого, за ними все критики и все «истинно живые» писатели <...> Самое появление мое в общественных местах напоминало скандал, ибо «трупы» не появляются, но гниют. Я был «живой труп»; «В. ф. а.» — закрыта; «А. о.» — закрыто; журналы — закрыты для меня; издательства закрыты для меня; был момент, когда мелькнула странная картина меня, стоящего на Арбате... с протянутой рукою: «Подайте бывшему писателю». Так — не случилось [Белый 1994, с. 483].

Но всё это будет в будущем, пусть уже совсем близком. В мае 1918 г. не-исправимый «мечтатель» Андрей Белый заканчивает «Весенние мысли» на оптимистической ноте:

Ружейные трески шалят шесть уж месяцев (с ноября до апреля); но отчего-то легко, беззаботно, певуче в неосвещенной вечерней Москве <...> А как было душно в июле [1917 г.], когда не трескали винтовки, но раздавались витиеватые речи о том, что война и есть мир, а <...> свобода проливов есть цель революции! Теперь... — трески выстрелов <...> Какие весенние дни! Ведь давно таких не было. Ласточки прилетят уже скоро: их — жду [Белый 1918–1, с. 125].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После 1922 г. — Плотников переулоч.

² В «Песне Солнценосца» А. Белого отразилось его восторженное приятие происходящих событий: «Прекрасен Народ, приподнявший огромную правду о Солнце над миром — в час грома <...> Воскреснем: “Воистину”» [Белый 1918–2, с. 10]. В момент написания письма, однако, ощущения А. Белого были явно не радужными. Сохранился комментарий Иванова-Разумника к этому письму: «Октябрьскую революцию 1917 года АБ “принял” лишь в январе 1918 года».

³ Приведенные стихотворения публиковались во 2-м сборнике «Скифы» (1918), одним из редакторов которого был сам А. Белый.

⁴ «Что революция переживается религиозно, об этом свидетельствует творчество наших лучших поэтов: “революционные поэмы” Сергея Есенина и “Песнь Солнценосца”, принадлежащая Ключеву, полны революционно-религиозным экстазом, в котором мне видится подлинный религиозный порыв <...> И Есенин, и Ключев, и многие им подобные, — суть “народ” в более прямом подлинном смысле, чем марксисты-богоискатели, проклявшие революцию и кощунственно обогрившие душу кровавым призывом к войне» [Белый 1922–2, с. 21].

⁵ «Петербург, Петербург! Осаждая туманом, и меня ты преследовал праздною мозговой игрой <...> За Невой, в потусветной, зеленой там дали — повосстали призраки островов и

домов, обольщая тщетной надеждою, что тот край есть действительность и что он — не воющая бескрайность, которая выгоняет на петербургскую улицу бледный дым облаков» [Белый 1913–1, с. 71; первая фраза также: Белый 1913–2, с. 170].

⁶ Ср.: «покрой твоё тело короста шелудивая, буйный ветер сдует с тебя и коросту шелудивую» [Ремизов 1918–3, с. 195]. Ремизов начинает своё «Слово» с аллюзии на «Петербург» А. Белого: «Безумный ездок, хочешь за море прыгнуть из желтых туманов гранитного любимого города, несокрушимого и крепкого, как Петров камень, — над Невоею, как вихрь, стоишь, вижу тебя и во сне и в явь»; ср.: «С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический Всадник, <...> как бросил коня на финляндский серый гранит — надвое разделилась Россия <...> Хочешь ли и ты отделиться от тебя держащего камня, как отделились от почвы иные из твоих безумных сынов <...> Или, может быть, хочешь ты броситься, разрывая туманы, чрез воздух, чтобы вместе с твоими сынами пропасть в облаках?» [Белый 1913–1, с. 140–141]

⁷ «Рвутся фикции стен и домов <...> Ценности государственной жизни обернулись туманами, застилавшими путь; коросты оледенелых партийных абстракций разбиты пульсацией разогретого народного сердца» [Белый 1918–1, с. 119–120].

⁸ Ср.: «Коммуна мечтателей создаваема при условии отделенности личностей, выветвляющих индивидуально растущую крону <...> Обособление личностей для слияния их в индивидууме песни лесной, сочетание тайны единства и множественности — вырастает отсюда; и вырастает отсюда возможность понять, как углами поставить загаданный *треугольник* из слов по отношению к четырем сторонам горизонта» [Там же, с. 7–8].

⁹ Возможно в какой-то своей части заглавие «Весенние мысли» отсылает к заглавию балета «Весна священная» И. Стравинского, который тот сочинил в швейцарском Монтрё, в 170 км от Дорнаха. Премьера «Весны священной» состоялась 29 мая 1913 г. в театре Елисейских Полей в Париже. Автором декораций, костюмов, либретто был Николай Рерих, хореографом — Вацлав Нижинский, импресарио — Сергей Дягилев.

¹⁰ «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода = ἀμὴν ἀμὴν λέγω ὑμῖν, ἐὰν μὴ ὁ κόκκος τοῦ σίτου πεσὼν εἰς τὴν γῆν ἀποθάνῃ, αὐτὸς μόνος μένει· ἐὰν δὲ ἀποθάνῃ, πολὺν καρπὸν φέρει» (Ин 12:24).

¹¹ Ср.: «Мы боролись, и впредь до конца будем бороться за свою правду <...> И если мы погибнем <...>, то погибнем не напрасно; мы “вытекшей душою удобрим чернозем”, и взойдут на ней *весенние семена*, которые разбрасывает теперь по всему миру русский *вихрь*» [Там же, с. 227]. См. в ст-нии С. Есенина «Пришествие [А. Белому]» (октябрь 1917): «чтобы вытекшей душою удобрить чернозем» [Есенин 1997, с. 51].

¹² «Цвет культуры — *зеленый*, и цвет революции — *огненный*. <...> Цвет культуры, *зеленый*, и цвет революции, *красный*» [Белый 1917–1, с. 4, 6].

¹³ Об античных теориях обогенения мира см.: [Петров 2005, с. 734–745].

¹⁴ Иванов-Разумник. Испытание в грозе и буре (впервые: Наш путь. 1918. № 1, апр. С. 131–158): «Два испытания <...> пали тяжким бременем на <...> устои старого мира <...> И первое испытание — испытание огнем мировой войны — сразу испепелило ростки братства “международного” <...> Огонь <...> укрепляет своды лишь до того мига, пока не перейдет он в пламя испепеляющее, пока из огня-раба не станет он огнем *творческим* <...> “Есть суд всего, что / дышит, живет и растет — / суд огнем” <...> Так слышим мы в “Предании от Гераклита Эфесского” (А. Ремизов) <...> Второе испытание — испытание в грозе и буре революции — сразу расшатало крепкие своды; мировой *вихрь* вновь понес на старое пожарище *весенние семена* “международного братства”» [Иванов-Разумник 2004, с. 259–260].

¹⁵ См. характерное замечание Иванова относительно французской революции, причинами которой у народа считается отрыв от *омертвевшей* церковной иерархии, а у элит — отход от *омертвевшей* иерархии масонской: «Чтобы сделать последний шаг, след которого мы называем французской революцией, Прометеевы Дети должны были совершить новую частичную

узурпацию отчего огня, и революция была вызвана отколом не только народа от Церкви, но и внешних причастников мистического тайноведения от иерархических центров священного предания. Я разумею революционную роль экзотерического масонства. Церковная и мистическая иерархия ответили бесплодными попытками насильственного подавления мятежных сил, и Суворов по манию гроссмейстера мальтийского ордена переходил через Альпы, преследуя гидру безбожия и безначалия. Но правды никогда нет там, где нет жизни, и реакция была мертворожденной» [Иванов 1987–2, с. 261–262].

¹⁶ По предположению публикатора, подтверждаемому содержанием фрагмента, текст представляет собой введение к лекции Вяч. Иванова «Всенародное искусство», прочитанной в мае 1918 г. в Доме свободного искусства. Ту же позицию Иванов подтвердит 8 августа 1919 г., выступая в Бюро художественных коммун (Мертвый пер., 1): «В трагические годы революции культура в значительной степени падает и для творчества создается какая-то среда, которую в известном смысле можно назвать средой стерилизованной» [Лавров 2002, с. 521].

¹⁷ Ср. там же: «Под гул землетрясений должны мы услышать в сердце великую тишину».

¹⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра [Ницше 1900]: «Вот новая *тишина*, которой я научился» (с. 181); «О блаженная *тишина* вокруг меня!» (с. 200); «Заратустра не слышал, что они замолчали. Он лежал тихо, с закрытыми глазами, подобно спящему, хотя он не спал: ибо он беседовал со своей душой. Но змея и орел, видя его таким молчаливым почтили великую *тишину* вокруг него и осторожно удалились» (с. 245); «*Тише! Тише!* Не был ли мир сейчас совершенным?» (с. 301); «Не пой! *Тише!* Мир совершен. Не пой, о душа моя! Не шепчи даже! Смотри же — *тише!*» (с. 302); «Самое малое именно, *тишайшее*, легчайшее, шелест ящерицы, дуновение, мгновение — *Малое* составляет род *лучшего* счастья. *Тише!* — Что случилось со мной: Чу! Не улетело ли время? Не падаю ли я? Не упал ли я — чу! в колодезь вечности?» (с. 303); «Моя мудрость давно уже собирается, подобно туче, она становится *тише* и темнее. Так делает всякая мудрость, которая некогда должна родить *молнии*» (с. 317); «*Тише! Тише!* тогда слышится многое, что не смеет быть услышано днем» (с. 346).

¹⁹ Для неразберихи декабря 1917 г., когда этот фрагмент Белого был дважды напечатан, характерно присутствие в печатной версии адресованного самому себе вопроса «где?». Скорее всего, Белый сделал эту помету в рукописи, чтобы уточнить, где у Ницше находится указанная фраза, но по недосмотру она перекочевала в публикацию.

²⁰ Ср.: «Иванов-Разумник, как и Белый, как и Блок <...> были не материалистами, а прирожденными ненавистниками материализма» [Штейнберг 1991, с. 33].

²¹ Об истории этого силлогизма от немецких учебников логики XVIII века до их русских аналогов XIX века см.: [Петров 2014, с. 355–356, 360–362].

²² Назревание и предчувствие этого взрыва фиксировалось Белым уже в «Петербурге», составив лейтмотив романа. При этом отношение автора к происходящему оставалось амбивалентным: понятно, что взрыв назрел и неизбежен, но сам этот факт ужасен. «Петербург», помимо прочего, роман о бомбистском терроре, в результате которого физически погибли сотни, если не тысячи, людей всех сословий.

²³ См. раздел «Лейбниц и монадология»: [Петров 2016–2, с. 46–52]. Ср. также: «Я затрудняюсь даже сказать, пантеист ли Иванов или плюралист, идет ли он за Спинозой или Лейбницем. Преклонение перед индивидуальной волей, перед “я”, перед *духовной монадой*, органически сплелось у него с тягостным сознанием одиночества, на которое осуждена эта воля, пока она отрезана от вселенной и замкнута в границах индивидуальности» (Галич Л.Е., 1906) [Иванов 2015, с. 94]; «Вся его философия не что иное, как умствование эрудита над тем, как бы отделаться от умствований <...>, из абсолютной *монады* — превратиться в клеточку, в каплю великого океана стихии» (Философов Д., 1907) [Там же, с. 124].

²⁴ Ср.: «22 марта [1917 г.], в беседе с журналистами по поводу вступления Соед. Штатов в войну, Милюков разъяснил смысл “победного конца” — тогда было сказано о жизненном значении для России приобретения Константинополя и проливов, причем министр отметил, что этими претензиями русские “ничуть” не посягают на национальные права Турции, и что

никто не в праве бросить России упрек в “захватных тенденциях” — обладание Царьградом всегда считалось национальной задачей России» [Мельгунов 2016, с. 377].

²⁵ «О, конечно, вы можете смеяться над всеми предыдущими “мечтаниями” о предназначении русском, но вот скажите однако же: не все ли русские желают воскресения славян именно на этих основаниях, именно для их полной личной свободы и воскрешения их духа, а вовсе не для того, чтобы приобрести их России политически и усилить ими политическую мощь России, в чем, однако, подозревает нас Европа? Ведь это же так, не правда ли? А, стало быть, и оправдывается уже тем самым хотя часть предыдущих “мечтаний”? Само собою и для этой же цели, *Константинополь — рано ли, поздно ли, должен быть наш... <...>* Да, Золотой Рог и Константинополь — все это будет наше, но не для захвата и не для насилия, отвечаю я. И, во-первых, это случится само собою, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то действительно время близко, все к тому признаки. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы. Если не случилось этого раньше, то именно потому, что не созрело еще время» [Достоевский 1981, с. 47–48].

²⁶ Тютчев Ф.И. Тогда лишь в полном торжестве... (1850) [Тютчев 2003, с. 17].

²⁷ «всё мое существо [было наполнено] звонким звоном переживаний о мире и братстве народов: я был *пассифистом*» [Белый 1919–2, с. 19]; «Я хотел добиться одного: чтобы о войне или вовсе не говорилось, или говорилось в духе подлинного пассифизма; мой пассифизм был налицо — <...> Меня удивляло, что этого Ася не понимает: мое поведение — просто элементарное поддержание чувства собственного достоинства, не позволяющего, чтобы тебе наступали на ноги; Ася упрекала меня в шовинизме, не уважала во мне русского и, как мне казалось, унижалась до согласия с немецкими бреднями; в эти дни я сильно страдал от сознания, что Ася душевно и духовно предала Россию прусскому милитаризму; это было не так, конечно; но выходило, что — так, раз она откровенно желала России поражения. <...> М.Я. Сиверс нас пригласила на чай; и за чаем высказывалась за Германию; во мне это свидание оставило горький след; я увидел, что и она заразилась прусским милитаризмом (доктор держался по отношению к всем нациям с безукоризненной корректностью, но я подозревал, что и он в глубине души задет общим угаром). Мое положение в Дорнахе становилось нестерпимо-мучительным: я тосковал по России, ненавидел не самих немцев, а отвратительный налет шовинизма на них; я страдал, что меня так не понимают, считают шовинистом; страдал за Асю и от Аси» (август 1914 г.) [Белый 2016, с. 185].

²⁸ Сам Белый, будучи пацифистом и интернационалистом, будучи призван на войну в 1916 г., не раздумывая покинул швейцарский Дорнах и выехал в Россию.

²⁹ Впервые глава опубликована в 1914 году, а написана весной 1913 г., ср.: “[Март 1913 г.]: Весь месяц усиленно работаю над шестой главой “*Петербург*”; пишу ее заново. <...> [Апрель]: Я заканчиваю 6-ю главу “*Петербург*”» [Белый 2016, с. 134]; «[Июль 1913 г.]: Отправляю 6-ю и 7-ую главы “*Сирину*”» [Там же, с. 137].

³⁰ В Гельсингфорсе Белый был один раз в жизни — в мае 1913 г. на лекциях Р. Штейнера. Ездил он вместе с Асей Тургенево и большой группой русских, среди которых — Н.А. Бердяев, В.В. Бородаевский, Е.И. Васильева (Черубина де Габриак), К.Н. Васильева, супруги Поццо, А.С. Петровский, М.И. Сизов, Б.П. Григоров и др. Штейнер читал «Оккультные основы Бхагават-Гиты» (10 лекций), Белый получил от него практические наставления для медитаций и вместе с Асей был принят в “*Esoterische Stunde*”.

³¹ Ср.: «Не помните ли, как ужаснейший обитатель астрального мира гоняется за сумасшедшим, принявши обличие перса?» [Белый 1919–2, с. 18]

³² Ср. письмо от 1–3 марта 1927 г.: «*Сон не сон*: скорее выход из себя в какой-то *чертог*, где встретил доктор, которому мое высшее “я” дало как бы на что-то обет (низшее “я” недорасслышало); и непосредственно после обряда прощания, на лекции доктора мне в руки свалился *эпилептик*, которого вынес я и которого приводил в сознание, причем было ясно: “*эпилептик*” — это тот “я”, который от принятого решения моим высшим “Я” всю последующую жизнь будет нести величайшие страдания» [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 500].

³³ Ср.: «Материалистический взгляд революцию собственно превращает в эволюционную марковскую схему; квинтэссенция революций — социальная революция — есть последний этап длинного эволюционного периода, завершающегося “обобществлением орудий производства”; но революция — собственно — пресловутый скачек в нераскрытое царство свободы — начинается после. <...> Материализм и рассудочность — связаны; материалистический взгляд на историю есть взгляд рассудочной, ограниченной мысли; <...> Революция — воплощение духовного импульса в жизнь» [Белый 1922–2, с. 18].

³⁴ Ср.: «Отражение в небосводе происходящего в сердце» [Белый 1917–1, с. 30]; «Что, если мы, глядящиеся в зеркало и видящие ответный взгляд, сами — живое зеркало, и наше зрящее око — только ответ и отражение живого ока, вперенного в нас? Бросая от себя луч вовне, не приняли ли мы его раньше извне, отразив в своем микрокосме вселенскую тайну? И не в том ли эта тайна, что “в зеркальной Вечности Надир / Глядит в Зенит зеницею Зенита”» [Иванов 1979–2, с. 125].

³⁵ Ср. письмо от 1–3 марта 1927 г.: «1919 год — тяжелый: 1) самый трудный год, 2) явное разочарование в близости “революции Духа» [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 506].

³⁶ [Белый 1919–2, с. 39].

³⁷ [Белый 1922–1, с. 122].

³⁸ [Белый 1919–2, с. 12].

³⁹ [Белый 1919–2, с. 42].

⁴⁰ Ср.: “[Kristiania (Oslo), 18. Juni 1910]. Sie konnten nun von sich sagen: *Ex Deo nascimur* <...> *Per Spiritum Sanctum reviviscimus* <...> Nun aber wird sie von dem Christus durchdrungen und erlebt das, was Paulus nannte: «*Nun aber nicht ich lebe, sondern Christus in mir*» <...> Diese Meditation ist ein langsames Ersterben des niederen Ich. Und mit diesem Hineinsterben und Wiederaufleben im Christus haben wir die Verbindung zwischen den zwei Wegen: *In Christo morimur*. Es ist ein bewußtes Aufleben im Christus-Geist” [Steiner 1996, s. 60–61].

⁴¹ Ср.: «К статьям резко отрицательным обо мне принадлежит статья Троцкого в его сборнике “Революция и культура”; статья играла решающую роль в отношении ко мне в теперешней прессе: я — “меньшевик”, “белый” (с маленькой буквы), занимаюсь исканием психологических гнид под куполом “храма” и изучением хвоста у киевской ведьмы в отличие от “ведьмы” вообще. Так как мое мировоззрение никому не известно, — неизвестно, что я “естественник”, 25 лет занимавшийся теорией знания (неизвестно, потому что мои книги в свое время замолчали, а профессора словесности разводили “турусы на колесах” о символизме), — то я со времени опубликования резолюции Троцкого обо мне и сел, так сказать, в тень; *сизу и молчу*» [Белый 2016, с. 785–786].

ЛИТЕРАТУРА

- Белый 1913–1 — Белый А. Петербург. Гл. 1, 2 // Сирин. Сб. 1. СПб., 1913. С. 1–148.
 Белый 1913–2 — Белый А. Петербург. Гл. III, IV, V // Сирин. Сб. 2. СПб., 1913. С. 1–209.
 Белый 1914 — Белый А. Петербург. Гл. VI, VII, VIII // Сирин. Сб. 3. СПб., 1914. С. 1–276.
 Белый 1917–1 — Белый А. Революция и культура. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. 30 с.
 Белый 1917–2 — Белый А. Рождение в ясли [= первые пять главок «Песни Солнценосца»] // Знамя труда. 1917. № 105, 28 дек. С. 3.
 Белый 1918–1 — Белый А. На перевале. I. Весенние мысли; II. Революция и сознание современности // Наш Путь. 1918. № 2. С. 119–133.
 Белый 1918–2 — Белый А. Песнь Солнценосца // Скифы. Сб. 2 / Под ред. А. Белого, Р.В. Иванова-Разумника, С.Д. Мстиславского. М., 1918. С. 6–10.
 Белый 1919–1 — Белый А. Записки мечтателей // Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 5–8.
 Белый 1919–2 — Белый А. «Я»: Эпопея. Ч. 1 // Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 10–71.

Белый 1922–1 — *Белый А.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 5–122.

Белый 1922–2 — *Белый А.* Сирия ученого варварства. (По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»). Берлин: Скифы, 1922. 24 с.

Белый 1994 — *Белый А.* Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития (1928) // Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 418–493.

Белый 2016 — Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Белый — Иванов-Разумник 1998 — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. 736 с.

Глухова 1998 — *Глухова Е.В.* Источник одной цитаты у Андрея Белого // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тезисы второй Международной конференции. Тверь, 1998. С. 46–48.

Глухова 2007 — *Глухова Е.В.* Письма А.Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4. Ч. 2 М.: РГГУ, 2007. С. 215–240.

Достоевский 1981 — *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 23: Дневник писателя за 1876 год. Май — октябрь. Л.: Наука, 1981. 423 с.

Есенин 1997 — *Есенин С.* Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Стихотворения (Маленькие поэмы) / Подгот. текстов и коммент. С.И. Субботина. М.: Наука; Голос, 1997. 464 с.

Иванов 1917 — *Иванов Вяч.* Польский мессианизм, как живая сила // Иванов Вяч. Родное и вселенское: Статьи (1914–1916). М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. С. 59–67.

Иванов 1979–1 — *Иванов Вяч.* О веселом ремесле и умном веселии (1907) // Иванов Вяч. Собрание сочинений / Под. ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 61–77.

Иванов 1979–2 — *Иванов Вяч.* Спорады (1909) // *Вяч Иванов.* Собрание сочинений / Под. ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Т. 3. Брюссель, 1979.

Иванов 1987–1 — *Иванов Вяч.* Лик и Личины России: К исследованию идеологии Достоевского // Иванов Вяч. Собрание сочинений / Под. ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Т. 4. Брюссель, 1987, С. 445–481, 755–757.

Иванов 1987–2 — *Иванов Вяч.* О Новалисе (после 1913 г.) // Иванов Вяч. Собрание сочинений / Под. ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 261–277.

Иванов 2015 — *Вяч. Иванов: Pro et contra.* Антология. Т. 1 / Сост. К.Г. Исупова, А.Б. Шишкина; коммент. Е.В. Глухой, К.Г. Исупова, С.Д. Титаренко, А.Б. Шишкина и др. СПб., РХГА, 2015. 996 с.

Иванов-Разумник 1918 — *Иванов-Разумник Р.В.* Две России // Скифы. Сб. 2 / Под ред. А. Белого, Р.В. Иванова-Разумника, С.Д. Мстиславского. М., 1918. С. 201–231.

Иванов-Разумник 1922 — *Иванов-Разумник Р.В.* Моховое болото и клопные шкурки (1913) // Иванов-Разумник. Заветное. О культурной традиции: Статьи 1912–1913 гг. Пб.: Эпоха, 1922. С. 98–122.

Иванов-Разумник 2004 — *Иванов-Разумник Р.В.* Испытание в грозе и буре // Александр Блок: Pro et contra. СПб.: РХГА, 2004. С. 259–287.

Константинополь 1926 — Константинополь и проливы по секретным документам б. министерства иностранных дел. Т. 2 / Под ред. Е.А. Адамова. М.: Изд. литиздата НКВД, 1926.

Лавров 2002 — *Лавров А.В.* Вячеслав Иванов в неосуществленном журнале «Интернационал искусства» // Лица: Биограф. альм. 9. СПб.: Феникс, 2002. С. 516–530.

Маркс 1949 — *Маркс К.* К критике политической экономии. [Л.]: Госполитиздат, 1949. 272 с.

Мельгунов 2016 — *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. М.: Вече, 2016. 576 с.

Ницше 1900 — *Ницше Ф.* Собрание сочинений. Т. 1: Так говорил Заратустра. Символическая поэма / Пер. Д. Борзаковского; Под ред. А. Введенского. М.: Изд. М.В. Клюкина, [1900]. 360 с.

Обатнин 1994 — *Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 29–51.

Петров 2005 — *Петров В.В.* Тело и телесность в эсхатологии Иоанна Скотта // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / Общ. ред. П.П. Гайдено и В.В. Петров. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 633–756.

Петров 2014 — *Петров В.В.* Бытие и логика в философской прозе Сигизмунда Кржижановского // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 2. М.: Аквилон, 2014. С. 340–372.

Петров 2016–1 — *Петров В.В.* Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 287–331.

Петров 2016–2 — *Петров В.В.* «Разнотекущие потоки» в «Сне Мелампа» Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // *Euroa Orientalis*. 2016. № 35. С. 23–54.

Ремизов 1917 — *Ремизов А.* Огневица // Дело народа. 1917. № 241, 24 дек. С. 3.

Ремизов 1918–1 — *Ремизов А.* Золотое подорожие. Электрумные пластинки // Новый путь. 1918. № 89, 4 мая. С. 4.

Ремизов 1918–2 — *Ремизов А.* О судьбе огненной: Предание от Гераклита Ефесского. [Пг.: Сегодня, 1918]. [8] с.

Ремизов 1918–3 — *Ремизов А.* Слово о гибели Русской Земли // Скифы. Сб. 2 / Под ред. А. Белого, Р.В. Иванова-Разумника, С.Д. Мстиславского. М., 1918. С. 194–200.

Россия 1915 — Россия, Царьград и проливы: Материалы и извлечения / Под ред. и с предисл. Р. Стрельцова. [Пг.: Прометей, 1915]. [2], IV, X, 134 с.

Скороходов 2015 — *Скороходов М.В.* Маленькая поэма С.А. Есенина «Певущий зов» в историко-культурном контексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 7 (49). Ч. 1. С. 167–169.

Толстой 1936 — *Толстой Л.Н.* Смерть Ивана Ильича // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 26. М.: Худ. лит., 1936. С. 61–113.

Троцкий 1991 — *Троцкий Л.* Литература и революция / Вступ. ст. Ю. Борева. М.: Политиздат, 1991. 399 с.

Тютчев 2003 — *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. Т. 2: Стихотворения, 1850–1873. М.: Классика, 2003. 640 с.

Штейнберг 1991 — *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911–1928) / Подгот. текста, послесл. и примеч. Ж. Нива. Париж: Синтаксис, 1991. 288 с.

Schuré 1875 — *Schuré É.* Le drame musical. Т. 2: Richard Wagner, son oeuvre et son idée. Paris: Sandoz et Fischbacher, 1875. 429 p.

Steiner 1996 — *Steiner R.* Aus den Inhalten der esoterischen Stunden. Gedächtnisaufzeichnungen von Teilnehmern. Bd. II: 1910–1912. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1996. 520 s.

А.М. Грачева
(Санкт-Петербург)

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА 1918–1921 ГГ. И ТЕО НАРКОМПРОСА*

Статья посвящена анализу практической работы Алексея Ремизова в деле создания нового театра. Проанализированы многочисленные рецензии Ремизова на пьесы. В дальнейшем они составили основу его книги «Крашенные рыла» (Берлин, 1922). Рассмотрены теоретические взгляды Ремизова на задачи современного театра и его драматические эксперименты 1919–1921 гг.

The article analyzes Alexei Remizov's practical work in the creation of a new theater. Numerous Remizov's reviews on plays are analyzed. Later they formed the basis of his book «Painted Snout» (Berlin, 1922). Remizov's theoretical views on the tasks of modern theater and its dramatic experiments of 1919–1921 are considered.

Ключевые слова: революция, Алексей Ремизов, русский авангард, театр.

Keywords: revolution, Alexei Remizov, Russian avant-garde, theater.

Различные виды театральной деятельности изначально были одной из важных составляющих творческого пути А.М. Ремизова. В 1903–1904 гг. по приглашению В.Э. Мейерхольда писатель был заведующим репертуарной частью организованного режиссером «Товарищества Новой Драмы». Он не только формировал новаторский репертуар театра, переводя пьесы европейских драматургов-модернистов, но фактически был равноправным соратником Мейерхольда в деле создания нового театра, автором ряда концептуально-значимых статей-манифестов. Так, в статье 1904 г. «Товарищество Новой Драмы. Письмо из Херсона» Ремизов писал: «“Новая драма” ставит своей задачей создание такого театра, который в рядах движений, взбурливших области философии и искусства, шел бы с ними, охваченный проступающей жаждой, в поисках новых форм для выражения вечных тайн и смысла нашего бытия и смысла земли, вынынчившей человека на крестные страдания, беды и небесный восторг» [Ремизов 1904, с. 36].

После этапа аккомодации и пропаганды в театральной среде драматургии европейских мастеров «новой драмы», со второй половины 1900-х гг. Ремизов стал реализовывать свои теоретические представления о задачах современного театра в собственных драматургических опытах. Он видел его как театр теургический, когда во время сценического действия совершается

* Работа проводилась при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 — нач. 1920-х)».

священная мистерия, в которой участвуют и артисты, и зрители. «Бесовское действо» (1907), «Трагедия о Иуде, принце Искаротском» (1908), «Действо о Егории Храбром» (1910) были не символистскими «пьесами для чтения», а произведениями, предназначенными для постановки на театральных подмостках. В статье «Русские драматурги» (1911) Мейерхольд дал такую оценку драматическим опытам писателя: «Зачинатели Нового Театра пытаются прежде всего возродить ту или иную особенность одного из театров подлинно-театральных эпох. <...> *Алексей Ремизов* дает начало современной мистерии по образцу мистерий раннего средневековья» [Мейерхольд 1913, с. 115].

Новый этап драматургических и театральных экспериментов Ремизова пришелся на годы Второй русской революции. С 1 мая 1918 г. писатель служил в Театральном Отделе Наркомата просвещения (ТЕО Наркомпроса), где он был членом историко-теоретической и репертуарной секций, постоянным членом Бюро ТЕО, заведующим русским театром репертуарной секции. После реформирования ТЕО с 15 ноября 1919 г. и до своего отъезда из Петрограда за рубеж в августе 1921 г. писатель служил в Петроградском Театральном Отделении (ПТО) Наркомпроса, где выполнял обязанности члена репертуарной секции. Впоследствии в книге «Петербургский буерак» Ремизов, мысленно обращаясь к своему умершему другу и бывшему начальнику по ТЕО Наркомпроса А. Блоку, писал: «Наша служба в ТЕО — О.Д. Каменева — бесчисленные заседания и затеи, из которых ничего-то не вышло. И наша служба в ПТО — М.Ф. Андреева — ваш театр на Фонтанке, помните, вы прислали билеты на “бывшего — А.Г.> короля Лира”» [Ремизов 2003, с. 329].

Архивные и печатные источники подтверждают, что в это время Ремизов продолжал последовательно развивать свои более ранние теоретические взгляды на значение для современного театра мистерияльного действия, в котором главным являлся голос «хора» — глас народа.

Относившиеся еще к 1900-м гг. ремизовские постулаты о значении «хорового действия» = «мистерии» имели сходные черты со взглядами Вяч. Иванова. В годы Второй русской революции Ремизов познакомился еще с одной театральной концепцией, корреспондирующей с его взглядами на природу театра и драматургии. В 1919 г. ТЕО Наркомпроса переиздал уже известную в России книгу Р. Роллана «Народный театр» в редакции Вяч. Иванова и с его предисловием [Роллан 1919]. В преамбуле Вяч. Иванов не столько представлял читателю систему автора, сколько развивал свою теорию о «современном искусстве для народа» и «грядущем всенародном искусстве». Последнее он видел в том, что театр разовьет «изначально ему присущую и действительно ищущую свободного проявления, собирательную, единящую и плавающую множество, хоровую энергию» [Роллан 1919, с. X]. В современности одними из истоков грядущего театра станут, по его мнению, «новые побег» «стародавнего народного представления» [Роллан 1919, с. XI]. По сути, в книге Р. Роллана декларировались идеи развития форм народного театра, во

многим сходные с воззрениями Вяч. Иванова, а также и Ремизова. «Мы хотим, — отмечал Роллан, — чтобы народ снова испытал опьянение чувством братства, пробуждающимся чувством свободы. И вера в наступление этого часа внушила мне идею народных драматических представлений, которые заканчивались бы народным праздником с участием не только актеров, но и всей публики» [Роллан 1919, с. 10]. Параллельно с развитием этих, пользуясь термином Вяч. Иванова, «соборных действ» Роллан утверждал актуальность современных театральных форм, опирающихся на старые жанры «народного театра», в том числе на жанры мистерии и кукольного представления.

В годы революции книга Роллана «Народный театр» вместе со вступлением Вяч. Иванова, во многом развивавшего в нем свои старые идеи о сути мистерийного «соборного действа», стала одним из главных источников Ремизова в области его теоретических размышлений о направленности развития современного театра и драматургии. Еще с середины 1910-х гг. [Ремизов 1915] писатель ввел в свои рассуждения о театре воспринятый из трудов А.Н. Веселовского [Веселовский 1883, с. 204–208] термин «русалия», трактуемый им как древнерусский аналог западноевропейского термина «мистерия».

О стремлении Ремизова пропагандировать в среде драматургов «русалию» как форму современного театра свидетельствуют зафиксированные в протоколе № 30 Бюро репертуарной секции (БРС) ТОО писательские размышления о направлении работы будущих вольных мастерских при курсах драматургии — фактически школы молодых драматургов: «Ремизов рассказывает, как он мыслил подобную мастерскую. Можно объяснить из того, что уже сделано. Привести тексты, материал, например, “Бесовского действа”. Но это может быть скучно. Можно сделать новое. Например, взять апокриф. Усвоить материал. Расчленив, задавая задачи. Отметить, где должна быть сцена. Задать ее приготовить. Или взять Купальскую русалию. Завывание воинов. Отметить борьбу за солнце и за ночь. Наметить процессии, действующих лиц, что должны говорить. Или взять построение города — большая русалия с разговорами, танцами, музыкой и центральным действием»¹.

Одним из существенных аспектов работы Репертуарной секции петроградского отделения ТОО Наркомпроса, членом которой был Ремизов, была подготовка репертуара для театров и, в частности, для народных театров. Руководитель секции А.А. Блок писал в деловой записке: «Репертуарная секция закончила разработку списка пьес, рекомендованных для постановки на сцене народных театров. <...> В первом сборнике <имеется в виду сборник “Репертуар” — А.Г.> появится часть русского списка, разработанного П.П. Гнедичем, Вл.В. Гиппиусом и А.М. Ремизовым со вступительной статьей П.О. Морозова об основном репертуаре народных театров»². В опубликованной книге были, в частности, изданы рецензии Ремизова на пьесы А. Чапыгина, М. Левберг [Репертуар 1919, с. 34–35, 42], а также, в виде комплекса анонимных аннотаций, представлен «Основной список пьес, рекомендуе-

мых репертуарной секцией Театрального отдела для постановки на сцене народных театров». На основании анализа стилевых особенностей и скрытых автоцитат следующие тексты можно достоверно атрибутировать как принадлежащие перу Ремизова:

Ремизов, Алексей Михайлович, современный русский писатель (род. в 1877 г.). Бесовское действо, представленное в 3-х действиях с прологом и эпилогом. Поставлено в 1907 г. на сцене театра В.Ф. Коммиссаржевской в Петербурге. Действующие лица: 1) Живот. 2) Подвижник, он же Оруженосец Живота. 3) Демон Аратырь. 4) Демон Тимелих. 5) Ангел Хранитель. 6) Ангел Смерти. 7) Привратник Арефа. 8) Страстный брат Евстафий. Маски: 9) Тур. 10) Медведь. 11) Волк. 12) Странник. Черты, наряженные ангелами: 13) и 14) обыкновенные. 15) Главный. Бесчисленное количество бесов. Смерть. Грешная дева, она же маска — Турица. Кобылка — маска. — Время действия — с вечера Прощеного воскресения до Светло-Христово Воскресения. Место действия — пещера и в аду. Устройство сцены двухъярусное. Пролог — лысое поле. I, II, III и эпилог — у пещеры. Хор и музыка. Декорации М.В. Добужинского.

Ремизов. Действо о Георгии Храбром, в 3-х действиях, с прологом и апофеозом. 1) Бабеон — глас старцев. Старцы: 2) Месий. 3) Маргоний. 4) Кумений. 5) Афроний. 6) Сандрий. 7) Асилах. 8) Град. 9) Фарносий — комедийный старец из народа. 10) Глашатай. 11) Епарх. 12) Царь Дадриан — безбожный идоложрец. 13) Царевич Георгий. 14) Волхв. 15), 16), 17) и 18) — 4 караульных ответчика у башенных стен. 19) Змей водный. 20) Демон Самаил. 21) Палач. 22) Мастер. 23) Вестник. 24) Канонарх. 25–31) — 7 пленных царей. Лик праведных мужей, воины, юноши вавилонские, царевна, пленная царица, лик праведных жен, девы вавилонские. — Место действия — неверная земля, город Вавилон. Время действия — в восьмом году девятой тысячи. Декорация одна — городская стена с тремя башнями, жертвенник, а больше ничего. — Легенда о змее, пожирающем вавилонских дочерей. Избавляет от змея царевич Георгий. Чтобы победить змея, Георгий должен победить огонь, воздух, воду и землю — муки Георгиевы. Но Георгий не только победил змея, он отрекся и от самого себя — победил Самаила, и вот из расщелины камня брызнул живоносный источник, совершилось чудо, и неверный Вавилон обратился.

Ремизов. Трагедия о Иуде принце Искаротском, в 3-х действиях. Поставлена в 1916 г. в Москве в студии Ф.Ф. Коммиссаржевского, под названием “Проклятый принц”. — 1) Иуда, принц Искаротский. 2) Странник. 3) Пилат, игемон Ерусалимский. 4) Зиф и 5) Ориф — приближенные Иуды. 6) Обезьяний царь. 7) Вестник. Бесчисленное количество обезьян. Ункара, племянница царя Искаротского. Сибория, жена Симона, хозяйка сада, в котором растут золотые яблоки. Кадиджа, служанка Сибории. — Время действия — во дни Ирода царя. Место действия: I — на острове Искароте, II и III — в Ерусалиме. Декорации были нарисованы Н.К. Рерихом. При постановке не было никаких декораций. — Два креста: один поклоняемый, другой проклятый. — Христов крест и крест Иуды. — Какая самая большая вина? — Самая большая вина — предательство. — Я беру эту самую большую вину на свою душу, чтобы открыть путь Искуплению.

<...>

Толстой, гр. Лев Николаевич (28 авг<уста> 1828 — 7 ноября 1910). *Власть тьмы*, или *Коготок увяз, всей птичке пропасть*, драма в 5 действиях (1886). — 1) Петр — мужик богатый. 2) Никита — работник. 3) Аким — отец Никиты. 4) Митрич — старик-работник. 5) Сват. 6) Муж Марины. 7) Урядник. 9) Дружко. 10) Жених Акулины. 11) Староста. Гости. Народ. 1) — Анисья — жена Петра. 2) Акулина — дочь Петра. 3) Анютка — вторая дочь Петра. 4) Матрена — жена Никиты. 5) Марина — девка-сирота. 6) Кума — соседка. 7) Соседка. 8) 1-я девка. 9) 2-я девка. 10) Сваха. Бабы, девки. I действие — просторная изба Петра. II д<ействие> — улица и изба Петра. III д<ействие> изба Петра. IV д<ействие> — внутренность двора. V д<ействие>, 1 сц<ена> — гумно; V д<ействие>, 2 сц<ена> — изба I д<ействия>. — Из крестьянской жизни. Что есть человек? Человек есть скотина беспастушная, самая озорная, и еще — человек это — слякоть, и еще — крот слепой, раздавленный, из тьмы от боли на небо вопиющий к Богу безответно.

<...>

Тургенев, Иван Сергеевич (1818–1883). *Нахлебник*, ком<едия> в 2 д<ействиях> (1848). — Мужчин 10, женщин — 3. — I д<ействие> — зала в доме богатого помещика. II д<ействие> — гостиная. — Из крепостной помещичьей жизни. — Не от подлости своей и мерзавства бывает человек подлецом, а скуки ради и от нечего делать. Неизъяснимую жалость вызывает пьеса к терпению человека, над которым другой человек мудрствует. — Действие происходит в доме богатого русского помещика. Обстановка комнат и внешность действующих лиц подробно описаны автором. Написано одновременно с первыми рассказами «Записок охотника». В драматическом смысле довольно элементарно, но вполне выпукло. Как и в «Записках охотника», образы буйного помещика, пьяных прихлебателей, бедного и благородного дворянина, героя драмы, — символ крепостной России, давившей не только крестьянство, но и дворянство, когда оно равнялось ему по бедности и обездоленности. Драматическое напряжение пьесы — в сцене издевательства над «нахлебником» [Репертуар 1919, с. 23, 24, 26–28].

В информативных сведениях для сборника Ремизов, выходя за рамки жесткой структуры жанра аннотации, сумел дать некоторые дополнительные сведения по истории постановок своих произведений, что значимо для изучения их сценической судьбы. Писателю также удалось в краткой форме сформулировать ряд собственных трактовок авторских концепций аннотируемых пьес.

«Бесовское действо» и «Трагедия о Иуде принце Искаротском» были изданы в серии «Репертуар: Русский театр» (№№ 11, 126) [Ремизов 1919–1, Ремизов 1919–2]. В РГАЛИ сохранилась наборная рукопись «Бесовского действа», смонтированная из печатного текста публикации пьесы в Собрании сочинений издательства «Шиповник» с рукописными авторскими исправлениями и дополнениями³. На обложке имеются пометы А.А. Блока о разрешении на публикацию и о времени выхода издания: «В печать / Ал. Блок / Русский театр / [№ 11] / Алексей Ремизов» и «Петербург / 1919 <зачеркнуто: 1918 >»⁴. В статье «Театр Ремизова» (1920) Л. Лунц писал: «Если революция

не породила еще (пока, будем надеяться) нового репертуара, то в области старого есть всё же некоторые пьесы, могущие сойти за суррогат нового театра. В России за последних два десятка лет появился ряд пьес, ломающих незыблемые принципы дедовских законов, идущих вразрез с традициями общепризнанного театра. <...> Почему же в программах театров вы не встретите даже напоминаний о “Балаганчике” Блока или о “Русалиях” Ремизова. Последние, кстати сказать, переизданы недавно Театральным отделом Наркомпроса, так что отпадают и ссылки на книжный голод» [Лунц 2007, с. 368]. Надо отметить, что критик ошибался: в годы революции ремизовские «русалии» ставились в ряде экспериментальных театров-студий, в Москве и Костроме.

Среди прочих занятий Ремизова в ТОО Наркомпроса были также обязанности по рецензированию многочисленных драматических произведений, претендовавших на включение в репертуар театров новой эпохи. В Протоколе Бюро Репертуарной секции от 13 ноября 1918 г. было зафиксировано: «Считать А.М. Ремизова заведующим Отделом рецензий на современные пьесы»⁵. В настоящее время удалось выявить только часть его рецензий; о существовании других сохранились косвенные сведения, но сами тексты не обнаружены. Они еще могут быть найдены в материалах многочисленных конкурсов пьес тех лет, в архивах театров революционного периода и в личных архивах участников театрального процесса той поры. Если говорить о ремизовской рецензии как о виде писательского творчества, то прежде всего надо отметить ее неизменно отточенную художественную форму. Ремизов создавал своего рода миниатюры, находящиеся на грани литературы и критики. В них аналитическое изложение содержания сочеталось с изложенными, на первый взгляд *à propos de*, высказываниями автора по теории театра и «по практике» окружающей его жизни — бытия, перевернутого революцией. В этом плане показательна рецензия Ремизова 1919 г. на пьесу «Так сказать»:

«Так сказать»

***В. Леснов (псевдоним). Из недавнего прошлого,
пьеса в 4-х действиях из времен Керенского***

Константин Иванович Нашатырев, чиновник-большевик — прекрасный благородный человек.

И Иосиф Антонович Самов, шкипер дальнего плавания, тоже прекрасный благородный человек — днем, разоружая рабочих, арестовал он матроса, а вечером, защищая Нашатырева, застреленный, умирает.

Но и Гади Ахметович Холилов, офицер дикой дивизии, тоже прекрасный благородный человек — он однажды стрелял в Нашатырева, а когда матросы, приняв Нашатырева за шпиона, приговорили его к расстрелу, освобождает его.

И это очень хорошо — в этом большая правда: и большевик, и шкипер, и дикая дивизия — все страдают и всем один отпуск. По-другому представить дику дивизию,

скажем, благороднейшей, а большевика извергом, значит, обездушить и обезножить действующих лиц.

Для публициста или агитатора всё дозволено: он волен очернить что угодно, втоптать в грязь кого угодно; для художника же есть цепи, и эти цепи тянутся оттуда — как Лестница Иоакова, и всё что есть, от звезды до тифозной бациллы осенено «да будет» и равно: близкий пучинный дух и воздушный демон, чистейший подснежник и Ванька Каин.

Автор это чувствует, и в этом правда его пьесы.

Пьеса современная — из времен Керенского.

Современность влечет как запретное, или как то, чего нет, как для пьющего вино, для курильщика папираса, для аскета женщина, для воина дом, для грешницы непорочность.

Современность остра и горяча, как печка, когда она готова, чтобы печь хлебы.

Изобразить современность — или надо иступление растерзанного сердца или осеменение — небесный дар Богоявления, Духов день.

Есть и третье — рисунок с натуры из виденного и испытанного — беллетристический документ для будущего историка.

К этому третьему принадлежит пьеса — разговоры нам напоминают газету, слухи, пересуды.

Автор понятлив и приметлив.

Последнее действие в Смольном. Всё действие в речи Константина Ивановича. Речь подлинная с обязательным «так сказать». «Так сказать» агитаторское закреплено, а того кита, как «смогу» — самого характерного для времени Керенского («могу» — это мощь, сила, а «смогу» — бессилие) не замечено.

Построена пьеса внешне: есть убийство, есть окопы, матросы, Смольный, но такой драматизм только кулисный.

Только там, где чувствуется рок, только там не видишь ни кулис, ни напряженного актера, а только душу, которая страдает.

Пьесу следует сохранить, как беллетристический документ развязки великой мировой войны 1914–1918 г.⁶

Рецензируя художественно-беспомощное творение автора-агитатора, Ремизов рассмотрел его культурологическое значение как «беллетристического документа» эпохи. В то же время, используя сжатые возможности мини-жанра, он проанализировал драматический конфликт пьесы — возникший и преодоленный антагонизм между «прекрасными благородными» людьми, в революционное время оказавшимися по разные стороны баррикады. Это позволило писателю сделать вывод об актуальной художественной задаче творца — пробудить в читателе, зрителе духовное начало, которое одно способно победить социальную и политическую поляризованность русского общества лет революции. Тем самым Ремизов утверждал приоритет не социального, а нравственного критерия в отображении современности: «Представить дикую дивизию, скажем, благороднейшей, а большевика из-

вергом, значит, обездушить и обезножить действующих лиц. <...> для художника <...> есть цепи, и эти цепи тянутся оттуда — как Лествица Иоакова, и всё что есть, от звезды до тифозной бациллы осенено “да будет” <...> Автор это чувствует, и в этом правда его пьесы».

Обобщением многолетней деятельности Ремизова как пропагандиста, переводчика и создателя репертуара нового театра стала книга «Крашенные рыла» (подготовлена к печати в России в 1921 г., опубликована в Берлине) [Ремизов 1922]. В ней писатель теоретически осмыслил вопрос, каким должен быть современный театр и каким должен стать его репертуар, чтобы он был адекватным выражением голоса «взвихренных» революцией народных масс. Книга была сформирована на основе части многочисленных ремизовских рецензий на пьесы, поступающие в ТЕО Наркомпроса, а также на базе его теоретических статей о театре, разноплановых публикаций в прессе и эссе о бытийном смысле современности.

Центральное место в книге «Крашенные рыла» занимает та же проблема, которая выделена как главная в книге Р. Роллана и в предисловии к ней Вяч. Иванова, — вопрос о современном народном театре и грядущем всенародном искусстве. В значительном количестве рецензий на пьесы текущего репертуара Ремизов отмечал так или иначе проявляющееся в них хоровое начало, знаменующее чаемое торжество формы театра будущего — хорового («соборного») действия — «русалии».

Лейтмотивной темой книги стала тема движения современного театра к мистерии, опирающейся на воплощение мифа еще античным театром, и конкретно трагедией, и утверждение роли «хора» = гласа народа как эстетического «ключа» к пониманию и воспроизведению происходящего в России. Так, в теоретической статье «Рабкресреп — рабоче-крестьянский репертуар — 1919» писатель рассматривал античную трагедию как один из главных истоков «театра площадей и дубрав» — забытого прошлого и чаемого будущего, т.е. народного театра. Его Ремизов разделил на «театр борьбы и мечты», т.е. социальную драму, и «большое всенародное действо с душой, устремленной к вечному, религиозное, безумное», т.е. мистику. Именно ее Ремизов назвал «русалией» и так определил ее жанровую структуру, характер драматического конфликта и тип главного героя:

Начинается музыкой — симфония:

устремленность в себя, действие моего я на мое я, издействие —

я — я

Затем трагедия, страсти:

действие Рока на мое я —

А — я

Действующие лица — цари, т.е. достигшие внешних удобств жизни, не связанные внешним. Гармония их жизни — условие для выявления глубочайшей роковой беды жизни самой по себе; все блага, из-за которых идет борьба среди

людей, достигнуты, и вот открывается недостижимое, безборное, только борю-
щее, роковое.

Вечное к вечному.

Хор старцев.

Античная трагедия, Шекспир.

И третье, действие моего я на Рок:

я — А

начало сказочное — балет.

Балетом и заканчивается Русалия [Ремизов 2016, с. 598].

Введение в русалию кольцевой музыкальной композиции обозначало ее мистериальную основу, поскольку переход дисгармонии в гармонию происходит в мистериях посредством музыки. По Ремизову, начало русалии — это разрушение гармонии, распадение единого «я» на антитетичные ипостаси. В этом заключена основа драматического конфликта, когда силы дисгармонии, символически обозначаемые понятием «Рока», деструктивно воздействуют на «я» героя. Ремизов обозначил героев русалии определением «цари», подразумевая персонажей, максимально абстрагированных от внешней причинности дисгармонии их бытия. Разрешение же конфликта заключено в моменте преображения личности — победе над силами внутренней деструкции («действие моего я на Рок») и восстановлении гармонии.

Работая в ТEO Наркомпроса и рецензируя многочисленные новые пьесы, Ремизов каждый раз подчеркивал наличие в них тех параметров, которые сближали их с мистериальным действием. Базисным элементом в движении современной драмы к «русалии» («мистерии») оказывался вводимый в пьесу «хор». Так, в статье-рецензии «Первое произведение. Гулевань», анализируя пьесу Вяч. Шишкова, Ремизов отмечал присутствие в ней этой основной, по его мнению, черты современной драмы:

Есть пьесы одинокие и таких многое множество, они как бы отгорожены от зрителя рвом и крепостью, и зритель никак не может подать голоса, зритель — заключенник темничный, а есть пьесы совсем открытые, и зритель свободен и голос его отличный выятен. // И это делает хор. // Только хор разворачивает сцену, выдвигая ее в зрительный зал и дальше — на площадь. // И только через хор зритель свободен и голос его выятен. // Хор, это поистине сокрушающий всякие стены и открывающий круг для большого действия. <...> Хоровое начало представлено у Шишкова в 1-ом акте <...> пьяный дякон выражает хор <...> // Голос дякона — голос хора. // Голос хора — голос зрителя. // Голос зрителя — глас народа. // <...> Пьяный дякон, представляя хоровое начало, выражает голос человека, ну, простого человека, по временам года располагающего днями и желаниями, голос немудреного грешного мира, меня и всех нас [Ремизов 2016, с. 601].

«Крашенные рыла́» — это не только теоретическая книга о направлении движения театра и драматургии. Она также представляет собой развитие историософских взглядов писателя на судьбу России и на происходящие в ней революционные перемены. Начиная с середины 1910-х гг., в произведениях Ремизова (и не только драматических) голос «хора» — это голос «народа».

Особое развитие и всестороннее использование эти идеи получили в художественной практике писателя периода 1914–1921 гг. Созданные в то время знаменитые «Слова» Ремизова, и самое известное из них — «Слово о гибели русской земли» (1917), становятся понятны в контексте не только политических, историософских, но и эстетических взглядов литератора. «Слово о гибели русской земли» — полифонический текст. О судьбе России горько, безнадежно, иногда яростно, иногда профетически воодушевленно говорили безымянные люди, древние книжники, современные писатели, их герои, пророки. Это был многоголосый хор, в котором голос автора был лишь одним из многих.

По Ремизову, в условиях революционной действительности задача театра — уловить и адекватно отобразить «хоровой» голос народа, прислушавшись к которому, только и можно понять судьбу России.

В «Крашенных рыла́х» одна из основных проблем современного русского театра для главного зрителя — народа — это избавление от всевозможных форм «а-ля-рюсс». В программной статье «Театр», основу которой составила дополненная одной из рецензий статья, так и не опубликованная в теоретическом сборнике ТЕО Наркомпроса, Ремизов манифестно объявляет свое *credo* — неприятие различных политических, идеологических, эстетических форм псевдонародности:

Мне всегда было неловко, когда барыня представляла кухарку, ударяя по словам забитым: — знаешь — знамо <...> — тапереча <...>

мне было всегда неловко, когда образованные люди, воспитанные на своей ложке, воротничках и ботинках, обряжались в черные косоворотки и высокие сапоги, чтобы представляться рабочими, при этом обязательно коверкали — магазин в мага́зин <...> офицеры в офице́ра <...> извините в извиняюсь;

мне было всегда неловко, когда я читал произведения русских писателей, прославленных за свои русские обороты, где всё было насыщено подбылинной и подпесенной слащавостью;

мне было всегда неловко, когда я смотрел пьесы для народа под народное: всякий знает, что это за калина-малина балалаешная; <...>

мне было всегда неловко оттого, что всё это неправда и неправда, подделывающаяся под горькую правду, и унижающая.

Та огромная часть русского народа, которая называется *народом*, люди простые, с детства не подвергшиеся никакой культурной ломке, и потому сохранившие крепкую связь с матерью-землей, говорят сплошь-да-рядом дурно <...> и кухарка — деревенская, греша грехом бессловесным <...> знала она слова и другие, прямо с куста взятые,

и говорила их, да барыня-то слышала только оборвыши и неправильности [Ремизов 2016, с. 561].

По Ремизову, при создании пьесы, в том числе и т.н. пьесы «для народа», основной задачей драматурга является написание ее «русским подлинным стилем», без «кабацкого камаря под звон серебряных каблучных подковок» [Ремизов 2016, с. 562].

Книга «Крашенные рыла» была создана на основе монтажного принципа и имеет внутренне продуманную художественную структуру. Это — целостное произведение, относящееся, пользуясь термином Д.С. Лихачева, к типу «жанра-ансамбля». «Крашенные рыла» открывают три философско-теоретические статьи («О человеке — звездах — и о свинье»; «Театр»; «Портянка Шекспира»). Далее следует цикл «Репертуар», в котором на конкретных примерах показывается реальное состояние современной драматургии, в которой только спорадически возникают отблески драматургии, соответствующей театру грядущего. Вслед за этим идет раздел «Мечты», состоящий из переработанной статьи 1903 г. «Новая драма» и статьи «Раб-кресеп», отражающей чаяния Ремизова о «новом театре» революционной эпохи. В нем «разыгрывается русалия — большое всенародной действо с душой, устремленной к вечному, религиозное, безумное» [Ремизов 2016, с. 598]. Затем следуют рецензии о современных драматургических произведениях. Далее — теоретический раздел «Стиль». Он посвящен проблеме необходимости обретения театром адекватного языка, на котором должно говорить главное действующее лицо мистерии, совершающейся в России, — народ. Потом следуют рецензии на современные драматические опусы. И, наконец, финал книги «Крашенные рыла» — странно не вписывающиеся в собственнотеатральную тематику произведения Ремизова: *три* рецензии на книги, в том числе на «Апофеоз беспочвенности» Льва Шестова, и одна статья-некролог под названием «*Три* могилы» (курсив мой — А.Г.), поминающая доктора Поггенполя и двух друзей писателя — революционера Ф. Щеколдина и философа Вас. Розанова. По какой причине эти статьи оказались включенными в «Крашенные рыла» и какова их функция в структуре книги? Прежде всего, они являются важным звеном в структурном построении произведения — замыкают композицию книги в кольцо. В начале книги в философском эссе «О человеке — звездах — и о свинье» постулировалось, что акт творчества влечет за собой бессмертие. Финалом книги стала статья-некролог о людях, своим духовным деланием преодолевших смерть.

Книга Ремизова имеет несколько уровней обобщения. Сформированная на основе теоретических статей и конкретных рецензий она является итогом многолетней и многогранной театральной деятельности литератора — необычным по форме «трактатом» о теории и практике современных театра и драматургии. Однако по своему внутреннему мета-сюжету книга посвящена главной теме творчества писателя этого времени — историософскому

осмыслению пути России, находящейся в стадии «страд» революционного времени. По Ремизову, итогом «мистерии» мирового масштаба, в которой главным действующим лицом — «страдающим богом» — является Россия, будет ее воскресение и преображение. В этом суть авторской концепции книги «Крашенные рыла» как целостного произведения, чей мета-сюжет имеет мистериальный характер. По форме (произведение ансамблевого типа) и по авторской концепции «Крашенные рыла» находятся в одном типологическом ряду с романом-коллажем «Взвихренная Русь».

В 1918–1921 гг. Ремизов участвовал в процессе «театрального Октября» не только как теоретик, театральный критик, рецензент, но и как драматург, ставя задачу применения на практике утверждаемых им принципов создания драматических произведений для народного театра. Его творческая работа шла по двум направлениям: создание пьес «театра будущего» — мистерий и пьес «театра настоящего», использующих формы классического народного театра — «народной драмы». Пьесы Ремизова основывались на «чужих текстах» — источниках как литературных (апокриф, лубочная сказка), так и фольклорных (народные песни и драма). К этим произведениям относится его драма «Царь Максимилиан» и ряд неизданных произведений. В архиве автора сохранились автографы экспериментальных драматических текстов: «Стенька Разин», «Храбрый витезь Бова Королевич», «Соломон и Китоврас» [Ремизов 2016, с. 653–674].

Одной из характерных особенностей эпохи военного коммунизма было возникновение театров революционного эксперимента. Среди направлений эстетических поисков режиссеров-экспериментаторов было обращение к пьесам «из народной жизни», а также к пьесам, написанным на основе популярных в народе жанров фольклора или массовой литературы. Среди прочих в Бюро Репертуарной секции ТЕО Наркомпроса поступила пьеса С.И. Антимонova «Бова Королевич», созданная на сюжет популярной лубочной сказки. Бюро назначило ее рецензентом А.М. Ремизова. Сохранилось сопроводительное письмо на бланке Бюро ТЕО от 22 июня 1918 г.: «Алексею Михайловичу Ремизову / Бюро препровождая вам при сем пьесу С. Антимонova “Бова Королевич”, просит вас дать о ней свой письменный отзыв»⁷. Рецензия Ремизова на произведение Антимонova не сохранилась. Известно лишь то, что в итоге пьеса была одобрена Бюро и рекомендована для постановки в народных театрах. Однако знакомство с созданным в духе «а-ля-рюс» драматическим опусом дало Ремизову творческий толчок для создания своей пьесы «Храбрый витезь Бова Королевич». В тексте, оставшемся в архиве писателя, веселый фарс соединялся со скрытыми, изложенными эзоповым языком темами красного террора и эмиграции из страны, где власти подавляют инакомыслие. Приведем конец 2-го действия пьесы:

Автор Не беспокойтесь господа! Бывает и невинные, а бегают: Кобелян-то убежал к Бове!

Крики: Да здравствует Бова, король Антонский!

Приятель А я не согласен.

Автор Кричите громче! Ну, пойдем, от греха, чай пить, еще в чем обвинят! [Ремизов 2016, с. 661].

Излишне комментировать, что вопрос о «чаепитии» воскрешал в уме «проницательного» зрителя известный афоризм героя Ф.М. Достоевского: «Революция или чай пить», неоднократно использовавшийся Ремизовым в прозе революционных лет в качестве доказательства права личности на собственную позицию. Эта же тема была сквозной в также оставшейся только в архиве мистерии Ремизова о мировом мироустройстве «Соломон и Китоврас» [Ремизов 2016, с. 663–675]. Писатель создал действо об эзотерическом смысле революции не для чтения, а для сценического воплощения в «театре площадей и дубрав», одной из ипостасей которого был цирк. Об его интересе к этой форме зрелищного искусства свидетельствуют следующие документы, сохранившиеся в архиве Ремизова:

1)15/XI–1919 г.

№ 8018

Копия

Вх. № 112 от 19/XII–1919 г.

В Союз Драматических и музыкальных писателей

Ф.К. Сологубу / А. Блоку / А Ремизову

Секция цирка при Центротeatре просит Вас прислать пантомимы, сцены и клоунады для постановки в Московских Государственных Цирках.

Заведующий Секцией Цирка

[подпись]

Секретарь

[подпись]

М.п. С подлинным верно.⁸

2)

<Записка>

т<оварищу> Мильтон

Окажите внимание и свободное место в цирке писателю Алексею Михайловичу Ремизову из отдела театра и зрелищ. Интересуется жизнью артистов цирка для описания.

Место рекомендуют и просят

Клоуны Боба — Лион⁹.

В сезон 1919–1920 гг. в Народном Доме был открыт Театр народной комедии. По воспоминаниям С. Радлова, отделом театра и зрелищ «был организован маленький закрытый конкурс на сценарии маленьких одноактных пьесок, рассчитанных на искусство <...> цирковых актеров <...> Были привлечены три автора с просьбой написать какие-то предварительные сценарии. Это были А. Ремизов, В.Н. Соловьев и С.Э. Радлов <...> Помню, что А. Ремизов написал какой-то шуточный рассказ, который цирковыми актерами понят не был» [Радлов 1994, с. 81–82]. Возможно, что мемуарист имел в

виду ремизовскую мистерию о Соломоне и Китоврасе, оставшуюся в памяти «профана» лишь «шуточным рассказом».

Из всех драматических произведений, созданных Ремизовым в 1918–1921 гг., была опубликована только переработка народной драмы «Царь Максимилиан» [Ремизов 1920]. Рукописи действ «Степан Разин», «Бова Королевич» и мистерии «Соломон и Китоврас» были увезены автором в Берлин, где начиналась судьба Ремизова-эмигранта. Там же была опубликована книга «Крашенные рыла», в которой была целостно представлена теоретико-практическая деятельность Ремизова в ТЕО Наркомпроса. К сожалению, место издания и минимальный тираж не позволили этой книге быть воспринятой практиками раннего советского театра, который в 1920-е гг. во многом шел по пути, намеченному не в последнюю очередь и Алексеем Ремизовым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Протокол Бюро Репертуарной Секции № 30 от 20 февраля 1919 г. // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 145–151об.

² Материалы Тео Наркомата по просвещению // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 2.

³ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 1. 97 л.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 23.

⁶ Там же. Л. 100–100об.

⁷ РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 7.

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 26.

⁹ Там же. Л. 25.

ЛИТЕРАТУРА

Веселовский 1883 — *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. VI–X / Прилож. к XLV т. Записок Имп. Академии Наук. № 1. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1883. 463 с.

Лунц 2007 — *Лунц Л.Н.* Литературное наследие / Предисл., сост., подгот. текстов, коммент. А.Л. Евстигнеевой. М.: Научный мир, 2007. 712 с.

Мейерхольд 1913 — *Мейерхольд В.* О театре. СПб.: Книгоизд. т-во, 1913. 208 с.

Радлов 1994 — *Радлов С.* Воспоминания о театре Народной комедии / Публ. П.В. Дмитриева // Минувшее: Историч. альманах. 16. М.–СПб.: Ateneum–Феникс, 1994. С. 80–101.

Ремизов 1904 — *Ремизов А.* Товарищество Новой Драмы. Письмо из Херсона // Весы. 1904. № 4. С. 36.

Ремизов 1915 — А.М. Ремизов о своей «Русалии» [Интервью] // Биржевые ведомости. 1915. № 14744, 25 марта. С. 4.

Ремизов 1919–1 — *Ремизов А.* Бесовское действо: Представление в 3-х д. с прологом и эпилогом. Пб.: Театр. отд. Нар. ком. по просвещению, 1919. 48 с.

Ремизов 1919–2 — *Ремизов А.* Трагедия о Иуде принце Искаротском: В 3-х д. (1908). Пб.–М.: Театр. отд. Нар. ком. по просвещению, 1919. 72 с.

Ремизов 1920 — *Ремизов А.* Царь Максимилиан. Театр Алексея Ремизова / По своду В.В. Бакрылова. Пб.: Алконост, 1920. 126 с.

Ремизов 1922 — *Ремизов А.* Крашенные рыла. Берлин: Грани. 1922. 138 с.

Ремизов 2003 — *Ремизов А.М.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10: Петербургский буерак / Подгот. текста и коммент. А.М. Грачевой. М.: Русская книга, 2003. 592 с.

Ремизов 2016 — *Ремизов А.М.* Собрание сочинений. Т. 12: Русалия / Подгот. текста и коммент. А.М. Грачевой. СПб.: Росток. 2016. 994 с.

Репертуар 1919 — Репертуар: Сб. материалов. Пг.–М: Изд. народного комиссариата по просвещению, 1919. 133 с.

Роллан 1919 — *Роллан Р.* Народный театр / Пер. И. Гольденберга; Предисл. Вяч. Иванова. Пг.–М.: Изд. Театр. Отд. Нар. ком. по просвещению, 1919. I–XIV, 134 с.

АЛЕКСАНДР БЛОК И ШКОЛА ЖУРНАЛИЗМА (ИЗ ХРОНИК РЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ)

Статья посвящена сотрудничеству А. Блока с Первой Всероссийской школой журнализма, созданной в Петрограде по инициативе П.М. Пильского в феврале–марте 1918 г. Кратко обрисован исторический фон, на котором разворачивалась деятельность данной институции, с обращением к регламентирующим документам новой власти, дневниковым свидетельствам и письмам современников революционной эпохи. Охарактеризованы личность организатора Школы, цели и задачи данной институции, а также состав относящихся к деятельности Школы материалов, сохранившихся в фонде Дома литераторов (Рукописный отдел ИРЛИ), часть из которых впервые вводится в научный оборот; приводятся малоизвестные мемуарные очерки Пильского, содержащие сведения об участии Блока в деятельности Школы не только как лектора, но и участника литературно-художественного вечера в Мариинском театре. Основной акцент сделан на мотивировке выбора темы лекции, прочитанной Блоком в Школе журнализма: от первоначального варианта — об Аполлоне Григорьеве — к окончательному: «Катилина. Страница из истории мировой Революции», в 1919 г. опубликованной отдельным изданием как очерк, проанализирована блоковская концепция «археологии революции». Кратко описаны пометы и маргиналии Блока на книгах из его личной библиотеки, послуживших источниками текста о «римском большевике» («Словарь классической древности» Ф. Любкера, драма Ибсена «Катилина» и др.). На материале записной книжки № 56 детально воссоздана хроника работы Блока над темой с обращением к культурно-биографическому контексту, в том числе к реалиям повседневной жизни.

The article deals with A. Blok's cooperation with the First Russian School of Journalism, established in Petrograd at the initiative of P. Pil'skiy in February–March 1918, a brief outline of the historical background on which deployed the activities of this instrumentality, the recourse to the regulatory documents of the new authorities, the activities testimonies and letters of the revolutionary age contemporaries. The identity of the school organizer, the aims and tasks of this instrumentality, as well as the composition of School-related materials surviving in the foundation of the House of Literary (IRLI, Manuscripts Department) are described, some of which are being introduced for the first time in scientific circulation. The obscure Pil'skiy's memoirs, which contain information on Blok's participation in the activities of the School not only as a lecturer but also as a participant in the literary and artistic evening at the Mariinsky Theatre. The main focus is on the rationale behind the choice of the theme of the lecture given by Blok at the School of Journalism: from the original case of Apollon Grigoriev to the final: "Catiline. A page from the history of the World Revolution", in 1919, published as an essay, analysed Blok's concept of "archaeology of the Revolution". A brief description is made of Blok's manures and marginalia in books from his personal library, which have been sources of the text about "Roman bolshevik" (the "Classical Antiquities Dictionary" by F. Lubker, Ibsen's drama "Catiline", etc.). The chronicle of Blok's work on the topic is recreated on the material of the notebook N 56 with a reference to the cultural and biographic context, including the realities of everyday life.

Ключевые слова: Блок, Пильский, журналистика, революция, интеллигенция, революционный романтизм, повседневность, Ибсен, Катилина, «римский большевик».

Keywords: Blok, Pil'skiy, journalism, revolution, intelligentsia, revolutionary romanticism, everyday life, Ibsen, Catiline, "Roman Bolshevik"

21 января 1918 г. Александр Блок получил предложение выступить с лекцией о русской литературе в создаваемой в Петрограде Школе журнализма. Содержание телефонного разговора кратко зафиксировано в записной книжке № 56: «Тел<ефон> от П. Пильского: предлагает через месяца 1½ прочесть на курсах журналистов (трехмесячных) лекцию о русск<ой> лит<е>ратуре» — А. Григ<орьев> — двухчасовую — 50–75 р<ублей> в 1 час»¹. По характеру записи видно, что в ходе разговора предмет лекции предварительно определился: Аполлон Григорьев. Жизнь этого «последнего романтика» стала для Блока символом «русской судьбы», а формула «наш современник», вынесенная в заглавие одной из статей [Княжнин 1914], могла мотивировать блоковский выбор данной темы как актуальной.

Приглашение исходило от либерального журналиста, критика, фельетониста, типичного представителя «массовой» беллетристики и буржуазной прессы Петра Мосеевича (Моисеевича) Пильского, обладавшего бойким пером и неутомимой энергией и как раз в это время занятого подбором участников для своего нового проекта. С Пильским Блок был знаком давно: в одном из его изданий — газете «Межа» — он даже опубликовал в 1908 г. стихотворение [Исмагулова 1999, с. 225]. Его имя упомянуто в записи от 1 января 1918 г., открывающей ту же записную книжку: «Новый год встретили с Любой, сочиняя ответ на анкету Пильского (отмена литературного наследства) — для “Вечернего часа”» [Блок 1965, с. 381; Иванова 2012, с. 181–183]. Блок, как известно, высказался за отмену права литературного наследования, декларируя отказ от чувства «всякой собственности» для художника, поглощенного «изысканием форм, способных выдержать напор прибывающей творческой энергии, а вовсе не сколачиваньем капитала...» [Блок 1936, с. 235]. Настроение духовного подъема и революционного романтизма, переживаемое Блоком в первый период после октябрьского переворота, программные публицистические выступления на страницах левоэсеровских изданий (левые эсеры на тот момент находились в политическом альянсе с большевиками), публичное одобрение политики новой власти — всё это ставило его в оппозицию к ближайшему литературному окружению. К середине января 1918 г. З. Гиппиус уже заносит его имя в составленный ею проскрипционный список коллаборантов, «интеллигентов-перебежчиков», правда, с некоторыми извиняющими характеристиками («поэт, “потерянное дитя”, внеобщественник») и комментариями: «Больше всех мне жаль Блока. Он какой-то совсем “невинный”, un innocent. Ему “там” отпустится... но не здесь. Мы не имеем права» (запись от 11 января) [Черные тетради 1992, с. 57–58]. Блок, всегда чутко реагировавший на изменение психологической атмосферы, чувствует нарастающее отчуждение, симптоматично поэтому появление

в его записи от 12 января афоризма римского комедиографа Плавта: «Nunc ego sum exclusissimus (Plaut<us>)»² [Блок 1965, с. 383]. 18 января — выход номера газеты «Эхо» с положительным ответом Блока на вопрос «Может ли интеллигенция работать с большевиками?», 19 января — «Знамя труда» со статьей «Интеллигенция и Революция», воспринятой как «бомба» [Блок 1965, с. 386], 21 января — обструкция на «утреннике» в Тенишевском зале (Блок не присутствовал, но подробно записал эпизод в пересказе Есенина), «предостерегающие» статьи, телефонные звонки... Параллельно — фиксация удручающих сторон повседневной жизни: холод, отсутствие трамваев, тревожные слухи, выстрелы на улицах, ночные дежурства во дворе («буржуев стеречь», «стеречь сон буржуев»)³, поездки за продуктами в ближайшие пригороды («...Люба в платочке уехала с Аннушкой в Сосновку — за провизией») и приметы надвигающегося кризиса: «Хлеба почти не дают» [Блок 1965, с. 383]. 26 января выходит декрет о новом календаре, предписывающий переход с 1 февраля на новое летоисчисление — григорианский календарь: за 31 января по юлианскому календарю (старый стиль) сразу следует 14 февраля по григорианскому (новый стиль). Этим объясняются некоторые хронологические «сбои» в эго-документах, в официальной документации, а также указание двойных дат (по старому и новому стилю) в ежедневной практике. 29 января Блок занесет в записную книжку сакраментальное: «Сегодня я — гений», зафиксировав таким образом завершение работы над «Двенадцатью»...

Петр Пильский в это время живет другими настроениями. Он — среди той достаточно многочисленной части интеллигенции, которая не верила в прочность власти большевиков, совершивших *coup d'état*, и занимала выжидательную позицию. Уже находясь в эмиграции, он будет вспоминать, как на рубеже 1917–1918 гг. группа литераторов в «нерадостном» настроении, но и без признаков «полного отчаяния», расположившись в квартире Власа Дорошевича на Петербургской стороне, вела разговор о том, «что век большевизма недолог»:

Дорошевич хмур:

— А что, если они все-таки пробудут не три месяца, а, например, три года?

Но разве это мыслимо? Этого просто не может быть.

— Вы, Влас Михайлович, пессимист [Трубников 1937].

Близко по настроению письмо от 4 января 1918 г. Б.М. Кустодиева, художника, вскоре ставшего вполне лояльным по отношению к новой власти: «Все и вся пребывают в каком-то непрерывном ожидании, что завтра это должно кончиться, наступает это завтра — ничего нет, тогда ждут еще завтрашнего дня и т. д. Тоска!» [Кустодиев 1967, с. 157]. Красноречиво свидетельство другого мемуариста, на этот раз представителя художественного авангарда — Юрия Анненкова, конгениального иллюстратора «Двенадца-

ти», сторонника «революции в искусстве», одного из создателей современного Gesamtkunstwerk'a — массового театрального зрелища «Взятие Зимнего дворца» на Дворцовой площади в Петрограде, автора портретной галереи вождей пролетариата. В отличие от Блока, «в первые бешенные годы революции» настроенного на музыку «мирового оркестра», себя он относил к аутсайдерам — к той части интеллигенции, что наблюдала за пароксизмами русской революции как за увлекательным спектаклем, зрелищем:

Всё страшное, что обрушилось вместе с ней на человеческую жизнь в потрясенной России, казалось нам эпизодом; захватывающим, трудным, может быть — необходимым, даже погибельным, но несмотря на это — не более чем эпизодом. <...> Мы не бились ни в рядах революции, ни в рядах ее противников. Но мы не были к ней равнодушны: каждое утро в ее первые годы мы ждали новых впечатлений. Мы были <...> «свидетелями истории» — впрочем, довольно поверхностными: мы смотрели и слушали, не всматриваясь и не вслушиваясь, как к тому призывал Блок. И мы стали против революции, лишь когда ее бессмысленная, позорная бесчеловечность сделалась для нас очевидностью. Или — в иных случаях — когда революция просто надоела нам, как может надоесть любое слишком затянувшееся зрелище [Анненков 1991, с. 72–73].

Отсюда — иллюзии и надежды, которыми были вдохновлены отдельные институциональные замыслы, в том числе и организация Школы журнализма. Консолидация сил интеллигенции, пытавшейся занять позицию «над схваткой», была оправдана самим моментом и преследовала гуманные цели, в том числе и возможность дополнительного заработка в обстановке нарастающего дефицита продуктов, топливного кризиса, инфляции. Среди интеллигенции росла безработица: закрывались учебные заведения, национализировались банки, промышленные предприятия, издательства, сфера медицинских услуг, не у дел оказались бывшие военные, министерские чиновники, конторские служащие, юристы. В лексикон недавно благополучных и обеспеченных граждан вошло тревожное слово «нужда»⁴. Инициатива Пильского исходила из признания важнейшего фактора — социальной мобильности интеллигенции в кризисную эпоху, ее готовности реализовать свой интеллектуальный потенциал. В то же время проект, ориентированный на подготовку журналистов нового типа, призванных работать уже в новой исторической формации, не имел под собой твердой основы. Ведь ее устроителям и прежде всего самому Пильскому были абсолютно неясны социальные перспективы происходящего, которые с необходимостью влекли за собой изменение структуры и конфигурации самого литературного поля. В практическом плане идея не имела будущего, поскольку жила инерцией прошлого. Приглашенные к участию в работе Школы журналисты разного ранга, литераторы, университетская профессура, организаторы типографского дела, специалисты по рекламе, сформировавшиеся в обстановке буржуазной конкуренции, привыкшие к широкому спектру печатного рынка, плюрализ-

му мнений и идей, и представить себе не могли той степени подавления свободы слова, какую продемонстрируют большевики в процессе установления государственной монополии на печать, включая торговлю печатной продукцией и ее распространение. Шла жесточайшая борьба за власть над умами и настроениями всех слоев населения. Обратимся к некоторым хроникальным свидетельствам и «человеческим документам» первых месяцев революции.

Уже 25 октября 1917 г., в первый день переворота, красногвардейцы заняли типографии петроградских газет «Русская воля» и «Биржевые ведомости». В ночь на 26 октября была закрыта газета «Наше общее дело», ее редактор В.Л. Бурцев арестован и препровожден в Петропавловскую крепость; утром прекратили выход «Новое время» (издатель Б.А. Суворин) и орган партии кадетов газета «Речь». 28 октября был приостановлен выпуск «Петроградского листка», издававшегося А.А. Измайловым (впоследствии газета меняла название, а с 30 ноября 1917 г. и вплоть до своего закрытия в августе 1918 г. выходила под названием «Петроградский голос»), однако уже 5 ноября в ней был опубликован гневный отклик редактора на большевистские акции, направленные против свободной печати. В статье «Распятое слово» высокий патетический слог и метафорика Голгофы соседствовала с реалистическими картинами расправы над инакомыслием:

Многострадальная печать <...> вынуждена была молчать, пригвожденная на кресте в обе длани солдатскими штыками. <...> Редакции не имели возможности помочь рассеянию слухов, предотвратить безумные расправы, двинуть пальцем в предупреждении ужасов. Даже социалистические газеты отбирали на улицах, перехватывали на заставах, жгли на кострах [Измайлов 2017, с. 25].

Наступление продолжалось. Декрет Совнаркома от 8 ноября о государственной монополии на объявления лишал газеты важнейшего источника финансовых средств. 18 ноября, согласно резолюции ВЦИК по вопросу о печати от 17 ноября 1917 г., состоялось массовое закрытие буржуазных газет. И если Измайлов всё же питал иллюзии на контрреволюционный реванш, то его московский корреспондент, писатель чеховского круга А.С. Лазарев-Грузинский стоял на позиции абсолютного скептицизма. Его эпистолярное высказывание — еще одно яркое свидетельство множественности идеологических оценок и психологических реакций интеллигенции на происходящее. «С удовольствием почитаю Вашу газету и одобряю Вашу борьбу по человечеству, — писал он Измайлову 22 ноября 1917 г. — Но скептицизм говорит мне про ее бесплодность и про то, что в конце всех концов нас затопчут в болото. “Будут дни великого смятения”, и те, кто уцелеет после одного, грустно споет нам, погибшим, реквием. Не вижу возможности русской интеллигенции уцелеть. Одно утешение: лет через пятьдесят она снова возродится. Только не жить уж в ту пору прекрасную ни мне, ни даже Вам, дорогой мой...» [Измайлов 2017, с. 26].

Новая власть в стремлении «до основанья» разрушить прежний жизненный уклад, подвергла регламентации и частную жизнь граждан. Так, официально были отменены рождественские и новогодние праздники, о чем, например, сокрушенно писал Измайлову тот же Лазарев-Грузинский 15 декабря 1917 г., свидетельствуя также и о наступающем «газетном» голоде:

Хотя, как я слышал (сам я газет не читаю), одним из декретов Рождество и Н<о-вый> год отменены, позвольте держаться старины и поздравить Вас с милым праздником Рождества и грядущим Н<овым> годом. Что пожелать в Н<овом> году? Когда-то желали мы друг другу нового счастья. Но это было во времена деспотии, монархии, Победоносцевых и Плеве и т. д. и т. д. Теперь в блаженные времена республики — каких свобод пожелаем друг другу... Чего? Разве: — Только не нового позора! <...> Почему я не читаю газет? Потому что с 8 по 20/XII бурж<уазные> газеты в Москве решили не выходить, а «социал-демократические» мне читать не хочется... [Измайлов 2017, с. 303].

27 декабря 1917 г. Совнарком принял декрет о печати, запрещавший выход оппозиционных новой власти изданий.

Новый 1918 год начался с очередных акций против оппозиционной прессы: 2 января в помещении главной конторы и редакции газеты партии правых эсеров «Воля народа» был произведен обыск, арестованы члены и сотрудники редакции — более 25 человек. 3 января закрыта меньшевистская газета «День», сотрудники редакции арестованы. Обстановку в Петрограде детально живописует еще один «человеческий документ» — письмо Измайлова от 1 января 1918 г., обращенное к В.В. Розанову в день его именин:

Дорогой Василий Васильевич, все эти дни мороз, голод, тьма, беспутие (заносы и прекращение трамв<айного> движ<ения>), ужасы бесправия изводили нас. <...> Душевно желаю Вам найти мир и spok<ойствие> для любимой работы, в чем можно найти единственное ныне утешение печали. Всё валится в бездну, всё изнемогло, что несло в себе искру благородства, мечты совершенства и просто вкуса. Никакой Дост<оевский> в «Бесах» не провидел всего нынешнего ужаса. Я не живу, а влачу существование. При деньгах — в доме холодно, голодно, темно (электр<ичество> не горит), на дело хожу пеш, огромные концы — вперед и назад. Измучился, изнемог, для себя не живу, своих почти не выдаю, своего — для души — дела не делаю, — газета берет всё, в награду ставя под риск каждодневного увоза в Смольный и посадки по арест [Измайлов 2017, с. 486].

Тяжелые предчувствия Измайлова оправдались: 6 января в результате устроенного красногвардейцами погрома в редакции и типографии газеты были разбиты и повреждены линоtypes, рассыпаны шрифты... 9 января 1918 г. газета «Наш век» сообщала: «6-го января в Петрограде можно было получить только большевистские газеты. Все остальные газеты до эсеровских включительно или совсем не попали в продажу, так как были захвачены

красногвардейцами в типографиях, или же, попав в продажу, отбирались у газетчиков на улицах и тут же разрывались или предавались сожжению»⁵. На полное уничтожение небольшевистской прессы была направлена политика национализации всей материально-технической базы печатного дела: издательств, типографий, а также ликвидация рынка бумаги и замена его государственным распределением. Но, как отмечают исследователи повседневной жизни революционного Петрограда, «овладеть полностью всеми 322 типографиями и типолитографиями города, сломить сопротивление оппозиционно настроенного профсоюза печатников, удалось только через год» [Петроград 2000, с. 305]. 17 января 1918 г. по инициативе В. Володарского (М.М. Гольдштейна) в Петрограде был сформирован Революционный трибунал по делам печати, решавший вопрос о закрытии изданий. Деятельность по борьбе с оппозиционной прессой Володарский продолжал координировать и позже, возглавив с 11 марта 1918 г. Комиссариат печати, пропаганды и агитации Петроградской трудовой коммуны, в апреле преобразованный в Комиссариат Союза коммун Северной области [Петроград 2000, с. 304]. Поначалу, наряду с репрессиями против буржуазных изданий, наметилась относительная «либерализация» ситуации (хотя уже в мае начались публичные процессы против ряда небольшевистских вечерних газет), что было вызвано колебаниями в оценке декрета о печати в среде большевиков и левых эсеров, составлявших на тот момент коалицию. «Коммунистические цензора очень быстро сообразили <...>, что надо бороться с “духом” газеты, с “подбором” фактов, с “тоном” отношения к новой власти. Можно было и порицать, но <...> без скрытой подоплеки: “мы” и “они”» [Изгоев 1991, с. 22]. Это был период некоторой неопределенности, временное ослабление идеологического прессинга. Именно на этот краткий «промежуток» и пришелся «звездный час» Школы журнализма.

Первоначально сама идея показалась Пильскому полностью оторванной от реальности. О своих сомнениях тех лет он напишет в мемуарном очерке 1923 г.: «Уже ходил по Петербургу язвительными шагами голод. Уже были большевики. Уже национализированы банки. Уже опустел университет. Сумасшествием было открыть эту Школу Журнализма... Для чего? Для любителей? Потому что какие же могли быть профессионалы в тот момент, когда все наши газеты последовательно, упрямо и зло закрывались?» [Пильский 1999–2, с. 354]. Школа журнализма была задумана как гуманитарно-образовательное заведение, работающее на коммерческой основе. Сетую на отсутствие специального образования у репортеров, фельетонистов, редакторов, корректоров и прочих газетных работников прошлого, Пильский справедливо полагал, что современное развитие журналистики и газетного дела как ее части, то есть масс-медиальной сферы, как сказали бы мы сейчас, требует образованных профессионалов, ориентирующихся в истории журналистики, всегда тесно связанной с общественно-политическими движениями, в психологии, экономике, современной политике, осведомленных в технологиях

типографского дела, рекламе, знакомых с зарубежным опытом. С этой целью для чтения курсов, циклов и отдельных лекций — в Школе читались лекции по 42 предметам — были приглашены видные ученые, профессора, преподаватели Петроградского университета: филолог-классик Ф.Ф. Зелинский, историк русской литературы С.А. Венгеров, германист Ф.А. Браун, славист Н.В. Ястребов, литературоведы А.К. Бороздин, К.А. Мочульский, библиограф Л.К. Ильинский, юрист Б.С. Миркин-Гецевич, этнограф В.Г. Тан-Богораз, курс театральной критики вел П.П. Гнедич, специальные курсы газетного дела — журналисты А. Бухов, А.В. Руманов, И.М. Розенфельд, три лекционных курса («О фельетоне», «О журнализме», «О французской печати») взял на себя пользовавшийся всероссийской известностью и популярностью журналист и фельетонист В.М. Дорошевич — именно ему Школа, по мнению ее организатора и директора, была обязана своим успехом.

Предприятие Пильского, помимо уже отмеченных характеристик, обладало еще одной приметой «современности»: оно удачно вписывалось в тот спектр образовательно-культурных инициатив, которые новая власть реализовывала под лозунгом «творчества масс». На этом фоне «буржуазное» по сути предприятие удачно мимикрировало под востребованный революционным временем тренд «овладения знаниями». Пильский приводит количество записавшихся слушателей: 111 человек. Современный исследователь, обратившийся к фонду Дома литераторов (ф. 98) в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), в составе которого сохранились документы, относящиеся к деятельности Первой Всероссийской школы журнализма, скорректировал эту цифру: «Первоначально в Школу записались более 130 человек, закончили ее только 110 слушателей. <...> Образование было платным, поэтому не все могли внести деньги за обучение. Первый взнос составлял 100 рублей. К 11 апреля 1918 г. слушатели должны были сделать второй взнос, но безработица и рост цен не позволили некоторым слушателям продолжить обучение...» [Недлин 2016, с. 82], были и другие веские причины, вынуждавшие в это катастрофическое время прервать обучение. Курс был трехмесячный в объеме 200 лекционных часов, занятия «через день от 4 ½ вечера до 9 ½ вечера», «плата за 3 месяца — 300 руб.», аттестатов об образовании не требовалось⁶. Автор цитируемой статьи на основе представленных в архиве анкет слушателей и списка выпускников 1918 года (а это был первый и единственный набор в Школу) приводит сведения по образовательному уровню слушателей (высшее образование — 26%, среднее — 54%, начальное — 3%), возрасту (средний возраст — 32 года), профессиональному составу; более того, ему удалось найти информацию о дальнейшей судьбе десяти выпускников Школы [Недлин 2016, с. 83–84], и за страницами официальных документов возникли силуэты конкретных людей: из наиболее известных — ученый-китаевед Б.А. Васильев, писатель А.Н. Новиков, скульптор-монументалист Ю.Н. Свирская...

В течение февраля 1918 г. прошел ряд организационных мероприятий. 25 февраля состоялось собрание профессоров и лекторов Школы: оно избрало Директорскую коллегия, куда, кроме самого П.М. Пильского, директора-учредителя, вошли С.А. Адрианов, Ф.А. Браун, Ф.Ф. Зелинский, В.Г. Тан-Богораз, А.В. Руманов, Б.Е. Шацкий⁷. Дискуссионным оказался первый вопрос повестки дня, касающийся содержательной части лекционной программы. На предложение приват-доцента Б.С. Миркина-Гецевича (псевд. Б. Мирский), специалиста по международному праву, ввести лекции, разъясняющие программы различных политических партий, Пильский, согласно протокольной записи, ответил несколько уклончиво, что свидетельствует о его стремлении придать предприятию политически нейтральный характер: «...в распоряжении Дирекции есть свободные часы, но трудно найти вполне объективного лектора, а приглашать представителей различных партий и тем вносить в Школу политическую страстность и диспуты было бы нежелательно»⁸. Мнения разделились, в результате было решено «выбрать лектора для этого предмета» из числа преподавателей Школы. Ставился вопрос об издании «Вестника Школы журнализма»⁹, что справедливо было сочтено преждевременным. Собрание утвердило проект расписания лекций, представленный секретарем Школы В.Н. Васильевой. В архиве сохранились варианты афиш с перечнем лекций, предлагаемых слушателям. На них в тематическом цикле под общим названием «История критики и публицистики» значится (под № 6) и лекция Блока. Это были так называемые приватные лекции, то есть не входившие в обязательный курс обучения, продолжительностью 2 часа каждая.

История критики и публицистики

- I. О Новикове и Радищеве — прив.-доц. Л.К. Ильинский
- II. Эпоха Белинского — проф. С.А. Венгеров
- III. О Герцене — прив.-доц. Л.К. Ильинский
- IV. Добролюбов — А.Г. Фомин
- V. О Писареве — Петр Пильский
- VI. Ап. Григорьев — Александр Блок
- VII. О Чернышевском — прив.-доц. Л.К. Ильинский
- VIII. Лавров и Михайловский — А.А. Гизетти
- IX. Достоевский как публицист — А.Л. Волынский
- X. Н.В. Шелгунов — А.А. Гизетти
- XI. Скабичевский — Протопопов — Евг. Соловьев — Петр Пильский
- XII. Публицистика <18>70 и <18>80-х годов — Н.П. Ашешов¹⁰.

Расписание и программа постоянно корректировались, в уже отпечатанные экземпляры афиш вносилась правка; так, на одном из этапов вышеприведенный цикл предполагалось изъять (текст зачеркнут), но в итоге он был восстановлен. В ходе работы над программой какие-то лекции добав-

лялись: появились лекции А.А. Измайлова «О Чехове», «Новейшая русская литература (После Чехова)» Пильского, «Романтизм как философско-литературное и общественно-политическое движение» проф. Брауна, «История и внешняя политика» Б.С. Миркина-Гецевича. Целый ряд лекций был посвящен собственно газетной тематике: «Редактор и газета» А.В. Амфитеатрова, «О репортере и газете» А.И. Куприна, «Экономика газетного хозяйства» И.И. Левина, «Искусство и техника рекламы в периодической печати» А.Г. Ратнера¹¹, «Эзопов язык» С.Б. Любошица и другие. В периодической печати регулярно публиковались пресс-релизы, отчасти рекламного характера. Так, 2 марта газета «Наш век» поместила сообщение об очередном этапе подготовки Школы к открытию, отдельной строкой шло упоминание об участии в работе Школы известного всей России «короля фельетона»: «В число лекторов школы вступил В.М. Дорошевич, который прочтет ряд лекций о журнализме, французской печати и о печати во время великой французской революции»¹².

10 марта (25 февраля ст. ст.) состоялось открытие Школы. Помещение арендовалось в старейшем, существовавшем с 1871 г., частном реальном училище Н.В. Богинского по адресу Невский проспект, 83, кв. 13. Со вступительным словом выступил основатель и директор Школы Петр Пильский. Профессором Ф.Ф. Зелинским была прочитана лекция «Этический момент в журнализме», лектор делал акцент на высоких нравственных принципах, которыми должен руководствоваться в своей деятельности журналист, несмотря на очевидное их попрание в современной жизни¹³. Согласно отчетам петроградских газет, на церемонии открытия Школы присутствовало много журналистов и слушателей. 12 марта должны были начаться занятия. А на воскресенье, 13 марта, была объявлена лекция Блока «Аполлон Григорьев».

Незадолго до открытия, 3 марта, Блок получил напоминание, вероятно, от секретаря Школы В.Н. Васильевой, о предстоящей лекции [Блок 1965, с. 392]. 4 марта он садится за работу: «Немного Григорьева» [Блок 1965, с. 393]. Однако постоянная загруженность текущими литературными и организационными делами, хроническая усталость, недоедание, растущая духовная изоляция не способствуют сосредоточенности: «<...> Одиночество. Что-то тяжелое делается. <...> Потеряна почва. <...> Безделье, возня с бумажками, злые и одинокие мысли. Бурная злоба и что-то особенно скребет на душе. <...> Но где же опять художник и его бесприютное дело?» [Блок 1965, с. 393–394]. 8 марта вновь «тел<ефон> от Пильского»¹⁴, можно предположить, что приглашал на открытие Школы, возможно, шла речь и о переносе лекции: в архивных материалах зафиксирована новая дата — 15 апреля¹⁵. 10 марта Блок отметил: «Открылась школа журналистов (речи Зелинского и Пильского)» [Блок 1965, с. 394]. В это время Блок дописывает предисловие к Вагнеру («Искусство и революция»), рецензирует пьесы, поданные на конкурс Островского, продолжает работу над стенограммами протоколов ЧСК и книгой «Последние дни императорской власти», которая 29 марта окончена «вчер-

не», заседает в Репертуарной секции при Театральном совете, тяжело реагирует на выпады прессы против его «большевизма» и «скифства», обдумывает литературные планы, редактирует, читает корректуры, отвечает на письма, принимает посетителей... Новости политики не радуют, бытовые неурядицы растут: по ночам гаснет электричество, реальной становится угроза квартирного уплотнения¹⁶, появляются записи: «нестерпимо холодно и — голодно» (13 марта). 14 марта: «Угрюмый день»; 18 марта: «Ужасный день. Бедный я» [Блок 1965, с. 395, 395–396]. Мысли о бесчеловечности политики, о ее равнодушии к судьбам людей оформляются со ссылкой на Стриндберга: «В то время как жестокая, реальная политика воплощается неуклонно, в разных местах мира хиреют, устают, умирают, гибнут “простые” и “непростые” люди (Стриндберг)» [Блок 1965, с. 395]. 24 марта среди реалий текущего дня Блок фиксирует: «В 2 часа дня Дорошевич читает на курс<ах> журн<ализма> (Невск<ий>83) лекцию о журналистах франц<узской> революции», и помета на полях: «не пойду я»¹⁷. Вечером этого дня пришло известие о смерти Ангелины, единокровной сестры Блока.

6 апреля звонок от Пильского. Скупая карандашная запись телефонного сообщения сопровождается эмоциональной пометой — жестом на грани срыва, и графика отражает эту нервную напряженность:

Тел<ефон> от Пильского (напом<инает> об Ап.
Григорьеве)
/
нет,
нет,
нет,
не могу,
не мучайте.

Голоден я¹⁸.

Перенесенная на 15 апреля лекция Блока была заменена выступлением В. Дорошевича на тему «Французская газета»¹⁹. Но мысли о «последнем романтике» не пропали втуне. Они нашли воплощение в небольшом очерке «Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве» (авторская датировка: «Весна 1918»). Это, если угодно, откровенный самоотчет о творческой неудаче и искренняя попытка найти ей психологическое объяснение, с апелляцией среди прочего и к Zeitgeist — «духу времени»:

Я должен был прочесть лекцию о критике сороковых годов Аполлоне Григорьеве, которым я много занимался несколько лет назад.

Попробовав сызнава войти в богатое царство его мыслей и в его несравненную эпоху, я почувствовал вдруг, что не сумею этого сделать. Наше время не вмещает сороковых годов, их нет «в воздухе». Наше время отличается тем, что оно выталкивает

из себя все чужеродное, торопя нас к другим далям. Когда писатель «не звучит», когда его пафос не таков, как наш, у нас нет сейчас времени входить в какие бы то ни было детали, касающиеся этого писателя.

У нас нет времени в этот крылатый и грозный час истории тревожить чей-либо мирный прах, подымать археологическую и книжную пыль. Все мы в эту роковую минуту истории должны быть в постоянном стремлении и порыве [Блок 1962–2, с. 26].

Такого писателя и такого персонажа, чей пафос был бы созвучен «духу времени», Блок наконец находит. Это Генрик Ибсен и его герой, мятежник и бунтарь Катилина, возглавивший в 62 г. до н.э. государственный заговор против римского нобилитета, — образ, вдохновивший в эпоху европейских революций середины XIX в. молодого норвежского драматурга на создание одноименной исторической драмы (1850). К новой теме Блок, как часто у него бывало, пришел движимый ассоциативной логикой творческого процесса. 18 апреля 1918 г. отмечено окончание работы над «Предисловием» к оставшейся незавершенной книге итальянских впечатлений «Молнии искусства» (в записной книжке за этот день помета: «Безмолвный день (трубка снята; Италия. “Последние дни старого режима”»)» [Блок 1965, с. 401]). К работе, начатой осенью 1909 г. почти сразу после путешествия по Италии, но отложенной, Блок ритмично возвращался на протяжении нескольких лет [Грякалова 2007]. Новые импульсы замысел получил в период, последовавший за Октябрьским переворотом, когда на оси исторических соответствий (ср. запись от 16 марта: «Ночью — синхронистические таблицы» [Блок 1965, с. 395]) оказались соотнесены гибель Римской империи в результате нашествия варваров и конец петербургского периода русской истории, первые века утверждения христианства и новая религия большевизма. Здесь развиваются или же звучат впервые риторические формулы и мотивы пореволюционной публицистики Блока: крушение гуманизма; гибель цивилизации; грядущие варвары, разрушающие ценности старого мира; тема возмездия и жертвенной гибели. Как и лирический образ художника-свидетеля, сквозь гул истории и романтическую борьбу с ней передающего «то живое», что «успел различить сквозь косное мелькание чужой и мертвой жизни» [Блок 1962–1, с. 451].

Блок лишь отчасти пойдет по пути исторических аналогий: тему Древнего Рима он превратит в сложную метафорическую конфигурацию, где историческое и антропологическое будут взаимосотнесены, а смена исторических эпох представлена через аффект и эксцесс — бунт, заговор, революцию, перверсию. Не случайно воспоминание о 63-м стихотворении Катулла в переводе Фета станет кульминационным моментом в развитии замысла и определит не просто композицию очерка о «римском большевике», но его нерв. Миф об Аттисе, захваченном оргийным культом богини Кибелы и оскотившем себя в припадке исступления, был переложен Катуллом «неровным», «скачущим» размером галлиамба, с которым у Блока ассоциировалось описание походки

Катилины («общее место», восходящее к Саллюстию) и его темперамент мятежника и бунтовщика. Катилина для Блока — архетип революционера, так же как Аттис, как Иисус Христос. «Художниками в блоковской парадигме являются Катулл, Ибсен и сам Блок. Все они откликаются революционному ветру своего века и преобразуются в нем» [Калб 2006, с. 138].

В записной книжке № 56 Блок пунктирно отмечает этапы развития замысла — с 22 апреля по 16 мая, сопровождая их попутными замечаниями, которые найдут сюжетное и мотивное развитие как в самом очерке, так и в дневниковых заметках и эпистолярной. В записи от 22 апреля первое упоминание «Катилины» сопровождается предварительным списком источников. Указания на источники находим и в рукописи, перечислим лишь основные: «Реальный словарь классической древности» Ф.Х. Любкера, «Малый энциклопедический словарь» издательства Брокгауза–Ефрона, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Очерк римской истории и источниковедения» (1899) немецкого историка Б. Низе, статья И. Бабста «О Саллюстии и его сочинениях» («ПроPILEI», кн. 1, 1851), исторические памятники — «О заговоре Катилины» Саллюстия, речи Цицерона против Катилины (так называемые Катилинарии) и, конечно, 1-й и 8-й тома Полного собрания сочинений Ибсена (в 1-м опубликована сама драма вместе с «Предисловием автора ко второму изданию», в 8-м — статьи, речи и письма драматурга, также входившие в круг блоковского внимания)²⁰. Почти все материалы имелись в библиотеке Блока, большинство из них содержат его пометы и маргиналии в виде подчеркивания отдельных строк, фраз, имен, дат, отчеркиваний фрагментов текста, порой всей страницы, мнемонических знаков на полях, в том числе NB; лексические маргиналии достаточно редки [Библиотека 1984–1986].

На время работы Блока над «Катилиной» приходится пик хлебного кризиса. К концу апреля ситуация с продовольствием в Петрограде становится критической. «Вот он “голод”. Выдают по 1/8 фунта хлеба на день. На рынках ничего нет...», — записывает 1 мая 1918 г. очевидец тех событий, улавливая признаки политического недовольства: «Многие уже предрекают, что пришли последние дни для большевиков» [Князев 1993, с. 52, 51]. В унисон этим настроениям звучит блоковская реплика о «лебединой песни революции». Приводим хронику работы Блока над лекцией (очерком) «Катилина». Записи Блока фиксируют не только фактическую сторону дела, но и эмоциональные подтоны, моменты сомнений, соматические реакции, раздражение и на этом фоне — поиски организующих концептов и ритма будущего текста.

22 апреля. «Катилина» Ибсена (Ибсен, I, VIII, Низе, Любкер, Ефрон — Катилина, Цицерон, Саллюстий). Вечером — весенняя прогулка. Какая-то бодрость.

23 апреля. Очень плохое состояние. Невозможность работать; сонливость...

24 апреля. Катилина (опять). Тема уж очень великолепна. Всё сызнава, несмотря на усталость.

25 апреля. Катилина. Какой близкий, ЗНАКОМЫЙ, печальный мир! И сразу — горечь падения. Как скучно, известно. Ну что ж, Христос придет. Катилина захотел нескучного, не пышного, не красивого, недостижимого. И это тоже скучно.

26 апреля. <...> Катилина — все-таки.

27 апреля. Катилина. Всё утро — тщетные попытки. Шорохи тети и рояль за стеной доводят почти до сумасшествия. Все двери заперты (как всю неделю). Днем — беспокойный сон старика. О, если б отдохнуть! — Вдруг к вечеру — осеняет (63-е стихотворение Ювенала <Катулла. — Н.Г.> — ключ ко всему!). Сразу легче.

28 апреля. Сверка статьи о последних днях... Катилина. — Голод. К вечеру — ясность опять — в сердце и в дом<е>.

29 апреля. «Катилина». Телефон от Пильского (я буду читать лекцию о Катилине — темы пока не назвал. Зовут читать на вечере в Народном доме — Куприн, Шаляпин).

30 апреля. Ни пищи, ни денег.

9 мая. <...> Телефон от Пильского (прошу поставить Любу на афише Народного дома — вечер будет в мае).

14 мая. <...> К вечеру — инфлуэнца.

15 мая.<...> «Катилина» — почти не могу. Нет, не могу, ломает и знобит.

16 мая. <...> «КАТИЛИНА» — весь день. Лебединая песня революции? Жар меньше.

19 мая. Лекция о Катилине на курсах журналистов (2–4 часа. Невский 83, кв. 13 — реальное училище Б<о>гинского). Были мама, Франц, Е.Ф. Книпович и несколько десятков неизвестных лиц [Блок 1965, с. 402–408].

Афиши и газетные анонсы Школы журнализма — единственные источники, где лекция Блока фигурирует под названием «Катилина. О темпераменте истинного революционера» [Литературная жизнь 2005, с. 192], оно вполне адекватно отражает авторскую интенцию и, по-видимому, было предложено самим Блоком.

Еще одна сфера деятельности под эгидой Школы, в которую оказался вовлечен Блок, — концерты и «вечера искусства», устраиваемые дирекцией с коммерческой целью («в пользу Школы журнализма»). Блок участвовал в подобной акции лишь однажды — 4 июня 1918 г., но протезировал Любови Дмитриевне (см. выше запись от 9 мая), в репертуар которой входило чтение со сцен театров, концертных залов и кабаре («Привала комедиантов», например) поэмы «Двенадцать» [Галанина 2009, с. 248–251]. Проведение «Вечера искусства» первоначально планировалось в Народном доме, но в итоге он состоялся в Мариинском театре. 28 мая Блок занес в записную книжку: «... Белая ночь. Меня пугают гигантские афиши с именами Шаляпина, Пильского, Куприна, Любы, меня, Амфитеатрова, которыми заклеена Офицерская» [Блок 1965, с. 409]. Такая афиша представлена и в архиве. Литературно-музыкальный вечер состоял из двух отделений:

Отделение 1

Слово «Об искусстве». Читает профессор Ф.Ф. Зелинский.

«Счастье». Рассказ читает автор — А.И. Куприн.

«О Руси». Стихотворение прочтет автор Александр Блок.

Сонаты Рубинштейна <D-dur>, оп. № 18.

Исп. профессор И. Пресс (виолончель) и С.О. Давыдова (рояль).

Отделение 2

«Уймись, волнения страсти», трио Глинки.

Исп. И. Пресс, С.О. Давыдова, Ф.И. Шаляпин.

«Вечернее письмо» прочтет автор Петр Пильский.

«Двенадцать» А. Блока прочтет г-жа Л.Д. Блок-Басаргина.

«Жисть» прочтет автор А.В. Амфитеатров.

Романсы. Исполнит Ф.И. Шаляпин. Аккомпанирует В.С. Маратов²¹.

После некоторых колебаний Блок все-таки решил выступить на вечере с чтением стихотворения (ср. запись от 4 июня, где последняя фраза приписана: «Вечер в [Нар<одном> Доме] Мар<иинском> театре (в пользу школы журнализма): Люба, я, Амфитеатров, Пильский, Куприн, Шаляпин, Зелинский. Я не буду. Нет, так читал, после Шаляпина и благополучно»²²). Это опровергает мемуарное свидетельство Пильского, согласно которому он собирался примирить Блока и Ф.Ф. Зелинского, отказывавшегося стоять в одной программе с автором кощунственной поэмы, но якобы «Блока на вечере не было» [Пильский 1999–1, с. 292–293]. На событие культурной жизни Петрограда прореагировала пресса [Литературная жизнь 2005, с. 207], а Блок на следующий день отметил: «Нас с Любой очень хвалит “Биржевка” за Мариинский театр (Коптяев)» [Блок 1965, с. 410], имея в виду статью в «Новых ведомостях», автор которой констатировал: «Стихотворение А. Блока “Двенадцать”, целую современную драму революции и развала, прочла г-жа Блок-Басаргина. В голосе — много тонов страсти, горечи, сарказма, отчаянья, страшных контрастов. То шепот, то крик, то описание, то вызов кому-то. Но вот он и сам (во втором отделении), — таинственный, оригинальный поэт, которого читает вся мыслящая Россия. “О Руси” прочел он, о бедной, страдавшей нашей родине» [Коптяев 1918, с. 8]²³. При посредничестве Пильского в августе 1918 г. было организовано выступление Л.Д. Блок с чтением «Двенадцати» в Летнем саду [Блок 1965, с. 420, 421]. В записных книжках Блока зафиксировано еще несколько телефонных звонков от Пильского, в том числе с «деловыми» предложениями прожектерского свойства (например, 20 июня: «Телефон от Пильского (предлагает 12000 в год за председательство в каком-то комитете)» [Блок 1965, с. 413]).

В Школе журнализма заканчивался сезон. 27 июня 1918 г. состоялось итоговое заседание Дирекционного комитета. С учетом уже имеющегося опыта были скорректированы направления деятельности в будущем: сле-

дующий набор должен был объявляться на сентябрь–ноябрь 1918 г., лекции, по разным причинам не состоявшиеся в прошедшем сезоне («Техника стиха и современные поэты» Ф. Сологуба, цикл Н.О. Лернера по истории русской прессы XIX века и др.), переносились на осень, предполагалось актуализировать тематику лекций и разработать цикл «Современные вопросы». Согласно имеющимся в архиве финансовым документам, никакой прибыли организаторам Школа не принесла, оказавшись не коммерческим, а по сути благотворительным предприятием [Недлин 2016, с. 81]. Галопирующая инфляция заставляла урезать лекторские гонорары: так, 11 мая Директорская коллегия рассматривала вопрос о необходимости снижения ставки до 25–35 руб. за час (первоначально расчет с лекторами шел по ставке 50–75 руб. за час, что было выше общепринятой в то время нормы в 25 руб. за час)²⁴.

Пошатнулась и благонадежность Школы. 9 мая 1918 г. в вечерней газете «Петроградское эхо», сотрудником которой являлся Петр Пильский, был опубликован его памфлет под названием «Смирительную рубаху!», где он сравнивал большевистских комиссаров с душевнобольными и предлагал, надев на них смирительные рубахи, изолировать в домах для буйно помещенных. В тот же день Пильский был арестован и отправлен в камеру при Революционном трибунале, затем переведен в Военную тюрьму, но через несколько дней выпущен на поруки до суда. Еще некоторое время пробыв в Петрограде, Пильский, не дожидаясь суда, 20 октября выехал в южном направлении — так началась его эмигрантская одиссея [Меймер 2000].

Лето 1918 г. не сулило никаких перспектив свободной журналистике. 20 июня в результате покушения был убит В. Володарский, инициатор репрессий в отношении оппозиционной прессы. 4 августа 1918 г. принят декрет СНК о закрытии всех буржуазных газет и аналогичное Постановление комиссариата Северной области по делам печати. Начиная складываться система однопартийной советской журналистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 12. В опубликованном тексте записных книжек фрагмент о гонораре отсутствует [Блок 1965, с. 385].

² Ныне я самый изгнанный (Плавт) (*лат.*).

³ Запись от 6 марта свидетельствует о диктуемом обстоятельствами неизбежном процессе приспособления к обыденным реалиям жизни: «От буржуев можно откупиться. В доме есть “безработные офицеры”, которым можно платить 12 рублей за ночь за дежурства» [Блок 1965, с. 393].

⁴ Обнищанию интеллигенции и ее люмпенизации были посвящены отдельные газетные заметки, например, в статье «Нужда среди интеллигенции» отмечалось: «Нужда среди наименее обеспеченных слоев интеллигенции достигает в настоящее время своего предела. Интеллигенция начинает “деклассироваться” <...>. Много офицеров поступает в дворники, сторожа, служители за 150–200 рублей в месяц» (Наш век. 1918. № 13, 19 янв.).

⁵ Наш век. 1918. № 5, 9 янв. 6 января Блок занес в записную книжку: «Большевики отобрали большую часть газет у толстой старухи на углу» [Блок 1965, с. 382].

⁶ РО ИРЛИ.Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 3.

⁷ РО ИРЛИ.Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 2.

⁸ РО ИРЛИ.Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 1, 2.

⁹ РО ИРЛИ.Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ В архиве сохранились два письма инженера-технолога А.Г. Ратнера от 16 и 23 мая 1918 г. с предложением прочитать курс лекций «Техника современной рекламы» (РО ИРЛИ.Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 41).

¹² Наш век. 1918. № 38, 2 марта. Особенно популярна была лекция Дорошевича, посвященная журналистике периода Французской революции: впервые прочитанная в Школе журнализма «с исключительным успехом», она была затем повторена в театре «Аквариум» на Каменноостровском пр., с ней он несколько раз выступал в Москве и других городах, демонстрируя при этом аудитории собственную коллекцию подлинных изданий той эпохи. Наиболее «ударные» моменты лекции были вынесены на афишу: «Великая Французская революция (ее журналисты): Камилл Демулен — Марат, “Друг народа”. Эбер — “пэр Дюшен”. — Капитан артиллерии Наполеон Буона-Партэ. Голод — Террор — Гражданская война. — Надежды на всемирную революцию. — Контрреволюционеры. — Энтузиаст революции — Фанатик террора — Шуты “Святой Гильотины”. — Революция и карьера» (РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 26). Автор одного из газетных отчетов фиксировал внимание на специфике подачи материала лектором: «Не в виде анализа причин и следствий, ученых выкладок и сухих рассуждений предстала перед многочисленными слушателями одна из замечательнейших эпох человеческой истории. В.М. Дорошевич развернул ее в форме блестящих картин, тонких характеристик, метких определений и живых образов. Поставив эпиграфом своей речи, казалось, незначительный факт — казнь парижской кухарки, В.М. Дорошевич сумел раскрыть и в малом весь характерный облик великой революции. Быть может, порою разгадывая черты не только определенного быта, но и революционности вообще. Многие из рассказанного знакомо по личному опыту и нам: и голод, и недовольство, и дороговизна, и хвосты, и террор с его законом “дрожать и заставлять дрожать”, и, наконец, безудержный поток слов, бурление бесчисленных речей, смешанных с кровью» (Наше слово. 1918. № 15). Заметка под названием «Лекция В.М. Дорошевича» не подписана, однако, согласно мемуарам Н.Д. Волкова, авторство принадлежало ему [Волков 1966, с. 26]. Ср.: «Он начинал с истории одной парижской кухарки, которая, узнав на рынке, что жалкая утка стоит 20 ливров, подняла истошный крик: “Черт бы вас всех взял со всей вашей революцией! Стоило делать революцию, чтобы умирать с голоду! При короле руанская утка — руанская! — стоила восемь ливров. Можно было даже ливр положить себе в карман. Вот постойте! Придут немцы и англичане, перевешают всех ваших якобинцев и наведут вам порядок”. Кухарку, разумеется, арестовали и отправили в Революционный трибунал, где приговорили к смертной казни <...>. Депутат Конвента Мазюе заявлял, что вступится “за эту женщину” <...>. Но пока дело решалось в Конвенте, а затем в Революционном трибунале, где защитник “прав человека и гражданина” цитировал Плутарха и Руссо, кухарку успели казнить» [Букчин 2010, с. 257]. Сюжет вполне в духе «микроистории» Карло Гинзбурга!

¹³ См. конспект лекции, записанный слушательницей Школы О. Закута (РО ИРЛИ.Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 3).

¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 29об.

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 25.

¹⁶ 1 марта 1918 г. Петросовет принял декрет «О вселении семейств красноармейцев и безработных рабочих в квартиры буржуазии и о нормировке жилищных помещений» (опубл.: Известия. 1918. № 38, 2 марта).

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 37об. Это была первая публичная лекция, какие по решению дирекции Школы журнализма стали устраиваться для привлечения публики и с коммерческими целями.

¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 45. Ср.: [Блок 1965, с. 398].

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 32.

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 213. Л. 1. Заметим, что очерк, вышедший отдельным изданием под названием «Катилина. Страница из истории мировой Революции» (Пб.: Алконост, 1919), первоначально писался как лекция, о чем свидетельствуют характерные обращения к аудитории и другие приемы устной речи, подвергшиеся правке при подготовке текста к печати. См. также: [Блок 2006].

²¹ РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 40. В программе неточность: стихотворение Блока называется «Русь» («Ты и во сне необычайна...»). Но, возможно, Блок читал и другие стихотворения (например, «Россия»), см. примеч. 22.

²² РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 77об.

²³ Ср. еще один отзыв о «Вечере искусства» (подписан псевдонимом Немо): «...с одним из модернистских стихотворений Ал. Блока “Двенадцать” выступила с пафосом г-жа Блок-Басаргина. В нем немало жут<и> и остроты, чисто садического упоения, которые сближают его с родственным по настроению... танцем французских апашей. Г. Блок выступал и лично, с другими менее “мятежными” и даже “патриотическими” произведениями, посвященными опозоренной, униженной родине, но особенного успеха в публике не имел. Более посчастливилось в этом отношении “реал<ис>ту” А.И. Куприну, прочитавшему свою сказку “Счастье” и на *bis* современную фантазию, где не без сарказма описаны социалистические эксперименты, проделанные дикими племенами, после того, как в их стране поднялось восстание, вызванное голодом и поддержанное “бабьим бунтом”» (Новый вечерний час. 1918. № 81, 5 июня. С. 4).

²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 1.

ЛИТЕРАТУРА

Анненков 1991 — Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1991. 346 с.

Библиотека 1984–1986 — Библиотека А.А. Блока. Описание / Сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобова, С.Я. Вовина; под ред. К.П. Лукирской. Кн. 1–3. Л.: БАН, 1984–1986. 316; 416; 330 с.

Блок 1936 — Блок А. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8: Статьи. 1907–1921 / Вступ. ст. Д. Мирского. М.–Л.: Сов. писатель, 1936. 276 с.

Блок 1962–1 — Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5: Проза. 1903–1917 / Подгот. текстов и примеч. Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. 800 с.

Блок 1962–2 — Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6: Проза. 1918–1921 / Подгот. текстов Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской; Примеч. Г.А. Шабельской. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. 556 с.

Блок 1965 — Блок А. Записные книжки: 1901–1920 / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. В. Орлова. М.: Худ. лит., 1965. 663 с.

Блок 2006 — Блок А. Катилина / Сост. С.С. Лесневский, Б.Н. Романов. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 338 с.

Букчин 2010 — Букчин С. Влас Дорошевич: Судьба фельетониста. М.: Аграф, 2010. 704 с.

Волков 1966 — Волков Н.Д. Театральные вечера / Послел. А.В. Солодовникова. М.: Искусство, 1966. 478 с.

Галанина 2009 — Галанина Ю.Е. Любовь Дмитриевна Блок: Судьба и сцена. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 432 с.

Грякалова 2007 — *Грякалова Н.Ю.* Призрак Рима. Александр Блок после Италии: риторика желания и бунта // *Toronto Slavic Quarterly*. 2007. № 21. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/21/index21.shtml> (дата обращения: 10.07.2017).

Иванова 2012 — *Иванова Е.В.* Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. 608 с.

Изгоев 1991 — *Изгоев А.С.* Пять лет в Советской России: Обрывки воспоминаний и заметки // *Архив русской революции*. Т. 10. М.: Терра, 1991. С. 5–55.

Измайлов 2017 — *Измайлов А.А.* Переписка с современниками / Сост., вступ. ст. А.С. Александрова; Предисловия, подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 738 с.

Исмагулова 1999 — *Исмагулова Т.Д.* Критик Петр Пильский и поэт Александр Блок // *Труды Гос. музея истории Петербурга*. Вып. IV. СПб., 1999. С. 220–231.

Калб 2006 — *Калб Дж.Е.* Римский «большевик»: «Катилина» Александра Блока и русская революция // *Блок А. Катилина* / Сост. С.С. Лесневский, Б.Н. Романов. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 131–175.

Княжнин 1914 — *Княжнин Влад.* О нашем современнике — Аполлоне Александровиче Григорьеве (1822–1864–1914 гг.) // *Любовь к трем апельсинам*. 1914. № 4–5. С. 81–83.

Князев 1993 — *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. / Предисл., подгот. текста и примеч. А.В. Смолина // *Русское прошлое*. 1993. Кн. 4. С. 35–149.

Коптяев 1918 — *Коптяев А.* Концерт «Вечер искусства» // *Новые ведомости*. 1918. № 78, 5 июня. С. 8.

Кустодиев 1967 — *Кустодиев Б.М.* Письма. Статьи. Заметки. Интервью. Встречи и беседы с Кустодиевым. Воспоминания о художнике. Л.: Художник РСФСР, 1967. 440 с.

Литературная жизнь 2005 — *Литературная жизнь России 1920-х гг.: События. Отзывы современников. Библиография*. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград 1917–1918 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 766 с.

Меймре 2000 — *Меймре А.* Из Совдепии в чужеземную Россию: Бегство П.М. Пильского // *Новый исторический вестник*. 2000. № 2. С. 45–51.

Недлин 2016 — *Недлин Л.Я.* Из истории журналистского образования в России: Первая школа журнализма в Советской России (Петроград, 1918 г.) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2016. № 1 (35). С. 76–87.

Петроград 2000 — *Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и гражданской войны* / Отв. ред. В.А. Шишкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 350 с.

Пильский 1999–1 — *Пильский П.* Александр Блок // *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике*. Т. V. Рига: Даугава, 1999. С. 291–296.

Пильский 1999–2 — *Пильский П.* Литературные края // *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике*. Т. IV. Рига: Даугава, 1999. С. 354–364.

Трубников 1937 — *Трубников П.* [Пильский П.] Духовные предки большевизма // *Сегодня*. (Рига). 1937, 23 окт.

Черные тетради 1992 — «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Подгот. текста М.М. Павловой; предисл. и примеч. М.М. Павловой и Д.И. Зубарева // *Звенья: Ист. альм.* Вып. 2. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. С. 11–173.

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ХАРАКТЕРИСТИК
В «ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ» А.А. БЛОКА:
«ЦАРЬ, ИМПЕРАТРИЦА, ВЫРУБОВА, РАСПУТИН»
И «НЕДРУЖНЫЙ... СОВЕТ МИНИСТРОВ»***

В статье анализируются характеристики, данные представителям верховной власти (Николай II, императрица Александра Федоровна, фрейлина А.А. Вырубова, Г.Е. Распутин) и правительству в первой главе книги А.А. Блока «Последние дни императорской власти». Доказывается, что при создании образов своих персонажей Блок брал за основу показания последнего министра внутренних дел А.Д. Протопопова («Записка о Верховной власти»). Сопоставление текста Блока со стенограммами допросов, проведенных Чрезвычайной следственной комиссией в 1917 г., позволило выявить широкий круг источников, к которым Блок обращался при работе над книгой.

The article analyzes the characteristics given to the representatives of the Supreme power in Russia (Nicholas II, the Empress Alexandra Feodorovna, A.A. Vyubova, G.E. Rasputin) and to the Russian government in the first chapter of «The Last Days of Imperial Power» by A.A. Blok. The article proves that A.A. Blok based primarily on «The Note on the Supreme Power», written by the last Minister of Internal Affairs A. D. Protopopov. Comparison of the Blok's text with the interviews, conducted by Extraordinary Investigating Commission in 1917, allowed to identify the sources to which Block referred while working on the book.

Ключевые слова: А.А. Блок, «Последние дни императорской власти», Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, Николай II, императрица Александра Федоровна, фрейлина А.А. Вырубова, Г.Е. Распутин, А.Д. Протопопов.

Keywords: A.A. Blok, «The Last Days of Imperial Power», Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government of Russian Republic, Nicholas II of Russia, the Empress Alexandra Feodorovna, A. A. Vyubova, G. E. Rasputin, A. D. Protopopov.

Готовя к печати работу «Последние дни императорской власти», Блок обозначил себя не как автора, а как составителя, подчеркнув, что «вся деловая часть предлагаемой книжки основана на подлинных документах, в большинстве своем до сих пор не опубликованных и собранных учрежденной Временным Правительством Чрезвычайной Комиссией для расследования противозаконных по должности действий бывших министров» [Блок 1962, с. 187].

* Работа велась при поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 — нач. 1920-х)».

Первоначально планировалось, что очерк Блока, написанный как часть общего отчета Чрезвычайной следственной комиссии (далее — ЧСК) перед гражданским обществом, будет опубликован вместе с отчетами других сотрудников ЧСК и выйдет одновременно со стенограммами допросов и другими важными документами, собранными Комиссией¹. Однако грянула Октябрьская революция, Временное правительство было разогнано, а вскоре прекратилась и деятельность ЧСК. Публикация собранных ЧСК материалов отложилась на неопределенное время. Только в 1924–1927 гг. под редакцией П.Е. Щеголева вышла их часть: «стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии» [Падение, т. 1, с. 196].

Честно написанный по заданию председателя ЧСК отчет Блок выпустил сначала в журнальном варианте [Блок 1919; Блок 1922], а потом отдельной книгой как самостоятельное произведение [Блок 1921], но — в отрыве от источников, без какого-либо справочного аппарата и ссылок. Со временем сам очерк Блока начал восприниматься как первичный источник и в таковом качестве использоваться историками и мемуаристами. «Последние дни императорской власти» переиздавались неоднократно (см., напр. [Блок 2012]), но, насколько нам известно, ни разу не было предпринято системной попытки выявить те конкретные документы, которые Блок при написании отчета использовал, пересказывал, цитировал.

В рамках данной статьи с этой точки зрения будут разобраны портреты четырех представителей правящей верхушки: «Царь, императрица, Вырубова, Распутин» (в таком виде они фигурируют в вынесенном перед текстом главы «Состояние власти» содержания), а также характеристика работы Совета Министров в годы войны из той же первой главы. Выбор этих «объектов» исследования диктуется не только вынужденно ограниченным объемом публикации, но прежде всего тем, что, на наш взгляд, во всех названных характеристиках (при том, что каждая из них является результатом работы Блока с множеством стенограмм допросов) просматривается и один общий источник. Таковым, как мы постараемся доказать, является составленная последним царским министром внутренних дел А.Д. Протопоповым «Записка о Верховной власти» [Падение, т. 4, с. 8–18].

А.Д. Протопопова Чрезвычайная следственная комиссия допрашивала шесть раз, однако он вошел во вкус и пожелал, помимо устных, дать еще и письменные показания, над которыми с увлечением работал, сидя в Петропавловской крепости. Эти показания оказались весьма пространными (заняли в издании Щеголева почти половину тома 4). Интересующая нас «Записка...» является их малой частью; она поступила из камеры в распоряжение ЧСК 19 июня 1917 г.

Знакомство Блока с этим документом не вызывает сомнения. Ведь еще до начала работы над «Последними днями императорской власти» Блоку было поручено написать для общего отчета ЧСК главу о Протопопове. Блок, сна-

чала полагавший, что личность последнего министра внутренних дел слишком незначительна для монографического изучения, в конце концов этим заданием вдохновился². Очерк о Протопопове в итоге написан не был, но материалы Блок внимательно изучил (сделал даже наброски к очерку, составил план [Блок 2012, с. 286–289] и отвел рассказу о последнем министре как о «роковом» для царского режима человеку значительное место в финале первой главы³ [Блок 1962, с. 197–200]. Более того, при обсуждении предполагавшегося издания «Избранных стенографических отчетов допросов» [Блок 2012, с. 290–292] Блок настаивал на том, чтобы в этот ограниченный типографскими возможностями том были обязательно включены «все шесть допросов» Протопопова, а также все его «письменные показания», которые «совершенно необходимы» [Блок 2012, с. 290–291].

Нам хотелось бы показать, что Блок в первой главе «Последних дней императорской власти» следует композиции составленной Протопоповым «Записки...» и активно использует характеристики исторических лиц, данные Протопоповым. Естественно, протопоповской «Запиской о Верховной власти» Блок не ограничивается, а использует множество других источников, из которых также черпает материал для портретов своих «героев». Определение круга этих источников также входит в нашу задачу.

1.

Блок начинает главу «Состояние власти» с описания «болезни государственного тела России», а затем переходит к характеристикам представителей этого «государственного тела»: сверху донизу, от императора до ведущих министров. Порядок размещения материала наглядно представлен в содержании главы, составленном по традиции того времени и по аналогии с тем, как оформлялись стенограммы показаний в ЧСК:

Болезнь государственного тела России. — Царь, императрица, Вырубова, Распутин. — Великие князья. — Двор. — Кружки: Бадмаев, Андронников и Манасевич-Мануйлов. — Правые. — Правительство; Совет Министров; Штюмер, Трепов и Голицын. — Отношение правительства к Думе. — Гр. Игнатьев и Покровский. — Беляев. — Н. Маклаков и Белецкий. — Протопопов [Блок 1962, с. 188].

Выбранная Блоком последовательность изложения выглядит несколько странно, особенно в перечне имен второго подраздела: «Царь, императрица, Вырубова, Распутин». Естественно, что первым идет монарх. Но вот дальше... После монарха почему-то следует не Государственный Совет, не Совет министров, не Сенат или Синод, не Государственная дума, а супруга монарха, не представляющая никакого властного института. За ней, что еще более странно, — ее фрейлина и друг семьи. Однако эта кажущаяся на пер-

вый взгляд странной последовательность воспроизводит ту схему, что была предложена А.Д. Протопоповым в его «Записке о Верховной власти».

Именно Протопопов дает сначала характеристику «Государя», потом «Государыни», а за ними фрейлины А.А. Вырубовой и Г.Е. Распутина. После Распутина Протопопов ставит придворного обер-камергера Двора Его Императорского Величества Н.В. Воейкова и заканчивает подраздел общими замечаниями («Особая черта») о специфике жизни царской семьи [Падение, т. 4, с. 8–10]. Далее Протопопов рассказывает о «Маленьком домике А.А. Вырубовой» [Падение, т. 4, с. 9–10] и описывает «Исполнительную власть» во главе с Председателем Совета министров Б.В. Штюрмером [Падение, т. 4, с. 10–12]. В конце Протопопов переходит уже к личному: «Мое знакомство с Распутиным и назначение» [Падение, т. 4, с. 12–14].

Первый подраздел «Записки...» [Падение, т. 4, с. 8–9], включающий характеристики «Государя», «Государыни», А.А. Вырубовой и Г.Е. Распутина, объединен общей мыслью, сформулированной в подзаголовке: «Влияния, под которыми находилась Верховная власть» [Падение, т. 4, с. 8]. То есть Государыня влияла на Государя; подруга государыни Вырובה передавала ей пожелания различных влиятельных лиц, из которых наиболее влиятельным был Распутин.

Блок полностью повторил протопоповский порядок характеристик: Николай II, Александра Федоровна, ее фрейлина, Распутин (только характеристику Воейкова перенес в раздел «Двор», видимо, посчитав его слишком мелкой фигурой). Этот порядок должен был иллюстрировать тезис, завершающий характеристику Николая II: «<...> верховная власть <...> расплылась окончательно в руках Александры Федоровны и тех, кто стоял за нею» [Блок 1962, с. 198].

Более того, Блок позаимствовал у Протопопова и общую идею взглянуть на правящую верхушку сквозь призму «влияний» («<...> власть, раздираемая различными влияниями и лишенная воли, сама пришла к бездействию» [Блок 1962, с. 189], — таким заявлением-диагнозом Блок предварил конкретные характеристики), и конкретный прием: расположить материал в соответствии с силой «влияний» различных сил, структур и кругов на принятие решений государственной важности (например, на назначения министров).

Начав с буквального следования композиции «Записки...», Блок далее схему Протопопова развил и расширил. Однако большая часть внесенных Блоком дополнений укладывается в протопоповскую же схему обзора «влияний, под которыми находилась Верховная власть». Так, после характеристики Распутина Блок рассказывает о неудачных попытках Великих князей противостоять распутинскому вмешательству в политическую жизнь. В зависимости от отношения к Распутину оцениваются придворные. «Партия правых», которая, как отмечает Блок, «также разбилась на кружки, которые действовали путем записок и личных влияний» [Блок 1962, с. 192], рассматривается с той же точки зрения.

Особенно показателен в этом плане подраздел «Кружки...».

Протопопов выделяет в специальную часть «Записки...» «Маленький домик А.А. Вырубовой», отмечая:

Это помещение играло несомненно большую роль в истории последнего времени монархии. <...> В «домике» бывало очень много посетителей, некоторых звали, когда там бывала царица, царь или княжны. Бывал там часто и Распутин. Ехали туда с просьбами, личными, служебными, за рекомендацией и протекцией; там говорили то, что должно было быть переданным далее. <...> Некоторые сами шли, другие посылали своих близких — жен или детей; однако, положение без поддержки со стороны владелицы домика, царицы и Распутина было бы непрочным [Падение, т. 4, с. 9–10].

Блок расширяет тему, добавляя к источникам влияния на принятие решений кружки лекаря и бизнесмена П.А. Бадмаева, князя М.М. Андроникова и связанного с полицейским ведомством афериста И.Ф. Манасевича-Мануйлова:

Эта среда, как и среда правительственная, была аренной, на которой открывался широкий простор влияниям больших и малых кружков; оттуда летели записки, диктовались назначения, шла вся «большая политика»; наиболее видными кружками были кружки Бадмаева, кн. Андронникова и Манасевича-Мануйлова [Блок 1962, с. 192].

Далее Блок возвращается к протопоповской схеме, описывая, как и он, бездействие органов исполнительной власти, то есть правительства. Но Протопопов подробно останавливается лишь на портрете Председателя Совета министров Штюрмера, а Блок, как и раньше, расширяет схему, давая краткие характеристики еще целой галереи чиновников, скоропалительно назначаемых и увольняемых. Завершается глава «Состояние власти» рассуждениями о трагической роли Протопопова в российской истории. Рассказом о себе, о своем назначении на пост министра внутренних дел и вступлении во власть завершается и «Записка...» Протопопова, взятая Блоком за основу композиции первой главы своей книги.

2.

В главе «Состояние власти» Блок следует «Записке о Верховной власти» не только в логике расположения материала. Он также обильно заимствует у Протопопова материал для характеристик своих героев, порой ссылаясь на его показания, а порой и не ссылаясь. При сопоставлении портретов первой четверки самых влиятельных лиц государства и описания работы Совета министров это особенно бросается в глаза. Для наглядности представим характеристики, данные Протопоповым и Блоком, в виде таблицы:

А.Д. Протопопов Записка о Верховной власти	А.А. Блок Последние дни императорской власти (глава «Состояние власти»)
<i>Государь</i> — умный и расположенный делать добро, нервный, упрямый и переменчивый, очень изверившийся в людях <...> [Падение, т. 4, с. 8]. (Здесь и далее полужирным шрифтом выделено нами. — М.С.)	Император Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, <...> изверившийся в людях <...> [Блок 1962, с. 189].
<i>Государыня</i> — дополняла свою волею волю царя и направляла ее. Имела большое влияние. Твердый характер — нелегко сближалась с человеком, но полагаться на нее, по словам всех и моему впечатлению, было возможно, — раз расположение было приобретено <...> [Падение, т. 4, с. 8]. <i>Особая черта</i> — замкнутость в царской семье и большое мистическое настроение <...> [Падение, т. 4, с. 9]. <i>Распутин</i> <...> По словам царицы, он выучил ее верить и молиться богу; ставил на поклоны, внушал ей спокойствие и сон <...> [Падение, т. 4, с. 8].	Императрица, которую иные находили умной и блестящей, в сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердым характером, была всецело под влиянием Распутина <...> и того «большого мистического настроения» особого рода, которое, по словам Протопопова, охватило всю царскую семью и совершенно отделило ее от внешнего мира. Самолюбивая женщина, «относившаяся к России, как к провинции мало культурной» и совмещавшая с этим обожание Распутина, ставившего ее на поклоны <...> — действительно управляла Россией [Блок 1962, с. 189–190].
<i>Вырубова</i> — друг царицы, ее доверенный в течение многих лет несчастливой жизни. К Вырубовой и у царя была большая привычка и заботливое к ней отношение (часто всё же его сердила ненадолго своею простотою ума); фонограф слов и внушений и всецело Распутину преданная, послушная и покорная. Государственной мысли своей нет, механически передавала слышанное [Падение, т. 4, с. 8].	В «мистический круг» входила наивная, преданная и несчастливая подруга императрицы А.А. Вырубова, иногда сердившая⁴ царя «своею простотою ума», покорная Распутину, «фонограф его слов и внушений» (слова Протопопова). Ей, по ее словам, «вся Россия присылала всякие записки», которые она механически передавала по назначению [Блок 1962, с. 190].
<i>Распутин</i> — связь власти с миром. Доверенный толкователь происходящих движений, ценитель людей. Большое влияние на царя, громадное на царицу <...> [Падение, т. 4, с. 8].	«Связью власти с миром» и «ценителем людей» был Григорий Распутин <...> [Блок 1962, с. 190].
Недружный, друг другу недоверяющий совет министров, под председательством Штюмера был очень занят собраниями совета <...> — на работу по министерству не оказывалось времени. <...> Требовалось создание форм работы с общественными организациями, создание этих организаций, которые могли бы опираться на министерства <...> совет же министров остался позади жизни и стал как бы тормозом народному импульсу [Падение, т. 4, с. 10–11].	Правительство <...> возглавлялось «недружным, друг другу не доверяющим» Советом Министров; это учреждение перестало жить со времен П. А. Столыпина, последнего крупного деятеля самодержавия; с тех пор, оно постепенно превращалось, а при Штюмере фактически превратилось, в старый Комитет Министров, стоящий вне политики <...> Совет Министров, говорит Протопопов, остался позади жизни и стал как бы тормозом народному импульсу [Блок 1962, с. 193].

При сопоставлении двух текстов («Записки о Верховной власти» и главы «Состояние власти») обнаруживается большое число дословных цитат из Протопопова и еще большее — цитат косвенных. Обращает на себя внимание

и то, что цитаты из Протопопова оказываются у Блока, как правило, в самом начале характеристики, в первых строках. Это, думается, свидетельствует о том, что именно протопоповские «портреты» Блок брал за основу, а потом наращивал дополнительные детали, взятые из других материалов ЧСК.

3.

Добавления, сделанные Блоком к характеристикам Протопопова, очень существенны. Их выявление представляется важным для понимания метода блоковского письма и контекстов тех цитат, которые были Блоком использованы. Постараемся выявить те дополнительные источники, к которым в работе над первой главой обращался поэт. В рамках данной статьи ограничимся анализом лишь тех характеристик, что рассматривались ранее, снова пройдя их в той же последовательности, которую наметил Протопопов и перенял у него Блок.

Итак, галерея портретов начинается с Государя:

Император Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, <...> изверившийся в людях, задерганный и осторожный на словах, был уже **«сам себе не хозяин»**. Он перестал понимать положение и не делал отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь в руки тех, кого сам поставил у власти. Распутин говорил, что у него **«внутри недостает»**. <...> Став верховным главнокомандующим, император тем самым утратил свое центральное положение, и верховная власть <...> расплылась окончательно в руках Александры Федоровны и тех, кто стоял за нею [Блок 1962, с. 189].

Как уже было показано ранее, первый набор эпитетов («упрямый», «нервный», «изверившийся в людях») заимствован из «Записки о Верховной власти» Протопопова. Одна из последующих характеристик дается со ссылкой на слова Распутина: «Распутин говорил, что у него **“внутри недостает”**». Откуда же Блоку могли быть эти слова известны? Как выяснилось, из стенограммы показаний И.Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. его расспрашивали «о том, каково, по словам Распутина, было отношение к войне бывшего императора», и просили припомнить конкретное содержание какой-либо из «бесед с Распутиным». Выполняя эту просьбу, Манасевич-Мануйлов отвечал:

Он говорил, что когда жил в Сибири и когда была объявлена война, он был страшно удивлен, как царь решился на подобную вещь: «Я, — говорит, — был убежден, что в последнюю минуту он все-таки не решится». Тогда я ему говорю, что теперь, конечно, будут вести войну до конца. Он говорит: «Ты думаешь так? А разве на него можно надеяться? Он может изменить каждую минуту, он несчастный человек, у него **внутри недостает**». Вот его фраза [Падение, т. 2, с. 56].

Другая характеристика Николая II — «был уже **“сам себе не хозяин”**» — восходит к показаниям А.И. Гучкова, человека из совершенно противоположного лагеря (лидер партии октябристов, Председатель III Государственной Думы, во время войны — Председатель военно-промышленного комитета и один из инициаторов отречения царя). 2 августа 1917 г. он подробно рассказывал о том, как «поставил себе задачей <...> доводить до сведения государя все то, о чем другие не решаются говорить» [Падение, т. 6, с. 293]:

Вы меня простите, ваше величество, но я сделал своею специальностью говорить вам только тяжелые вещи. Я знаю, что вы окружены людьми, которые сообщают вам только приятное, так уж сохраните за мной эту монополию говорить вам только неприятное [Падение, т. 6, с. 293].

Гучков отмечал, что «государь довольно терпеливо, не показывая неудовольствия, выслушивал всё», что ему говорилось, но «никогда окончательного решения не постановлял, и, считая, по-видимому, что это только одностороннее освещение, искал связи в освещении с другой стороны». Гучков признавался, что у него были «некоторые надежды, правда, очень слабые, путем общения с верховной властью, убедить ее представителей и заставить их сделать те или другие шаги», однако «и эти надежды, конечно, потерпели полное крушение». В итоге Гучков пришел к выводу, «что позади государя стоит иная воля и иные влияния, **и он сам себе не хозяин**» [Падение, т. 6, с. 293].

Далее следует портрет императрицы, который также складывается из нескольких составляющих:

Императрица, которую иные находили умной и блестящей, в сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердым характером, **была всецело под влиянием Распутина, который звал ее Екатериной II**, и того «большого мистического настроения» особого рода, которое, по словам Протопопова, охватило всю царскую семью и совершенно отделило ее от внешнего мира. Самолюбивая женщина, **«относившаяся к России, как к провинции мало культурной»** и совмещавшая с этим обожание Распутина, ставившего ее на поклоны; женщина, воспитанная в английском духе и **молившаяся вместе с тем в «тайничках» Федоровского Собора**, — действительно управляла Россией. **«Едва ли можно сохранить самодержавие, — писал около нового года придворный историограф, генерал Дубенский, — слишком проявилась глубокая рознь русских интересов с интересами Александры Федоровны»** [Блок 1962, с. 189–190].

За основу, как и во всех других случаях, берутся характеристики из протопоповской «Записки о Верховной власти». Но вот, например, закавыченные слова об отношении императрицы «к России, как к провинции мало культурной», принадлежат либеральному министру земледелия (с ноября 1915 г. по июль 1916 г.), а в прошлом земскому деятелю А.Н. Наумову. Они — из

его горестного рассказа об одной из аудиенций у Александры Федоровны (во время допроса 4 апреля 1917 г.):

Это было в самом начале моего управления министерством. <...> я принял близко к сердцу, так сказать, обиделся за наших инструкторов. Мне показалось, что как будто императрица относилась снисходительно к нашим силам народным. Я хотел доказать, что среди наших сил народных найдутся лица, которые могут быть инструкторами. **Мне чувствовалось в тоне императрицы отношение к России — как к провинции мало культурной.** Так мне показалось. Я стал доказывать как только мог, но был принят очень холодно [Падение, т. 1, с. 360].

А на то, что императрица «самолюбива», указывал А.Н. Хвостов, один из предшественников Протопопова на посту министра внутренних дел (занимал эту должность с сентября 1915 г. по март 1916 г.). Стенограммой его допроса от 18 марта 1917 г. Блок при характеристике императрицы пользовался весьма активно. Именно на Хвостова государыня «производила впечатление очень умной и блестящей» [Падение, т. 1, с. 33], но лишь «до того момента, пока не касались вопроса религиозного...». Именно он красочно расписывал силу влияния на императрицу Распутина: «Относительно религиозного вопроса, мне кажется, у нее был какой-то гипноз или странность — с этим Распутиным... <...>. Религиозность была захвачена Распутиным — это был “пророк”, который явился с неба, который говорит... Это было беспрекословное повиновение. Мне кажется, она была под полным гипнозом» [Падение, т. 1, с. 34]. И Хвостов же рассказывал, что Распутин презирал Государя, а в Государыне видел новую Екатерину II:

Я должен сказать, что он относился в высшей степени презрительно к личности бывшего императора и очень одобрял бывшую императрицу, говорил, что она умница, что она — Екатерина II, и вообще страшно восхвалял ее... Он так относился к бывшему императору, что сычики становились втупик: им неудобно было записывать в листки, а между тем, они должны были записывать всё. Он его иначе не звал, как «папашка»: «Приезжаю я, говорит, в Царское, — вхожу: папашка сидит грустный... Я его глажу по голове и говорю: что грустишь? — Он говорит: — Все мерзавцы кругом! Сапог нет, ружей нет — наступать надо, а наступать нельзя!» [Падение, т. 1, с. 31].

К этой же теме Хвостов возвращался и в другой части допроса, рассказывая об идеологии и планах распутинского окружения:

Их знаменем была поддержка царского дома, — поддержка несколько однобокая: в лице Александры Федоровны... — Это было политическое знамя. Под этим знаменем каждый воровал и крал, сколько мог... <...> Их знаменем была поддержка единства России не в лице слабовольного человека, каким они считали, с точки зрения

Распутина, императора, а в лице будущей Екатерины II — Александры Федоровны... [Падение, т. 1, с. 33].

Любопытно, что на эту же тему, заинтересовавшую не только Блока, но и следователей ЧСК, попросили после Хвостова высказаться на допросе 10 апреля 1917 г. И.Ф. Манасевича-Мануйлова.

Мануйлов. — <...> Распутин <...> всё упирал на то, что царь негож.

Председатель. — Т.е. это в связи с той мыслью, что Александра Федоровна должна быть Екатериной II.

Мануйлов. — Несомненно, в тайниках души вопрос шел о регентше.

Председатель. — О низвержении Николая II и о регентстве Александры Федоровны?

Мануйлов. — Это чувствовалось. Он был очень ловкий человек и не договаривал [Падение, т. 2, с. 58].

Заключительные выводы Блока о характере императрицы строятся на дневниковых записях генерала Д.Н. Дубенского, состоявшего в свите императора в качестве официального историографа. Вряд ли Блок читал сам дневник, хотя он и поступил в распоряжение ЧСК. Однако пространные фрагменты из него зачитывались и обсуждались во время допроса 9 августа 1917 г. Именно на эти фрагменты Блок и опирается, правда, порой — из-за сжатости повествования и оторванности от контекста — мысль Дубенского теряется. Так, например, в изложении Блока остается не очень понятным, почему моление в «тайничках» Федоровского Собора в Царском Селе так уж несовместимо с управлением Россией. Обращение к стенограмме допроса Дубенского ситуацию проясняет: тема «тайничков» возникла в связи с обсуждением возможного умопомешательства императрицы. «Разве окружающие лица считали, что Александра Федоровна нездорова психически?» — спрашивал Председатель Дубенского [Падение, т. 6, с. 387]. А Дубенский, отвечая на этот вопрос, рассказал о ее патологической, инспирированной Распутиным религиозности, приведя в качестве примера если не душевной болезни, то неполной адекватности ее увлеченность уединенной молитвой:

Председатель. — Под 11–12 февраля вы делаете такую запись (читает): «<...> Влияние Александры Федоровны вырастет, а это не на пользу интересам России».

Дубенский. — Опять-таки должен сказать, что когда я это писал, то, я помню, я не хотел сказать, что будет явная измена, но вообще <...> влияние Александры Федоровны и всей женской компании несомненно имело бы ужасное действие.

Председатель. — Вы в предыдущей записи заносите слова императрицы Марии Федоровны о том, что «Александра Федоровна совсем сойдет с ума». Разве окружающие лица считали, что Александра Федоровна нездорова психически?

Дубенский. — Мы считали, что то, что делается по отношению к Распутину, ее мистическое настроение, совершенно не соответствует духу православной церкви, потому что **все эти тайнички — это психоз.**

Председатель. — **Что значит тайнички?**

Дубенский. — **Это в соборе маленькие ниши, где она молилась; в старину это называлось тайнички.** Это показывало, что у нее крайне потревожены нервы. Это не мои слова, это слова Марии Федоровны, которая считала, что она ненормальная и сумасшедшая, и думала, что она совсем сойдет с ума. Лично я, например, в этом отношении не согласен с Марией Федоровной. Я нахожу, что императрица Александра Федоровна в высшей степени нервный человек, но твердый, и до сумасшествия далеко [Падение, т. 6, с. 387].

«Глубокая рознь русских интересов с интересами Александры Федоровны» активно обсуждалась в обществе: циркулировали слухи об измене при дворе. Посвященная этой проблеме запись в дневнике Дубенского также была процитирована на допросе:

Председатель. — <...> 28 декабря генерал Дубенский заносил в свой дневник: «Драматичность положения в том, что императрицу определенно винят в глубочайшем потворстве немцам и немецким интересам» и т. д. Так что это, по-видимому, не только мнение улицы, толпы <...>, но и мнение окружающих императора и императрицу? [Падение, т. 6, с. 384].

Дубенский подтвердил, что передавал «мнение общества» и «настроение всех»: «Да, да, всех, всех. Я помню, как писал. Я прошел из гостиной к себе в кабинет и с ужасно тяжелым чувством писал, что императрицу обвиняют в шпионстве, и обвиняет кто же? Все мои знакомые» [Падение, т. 6, с. 384].

В развитие этой темы было приведено и «другое место <...> дневника» (посвященное отношениям власти и общества), из которого Блок взял цитату для характеристики умонастроений императрицы:

Слабое, плохо организованное правительство наше, с государем во главе, с Протопоповым, жалким стариком кн. Голицыным, начинает бороться, но ничего не выйдет, ибо очень плохи сторонники правительства; а между тем должно уступать требованиям взволнованного общества. **Надо беречь престиж царской власти, но едва ли можно сохранить самодержавие. Слишком проявилась глубокая рознь русских интересов с интересами А.Ф.** Не следует собирать Госуд<арственную> Думу 12 января, ибо ничего не выйдет, кроме скандала. Заседание будет полно протеста и всяких оскорблений; кроме того, такая бунтующая Дума вредна. Сам роспуск, т.е. неоткрытие ее, пройдет без больших осложнений. Покричат рабочие, напишут грозные статьи газеты, и всё; но при условии, чтобы власть была твердая у правительства и понимающая интересы России [Падение, т. 6, с. 384–375].

Любопытно, что на те же слова Дубенского обратил внимание Председатель, проводивший допрос. Он попросил подтвердить, что верно понял основную мысль приведенного фрагмента: «Этот факт, который вы отмечаете в результате своего наблюдения о существующей глубокой “розни русских интересов с интересами императрицы”, это — как вывод из всего». А Дубенский с ним согласился: «Как результат всего того, что я переживал» [Падение, т. 6, с. 385].

Далее следует характеристика Вырубовой:

В «мистический круг» входила наивная, преданная и несчастливая подруга императрицы А.А. Вырубова, иногда сердившая царя «своею простотою ума», покорная Распутину, «фонограф его слов и внушений» (слова Протопопова). Ей, по ее словам, **«вся Россия присылала всякие записки»**, которые она механически передавала по назначению [Блок 1962, с. 190].

Этот текст практически полностью строится на цитатах из протопоповской «Записки о Верховной власти». Добавляется лишь одна цитата — с отсылкой к словам самой Вырубовой — про то, что ей «вся Россия присылала всякие записки».

Тема вмешательства фрейлины в принятие политических решений и государственных назначений при помощи передаваемых императрице писем и устных сообщений была основной на допросе 6 мая 1917 г. Разбирались многочисленные случаи такого вмешательства, назывались фамилии тех, кто обращался к ней за продвижением по службе или иной формой протекции. От ответов на конкретные вопросы Вырубова старалась уклоняться, повторяя: «Я там сидела при дворе, ко мне и левые и правые писали. <...> И правые и левые. Я говорю, что все ко мне, все, кто мог, обращались» [Падение, т. 3, с. 246]. Один из подобных ответов процитировал и Блок: «Я вам говорю, мне вся Россия присылала всякие записки» [Падение, т. 3, с. 245].

Зато краткая характеристика Распутина буквально нашпигована выдержками из самых разных источников:

«Связью власти с миром» и «ценителем людей» был Григорий Распутин; для одних — **«мерзавец»**, у которого была **«контора для обдeldывания дел»**; для других — **«великий комедьянт»**; для третьих — **«удобная педаль немецкого шпионажа»**; для четвертых — **упрямый, неискренний, скрытный человек, который не забывал обид и мстил жестоко, и который некогда учился у магнетизера** [Блок 1962, с. 290].

«Мерзавцем» Распутин именуется в показаниях Министра Императорского двора престарелого графа В.Б. Фредерикса на допросе 2 июня 1917 г.:

Фредерикс. — Я Распутина никогда в глаза не видел, но я слышал про него, что это был чрезвычайно вредный человек.

Председатель. — Почему вы считали его вредным человеком?

Фредерикс. — Так я слышал. Извините за выражение, но мне говорили, что это **мерзавец**. Я никакого желания не имел его видеть. Может быть, это и незаслуженно, но я его невольно считал таким [Падение, т. 5, с. 36].

«“Контору для обдeldывания дел” с Распутиным во главе» увидел в распутинском окружении помощник начальника Петроградского охранного отделения генерал М.С. Комиссаров, отвечавший в 1915–1916 гг. за охрану Распутина:

Председатель. — Вот вы всё говорите — компания Распутина. Вы наблюдали за ними, у вас охрана была; как вам представляется эта компания Распутина, что это за группа?

Комиссаров. — Для меня это совершенно ясная группа. Они обдeldывали свои дела. Это вне всякого сомнения.

Председатель. — Кто там был?

Комиссаров. — Распутин и целая группа лиц, начиная с Вырубовой, понятно.

Председатель. — Так что вы не делаете разницы между женской и мужской половиной этой компании?

Комиссаров. — Кажется, все пользовались совершенно одинаково. Тут была какая-то Надежда, сестра милосердия, которая тоже какие-то дела проводила, несомненно, денежные.

Председатель. — Сестра Воскобойникова?

Комиссаров. — Я фамилии ее не знаю. Знаю, что Надежда. Там присутствовал Симанович, — это **прямо была контора по обдeldыванию дел**.

Председатель. — А еще кого вы из этой компании знали?

Комиссаров. — Т. е. кто там бывал? Там больше всех бывала барышня Головина, затем старуха Головина; бывали там Танеевы, старик со старухой [Падение, т. 3, с. 173. Допрос 4 мая 1917 г.].

А «комедьянтом» назвал Распутина И.Ф. Манасевич-Манулов, рассказывая на допросе 10 апреля 1917 г. про его роль в назначении (в январе 1916 г.) Б.В. Штюрмера министром внутренних дел: «Он был очень умный. Он был великий комедиант» [Падение, т. 2, с. 51].

Слухи о шпионаже в пользу Германии, осуществлявшемся распутинским окружением, были широко распространены, и подтверждение им активно пытались получить следователи ЧСК. Указывая, что для многих Распутин был «удобной педалью немецкого шпионажа», Блок повторил определение, данное уже упоминавшимся ранее А.Н. Хвостовым на допросе 18 марта 1917 г.:

Хвостов. — Он был очень **удобной педалью для немецкого шпионажа**... Хотя я его не улавливал в шпионаже, но, логически, мне казалось, что он шпион, — не сознательный, а — орудие для шпионажа, потому что было очень легко через него узнавать, что делалось в Царском... Очевидно, немцы, как очень умные люди, не будут узнавать через какого-нибудь писаря Ивана, а через того, кто осведомлен...

Председатель. — В чьих же руках он был орудием шпионажа?

Хвостов. — Мне кажется, что он был в руках немецкой агентуры. Я пытался их поймать, но не удалось... Было несколько подозрительных лиц, но данных у меня не было. <...> [Падение, т. 1, с. 30–31].

Заключительный пассаж распутинской характеристики в «Последних днях...» («упрямый, неискренний, скрытный человек, который не забывал обид и мстил жестоко, и который некогда учился у магнетизера») не содержит заковыченных слов, однозначно указывающих на цитатность. Однако и у них есть источник, пересказанный Блоком очень близко к тексту. Это письменные показания бывшего директора департамента полиции С.П. Белецкого (от 20 июня 1917 г.; часть 3), пожелавшего раскрыть «отличительные черты характера и наклонностей Распутина»:

Распутин пренебрежения к себе и обид, ему наносимых, не прощал и никогда не забывал, а мстил за них до жестокости; на людей смотрел только с точки зрения той пользы, которую он мог извлечь из общения с ними в личных для себя интересах; будучи скрытным, подозрительным и неискренним, он, тем не менее, требовал от окружающих его безусловной с ним искренности и фальши в отношении себя не допускал; помогая кому-нибудь, он, затем, стремился поработить того, кому он был полезен; в своих выводах и решениях отличался упрямством и трудно поддавался переубеждению, идя на уступки лишь в тех только случаях, когда это отвечало его интересам; в своих домогательствах и желаниях отличался паразитической настойчивостью и до той поры не успокаивался, пока не осуществлял их, умея носить на лице и в голосе маску лицемерия и простодушия, чем вводил в заблуждение тех, кто, не зная его (а таких было много, в особенности из состава правившей бюрократии), мечтал сделать из него послушное орудие для своих влияний на высокие сферы [Падение, т. 4, с. 507].

К показаниям Белецкого восходят и сведения о том, что Распутин «некогда учился у магнетизера»:

Затем, когда я был директором департамента полиции, в конце 1913 года, наблюдая за перепискою лиц, приближавшихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером лично для своего материального благополучия на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды, в виду наличия у Распутина сильной воли и умения сконцентрировать ее в себе. Поэтому я, собрав более подробные сведения об этом гипнотизере, принадлежавшем к типу аферистов, спугнул его, и он быстро выехал из Петрограда. Продолжал ли после этого Распутин брать уроки гипноза у кого-либо другого, я не знаю, так как я в скорости оставил службу, и при обратном моем возвращении в министерство внутренних дел, проследка за Распутиным этих данных мне не давала [Падение, т. 4, с. 501].

И последнее — характеристика Совета министров:

Правительство <...> возглавлялось «недружным, друг другу не доверяющим» Советом Министров; это учреждение перестало жить со времен П.А. Столыпина, последнего крупного деятеля самодержавия; с тех пор, оно **постепенно превращалось, а при Штюрмере фактически превратилось, в старый Комитет Министров, стоящий вне политики** и занимающийся «деловым» регулированием общеимперской службы, которая, по словам людей живых и сколько-нибудь связанных со страной, давно стала **«каторгой духа и мозга»**. Совет Министров, говорит Протопопов, остался позади жизни и стал как бы тормозом народному импульсу [Блок 1962, с. 193].

Как отмечалось ранее, характеристика правительства начинается с лаконичных определений Протопопова и ими же завершается. «Сердцевину» же Блок наполняет цитатами из других источников.

Пассаж про то, что Совет министров стоял «вне политики», заимствован Блоком из стенограммы допроса последнего царского министра иностранных дел Н.Н. Покровского от 30 июня 1917 г. Основная мысль показаний министра, как кажется, трудно считывается в передаче Блока. Бедой России, по мнению Покровского, была не погруженность Совета Министров в решение экономических вопросов (это тоже было необходимо), а то, что государственная политика вершилась помимо государственных органов власти, с помощью «влияний», ходатайств и договоренностей:

Председатель. — Что вы можете сказать о том общем впечатлении, которое производил на вас совет министров в течение 1916 года в смысле отношений министров, между собой, в смысле, так сказать, сплоченности министров?

Покровский. — Видите ли, в 1916 году, то есть во время председательствования Штюрмера, совет министров производил на меня такое впечатление, как будто он всё более превращался в старый комитет министров, то есть в присутственное место для решения текущих дел, для пропуска законопроектов, утверждения кредитов и так далее, а политика ведется не в совете министров, а где-то за пределами совета министров. Но удостоверить это фактами я не могу.

Председатель. — Производило ли это на вас такое впечатление, что совещания, происходившие за пределами совета министров, состоят из лиц, которые вовсе не входят в состав совета министров, или же такое, что в этих совещаниях участвуют и лица из состава совета министров?

Покровский. — Этого я сказать не могу. Может быть, так и было, но сведений об этом у меня не было. Я думаю, что Штюрмер приглашал на эти совещания некоторых министров, близко стоявших к нему, и, вероятно, там обсуждались некоторые более интимные вопросы, которые вовсе не вносились в совет. Но приглашались ли на эти совещания лица, не входившие в совет министров — этого я не знаю.

Председатель. — Таким образом, впечатление ваше, как участника совета министров, может быть резюмировано так: что, собственно, политика делалась некоторыми членами совета министров помимо совета министров?

Покровский. — Я думаю, что это будет близко к истине [Падение, т. 5, с. 338].

Уточнение Блока про то, что Совет министров занимался лишь «деловым» регулированием общеимперской службы», возможно, восходит к показаниям военного министра (с сентября 1915 г. по март 1916 г.) А.А. Поливанова на допросе 25 августа 1917 г.: **«Здесь ограничивались строго деловым рассмотрением законопроектов, при чем всё это происходило в довольно тяжелой атмосфере»** [Падение, т. 7, с. 75].

Отмечая, что, «по словам людей живых и сколько-нибудь связанных со страной», государственная служба «давно стала «каторгой духа и мозга»», Блок имеет в виду не вообще людей, а конкретного человека, министра земледелия А.Н. Наумова (показания которого он сочувственно цитировал и ранее). В данном случае речь на допросе 4 апреля 1917 г. опять-таки шла о негативном влиянии Распутина на власть, об установившемся порядке решать самые разные проблемы с помощью передачи записок с просьбами и указаниями, а также о его попытках этому хоть как-то противостоять. В частности, Наумов рассказывал про свой демонстративный «отказ Распутину в личном приеме», вызвавший у одних восхищение, а у других возмущение и страх:

Один из министров говорил мне: «Я слышал, что вы Распутин не впустили к себе в кабинет, я тоже его ненавижу, но тем не менее я должен был в этом отношении пойти на уступку». — Одним словом, подчеркивал проявленное мною опять-таки какое-то гражданское мужество. Тут я увидел, что Распутин является лицом, сильно влияющим на рынок политический. В этот день мне звонили много раз по телефону, говорили, что в Царское Село поступила уже жалоба. Я лично отвечал: «Слава богу, я был бы очень рад, если бы можно было освободиться от этого кошмара» [Падение, т. 1, с. 334].

А потом подытожил впечатления о министерской работе, пояснив, почему она превратилась для него в «каторгу духа и мозга»:

Я называл свою службу каторгой духа и мозга: духа — потому, что знал, при какой обстановке приходилось работать, особенно после прихода Распутина, а мозга — потому, что я работал не менее как по 18 часов в течение 8 месяцев [Падение, т. 1, с. 334].

*

Приведенные примеры показывают, с одной стороны, что «Записка о Верховной власти» А.Д. Протопопова сыграла структурообразующую роль в создании первой главы книги Блока «Последние дни императорской власти»: «Записка...» определила композицию главы и дала базовый материал для характеристик ряда персонажей.

С другой стороны, видно, что Блок, помимо «Записки...», привлекает широчайший круг источников, ювелирно выбирая из множества показаний подследственных нужные ему детали, определения и образные выражения. Так, например, портрет Распутина составлен из показаний минимум шести человек, портрет Александры Федоровны — четырех.

Проведенный анализ избранных характеристик позволяет если не понять, то чуть-чуть приблизиться к пониманию метода работы Блока. Дальнейшее выявление использованных Блоком материалов Чрезвычайной следственной комиссии даст возможность уточнить границы авторского слова и слова «чужого» в «Последних днях императорской власти».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О службе Блока в ЧСК и работе над «Последними днями императорской власти» см.: [Иванова 2012 с. 64–85; Блок 2012, с. 298–365].

² См. его запись в дневнике за 21 июля 1917 г.: «<...> я принужден согласиться попросить писать очерк о Протопопове. <...> Но матерьял интересен, и я испытую силы над Протопоповым» [Блок 1963, с. 235–236].

³ О рецепции Блоком личности и деятельности А.Д. Протопопова см.: [Спивак 2016].

⁴ У Блока ошибочно: «судившая». Доказательства того, что это описка поэта, изложены в нашей статье: [Спивак 2017].

ЛИТЕРАТУРА

Блок 1919 — Блок А.А. Последние дни старого режима // Былое. 1919. № 15. С. 3–50.

Блок 1921 — Блок А.А. Последние дни императорской власти / По неизданным документам составил Александр Блок. Пб.: Алконост, 1921. 168 с.

Блок 1922 — Блок А.А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. Вып. IV. Берлин, 1922. С. 5–54.

Блок 1962 — Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6: Проза. 1918–1921 / Подгот. текста Д.Е. Максимова, Г.А. Шабельской; примеч. Г.А. Шабельской. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. 556 с.

Блок 1963 — Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7: Автобиография. 1915; Дневники. 1901–1921 / Подгот. текста и примеч. В.Н. Орлова. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 544 с.

Блок 2012 — Блок А.А. Последние дни императорской власти / Сост. З.И. Перегудова, С.С. Лесневский; коммент. З.И. Перегудовой, О.А. Поливанова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. 624 с.

Иванова 2012 — Иванова Е.В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М.: Росток, 2012. 640 с.

Падение — Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. / Под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924–1927.

Спивак 2016 — Спивак М.Л. Последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов в политической публицистике А.А. Блока и его современников // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М.: РГГУ, 2016. № 8 (17). С. 102–118.

Спивак 2017 — Спивак М.Л. «Сбежавший прокурор, пропавшая княгиня и дерзкая фрейлина: Об ошибках в “Последних днях императорской власти” и записях А.А. Блока 1917 года» // Русская литература. 2017. В печати.

А. БЛОК ЧИТАЕТ ГАЗЕТЫ (1917–1919)

В публикации использован полный текст Записных книжек А. Блока за 1918–1919 гг., которые в издании 1965 г. печатались с существенными купюрами: целый ряд важнейших для характеристики политической позиции поэта этих лет записей был пропущен по цензурным соображениям. Из полного текста ежедневных записей для публикации отобран особый тематический пласт — высказывания, отражающие отношение Блока к информации, которую он черпал в газетах этих лет. В этих высказываниях прослеживается постепенное угасание революционных настроений, на волне которых создавались его первые послереволюционные произведения — статья «Интеллигенция и революция», поэма «Двенадцать» и стихотворение «Скифы», а также постепенное разочарование в большевиках и нарастающая ненависть к новой власти.

The publication uses the full text of A. Blok's Notebooks for 1918–1919, which was significantly cut in the 1965 edition, with many important notes concerning the poet's political position of these years missed for censorship reasons. A certain topical selection from the full text of daily records was made — these are statements reflecting Blok's attitude to the information he drew from the newspapers of those years. These statements trace gradual decline of revolutionary sentiments, on the wave of which his first post-revolutionary works were created — the article "The Intelligentsia and the Revolution", poems "The Twelve" and "Scythians", as well as gradual disillusionment with the Bolsheviks and growing hatred of the new government.

Ключевые слова: А. Блок; Революция 1917 г.; газеты периода революции; дневники А. Блока

Keywords: A. Blok, 1917 Revolution; newspapers of the revolution era; A. Blok's diaries.

Отношение Блока к газете как явлению общественной и культурной жизни не было однозначным. Были периоды, когда чтение газет он даже осознал как пагубную привычку. Возвращаясь в 1909 г. из Италии, где Блок, по собственному признанию, был «обожжен искусством», 26 июня он записал: «Сейчас имел мужество уйти, не дождавшись "Речи" в Кургаузе. Надо и пора совсем отучаться от газет. Ясно, что теперешние люди большей частью не имеют *никаких* воззрений, тем более — воззрений любопытных — на искусство, жизнь и религию и прочие предметы, которые меня волнуют. Газета же есть голос этих людей. Просто потому ее читать не следует. Развивается мнительность, мозг поддельно взвинчивается, кровь заражается. Писать же в газетах — самое последнее дело» [Блок 1965, с. 149]. Но уже через день, 28 июня признавался: «Читать газеты продолжаю» [Там же, с. 150].

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 17-04-00644 а.

В статье «Искусство и газета» (1912) Блок объяснял причину своего неприятия: «Газета по самой природе своей тороплива и буйна; чем быстрее ритм жизни, тем бешенее кричит политическая и всякая иная повседневность. Является вопрос, можно ли в самом деле говорить на газетных страницах об искусстве, которое не имеет ничего общего с политикой, которое даже не враждует с ней, потому что миры искусства, до сей поры никогда в мире вполне не воплощавшиеся, относятся к политике приблизительно так же, как море относится к кораблю. Я говорю, конечно, не о содержании отношения, а указываю только масштабы. <...> Душа искусства, которая во все времена имеет целью, пользуясь языком, цветами и формами нашего мира как средством, воссоздать “миры иные”, — и душа газеты, которая имеет целью борьбу и заботы нашего мира, или еще уже — нашей родины, или еще уже — нашего государства, — что им друг до друга?» [Блок 2010, с. 155]

В последующей дискуссии с Дмитрием Философовым вокруг этой статьи Блок пояснил свою мысль: «Могло показаться, что я говорю о безмерной пропасти, которая лежит между искусством и жизнью, для того, чтобы унижить жизнь за счет искусства, принести ее искусству в жертву. Жаль, если кто-нибудь подумал так. Не во имя *одного* из этих миров говорил я, а во имя *обоих*. Чем глубже любишь искусство, тем оно становится несоизмеримее с жизнью; чем сильнее любишь жизнь, тем бездоннее становится пропасть между ею и искусством. Когда любишь и то и другое с одинаковой силой, — такая любовь трагична. Любовь к двум братьям, одинаково не знающим друг о друге, одинаково пребывающим в смертельной вражде, готовым к смертному бою — до последнего часа, когда придет третий, поднимет их забрала, и они взглянут друг другу в лицо. Но когда придет третий?» [Блок 2010, с. 159] В финале высказал надежду, что этой третьей силой станет «демократия будущего» и заключил статью цитатой из Карлейля о «демократии опоясанной бурей» [Там же].

До революции сотрудничество Блока в газетах носило эпизодический характер, и записи о чтении газет довольно редки в его записных книжках и дневниках. Вернувшись в марте 1917 г. с фронта в Петербург и очутившись в эпицентре Февральской революции, Блок 16 мая записал: «Открыл газеты (Новую жизнь прежде всего), — они жгутся (полиция или милиция, цели войны, Донецкий бассейн, речь Керенского)» [Блок 1965, с. 329]. Но прямые ссылки на газеты в записных книжках 1917 г. этими записями ограничиваются.

К сожалению, записные книжки, относящиеся к концу 1917 г., Блок уничтожил, и мы не имеем представления о том, как встретил он приход большевиков к власти в октябре 1917 г. Но очевидно, что он напряженно следил за событиями именно по газетам, что он читал большевистские газеты, потому что уже в первом своем интервью, ответе на анкету «Может ли интеллигенция работать с большевиками», Блок не только выразил готовность к такому сотрудничеству, но и сочувственно отозвался о большевистских декретах,

которые публиковались исключительно в партийных изданиях. «Декреты большевиков — это символы интеллигенции. Брошенные лозунги, требующие разработки» [Блок 1962, с. 8], — заявил в своем ответе Блок, ссылаясь на декрет о земле, опубликованный в конце 1917 г. только в большевистских газетах, «Правде» (№ 171, 28 окт. С. 1) и «Известиях» (№ 209, 28 окт. С. 1).

В январе 1918 г. отношение Блока к газете вступает в новую стадию: он становится постоянным сотрудником Литературного отдела левоэсеровской газеты «Знамя труда», где впервые публикуются все его произведения, написанные в январе 1918 г., — статья «Интеллигенция и революция», поэма «Двенадцать» и стихотворение «Скифы». Здесь же он перепечатывает ряд дореволюционных произведений, как бы обретших новый смысл в контексте происходящих событий, в частности — цикл статей «Россия и интеллигенция».

Этот период своей жизни, протекавший по знаком сближения с левыми эсерами, на короткий срок ставшими союзниками большевиков и до подписания Брестского мира входившими в коалиционное правительство, Блок назвал «романтикой на Галерной», по названию улицы в Петрограде, где находилась редакция газеты «Знамя труда». Начиная с этого момента Блок становится активным читателем газет, ссылки на них в течение 1918 и 1919 гг. становятся регулярными, хотя их характер меняется.

Отношение Блока к газетам в этот период можно назвать барометром его духовного самочувствия. Пока могла как-то существовать небольшевистская пресса, Блок довольно регулярно читал так называемые буржуазные газеты, обращая внимание в основном на полемические выпады в свой адрес.

В нижеследующих отрывках из Записных книжек А. Блока № 56 за 1918 г. и № 60 за 1919 г. мы представили сводку всех его упоминаний о чтении газет. Как представляется, в этих упоминаниях достаточно отразились его политические симпатии и интересы, а также эволюция отношения к новой власти. Несколько записей, напрямую не связанных с газетами, мы приводим для того, чтобы отметить линии водораздела в политической эволюции Блока, от которой зависело в конечном итоге и его отношение к газетам. Первая в этом ряду — запись 4 мая 1919 г.: «Кое-что работал. Но работать по-настоящему я уже не могу, пока на шее болтается новая петля полицейского государства». Вторая — запись 23 июня: «Полдня ушло на исполнение декретов. Не стоит больше записывать ничего, кроме дел». Наконец, запись от 31 мая 1919 г.: «"Правда" = "Новое Время". Ленин о шпионах». Все три записи — ступени политической эволюции Блока.

Об окончательном закрытии так называемых «буржуазных» газет, то есть газет, не связанных с большевиками, Блок упоминает в записях от 4 и 5 августа 1919 г. Большевистской прессе он дает обобщающее название «газетки» и «рептилийки», в записях эти газеты упоминаются исключительно в связи с публиковавшимися там распоряжениями новой власти об общественных работах, уплотнении квартир, введении новых налогов. Но обнаружить свое

отношение к большевикам публично Блок не мог, трагизм его положения заключался в том, что многие из его дореволюционных друзей и почитателей по-прежнему не могли простить ему поэму «Двенадцать», считая ее автора ответственным за действия большевиков. Блок не пытался оправдаться и с достоинством выдерживал обвинения в свой адрес, это была та самая «немая борьба», помощи в которой он просил у Пушкина:

Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе.

Записи приводятся по полному тексту записных книжек 56 (РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 364) и 60 (Там же. Ед. хр. 365), в настоящее время они готовятся к изданию в рамках Полного собрания сочинений Блока [Грякалова, Иванова 2013, с. 95]. Все авторские сокращения в тексте записей раскрываются без оговорок.

ЛИТЕРАТУРА

Блок 1962 — Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6: Проза. 1918–1921 / Подгот. текстов Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской; Примеч. Г.А. Шабельской. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. 556 с.

Блок 1965 — Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920 / [Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. В.Н. Орлова]. М.: Худ. лит., 1965. 664 с.

Блок 2010 — Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916) / [Подгот. текста и коммент. Д.М. Магомедовой]. М.: Наука, 2010. 587 с.

Грякалова, Иванова 2013 — Грякалова Н.Ю., Иванова Е.В. Записные книжки Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105. С. 90–105.

1918

1 января

Телефон от Р. Ивнева (заваренная им каша: «Известия» о нас с Петровым-Водкиным, «Дело Народа» «утешает», завтрашний митинг).

Эту историю Блок упомянул в одной из своих предсмертных дневниковых записей от 18 июля 1921 г. (неопубл.): «...в “Известиях” появилась бесстыдная анонимная статья, говорили, что автор — “Рюрик Ивнев”. Начиналась так: “Несколько выдающихся представителей интеллигенции признало необходимым работать под руководством Советской власти. Между ними известный поэт А. Блок и художник Петров-Водкин. Они поставили себе задачу бороться с позорным для интеллигенции саботажем...” и т.д. Вместе с тем появилась афиша красными буквами: Зал Армии и Флота, 2 янв<аря> 1918. Митинг Интеллигенция и народ: Луначарский, Коллонтай, устраивал Р. Ивнев. Из перечисленных в афише не были: во всяком случае, Петров-Водкин, Иванов-Разумник и я. Впрочем, неужели хватит места на перечисление мелких гадостей, которые делали в жизни? И зачем? — Мне трудно дышать, сердце заняло полгруды” (РО ИРЛИ. Ф. 654. оп.1. ед.хр.320. л. 24-24об.).

Заметка без подписи была опубликована в «Известиях» 28 декабря, Блок цитирует ее с незначительными сокращениями: «Несколько выдающихся представителей интеллигенции признали необходимым работать под руководством советской власти. Между ними известный поэт А. Блок и художник К. Петров-Водкин. Они поставили себе задачу борьбы с позорным для интеллигенции саботажем и привлечения в общественной деятельности широких ее кругов. С этой целью вчера был организован митинг с участием тт. Луначарского и Коллонтай. Задача эта очень важная. Но позиция, которую заняла русская интеллигенция с момента перехода власти в руки Советов, наводит на некоторые размышления. С одной стороны, подлежит сомнению возможность примирения в ближайшее время широких слоев интеллигенции с новым общественно-политическим порядком. С другой, поскольку такое примирение будет постепенно совершаться, для пролетариата необходимо отдать себе ясный отчет в том, с кем ему придется сотрудничать в великом деле революционного строительства... и т.д.» (Б.п. Интеллигенция и пролетариат // Известия. 1917, 28 дек.).

Ее автором был Р. Ивнев, который писал в воспоминаниях: «Середина декабря 1917 года... Я иду к Александру Блоку с приглашением выступить на большом митинге “Интеллигенция и Советская власть”. Свое согласие уже дали А.М. Коллонтай, В.Э. Мейерхольд, художник Петров-Водкин, Сергей Есенин. Блок жил <...> на Офицерской вблизи Мариинского театра. Блок был один. Открыл дверь и, увидев меня, приветливо улыбнулся. Мы вошли в его кабинет. Блок был весь как натянутая струна, — редко кто, пожалуй, так остро переживал тревогу за судьбу России, как он. Когда я объяснил ему цель митинга, он без всякого колебания дал согласие» (Ивнев Рюрик. Воспоминания о первых днях и месяцах советской власти // Прометей: Альм. 1967. Т. 4. С. 246). Визит Р. Ивнева к Блоку действительно состоялся в конце декабря, но ни о каком митинге разговора во время встречи не было, как это явствует из последующих объяснений Р. Ивнева. В его недавно опубликованном дневнике о визите сказано: «22 дек. днем, у Блока (на Офицерской). Когда я говорю с А.А. (Блоком), чувствую какую-то ужасную неловкость. И страшно хочу казаться лучше, чем есть на самом деле. И хочу избавиться от этой “неловкости”, и от этого еще больше “запутываюсь”» (Ивнев Р. Дневник / Сост. Н.П. Леонтьева; Подгот. текста А.П. Дмитриева, Н.П. Леонтьева; Коммент. А.П. Дмитриева. М.: Эллис Лак, 2012. С. 229).

Запись Блока говорит о том, что он впервые узнал о предстоящем митинге и о том, что его имя есть в афише среди выступающих, из телефонного разговора с Ивневым, которому и принадлежала идея возможного участия Блока и Петрова-Водкина в подобном мероприятии.

В заметке без подписи «Несостоявшееся сретение» в газете «Дело народа», которую также упоминает Блок, было сказано: «Вчера на улицах Петрограда появились ширококестальные афиши о предстоящем митинге с речами на тему “Интеллигенция и народ”. Прохожие с удивлением читали, что на этом митинге выступят: Луначарский, Спиридонова, Ал-др Блок, Гуро, Иванов-Разумник, Петров-Водкин, Камков, Колонтай, С. Есенин и Рюрик Ивнев. Естественно возникал вопрос, как могли на такой теме объединиться: Коллонтай, преследующая интеллигенцию, и Александр Блок, Луначарский, получивший хорошую отповедь за свои художества от В.Г. Короленко, и историк русской общественной мысли Иванов-Разумник, неистовая Спиридонова и Петров-Водкин. Но можем сообщить, что такого конфуза не будет. Оказывается, что Блока, Петрова-Водкина и Иванова-Разумника включили в число ораторов без их ведома и воли. Таким образом, г. Луначарский будет лишен возможности провозгласить об очередном “сретении”» (Дело народа. 1917. № 245, 31 дек. С. 2).

2 января

В газетах (веч<ерних>) — арест и освобожд<ение> румынского посольства.

В газете «Новый вечерний час» под заголовком «арест и освобождение румынского посольства» опубликован ответ сотрудника Комиссариата по иностранным делам т. Залкина, что румынский посланник и члены миссии были арестованы в знак протеста против действий румынской армии по отношению к русской. По словам Залкина, румынские власти отбирали продовольствие и фураж у русских солдат. Румынский посол в ответ заявил, что русские солдаты были арестованы за антивоенную агитацию среди солдат (Новый вечерний час. 1918. № 1, 2 янв. С. 1. См. также информацию об аресте румынского посольства: Известия. 1918. № 1 (205), 3 янв. С. 3).

3 января

В «Вечернем Часе» — ответ на анкету Сологуба, Мережковского и мой. Занятно!

Газета «Вечерний час» провела анкету в связи с изданием большевистского Декрета о Государственном издательстве, принятом в заседании Центрального Исполнительного Комитета 29 декабря 1917 г. Декрет касался в первую очередь издания классической литературы и провозглашал отмену права литературного наследства для их потомков: «Сочинения всех авторов, переходящие таким образом из области частной собственности в область общности, могут быть для каждого писателя особым постановлением Государственной комиссии по просвещению объявлены государственной монополией, сроком, однако, не дольше как на пять лет. Комиссия обязана воспользоваться этим правом по отношению к корифеям литературы, творения которых перейдут согласно настоящему закону в собственность народа» (Декреты советской власти. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. Т. 1: 25 октября 1917 — 16 марта 1918. С. 297).

Блок оказался единственным среди писателей, кто сочувственно отозвался о декрете: «Ничего не могу возразить против отмены права литературного наследования. <...> Когда умру — пусть найдутся только руки, которые сумеют наилучшим образом передать продукты моего труда тем, кому они нужны» (Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6: Проза. 1918–1921 / Подгот. текстов Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской; Примеч. Г.А. Шабельской. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. С. 7). Рядом с ним были напечатаны ответы Ф. Сологуба: «Несправедливо и нецелесообразно <...> Эта авторская доля пойдет на уплату жалованья тем чиновникам, которые будут приставлены к этому делу», — и Д. Мережковского: «На что им русская литература? Если они победят, то наступит такое равенство в зверстве, что никому не нужна будет литература и вообще слово: на что зверю слово?» (Новый вечерний час. 1918. № 2, 3 янв. С. 2).

В «Знамени Труда» — мои стихи «Комета». (NB — список сотрудников!)

Стихотворение А. Блока «Комета» («Ты нам грозишь последним часом...», 1911) републиковано: Знамя труда. 1918. № 3 (109), 3 (16) янв. С. 2.

С 30 декабря 1917 г. (№ 107) по 8 января 1918 г. в газете печаталось объявление об организации Литературного отдела под редакцией Иванова-Разумника, предполагаемыми авторами которого были названы А. Блок, А. Белый, Н. Клюев, С. Есенин, А. Ремизов, А. Чапыгин и др.

На улицах плакаты — все на улицу 5 января (под расстрел?).

На 5 января было назначено открытие Учредительного собрания, на выборах в которое большинство получили эсеры. Плакаты и листовки распространял организатор манифестации — «Союз защиты Учредительного собрания», по данным которого в ней приняли участие 60 тыс. человек. В газете «Дело народа» на первой странице помещен призыв: «5 января открывается Учредительное собрание. Все — на мирную демонстрацию, в защиту Учредительного собрания!» (Дело народа. 1918. № 2 (247), 4 янв. С. 1).

6 января

Слухи о том, что учредительное собрание разогнали в 5 часов утра. (Оно таки собралось и выбрало председателем Чернова)

На выборах в Учредительное собрание победили эсеры (избрано 410 депутатов против 175 от большевиков). 5 января состоялось его открытие, и Председателем Учредительного собрания, к которому должна была перейти полнота власти от большевистских Советов рабочих и солдатских депутатов, был избран эсер Виктор Михайлович Чернов (1876–1952). Не желая отдавать власть, большевики закрыли заседание исторической фразой матроса Железняка «Караул устал!» и разогнали его участников. 6 января был издан декрет ВЦИК, объявлявший Учредительное собрание распущенным. В итоге большевики узурпировали власть в стране, что вскоре привело к установлению их диктатуры.

Большевики отобрали большую часть газет у толстой старухи на углу.

8 января

Все газеты, кроме большевистских, опять отбирались.

17 января

«Знамя Труда» анонсирует начало печатанья моих статей.

17 (30) января в газете помещена заметка «От редакции»: «С 19-го января в газете “Знамя труда” будут печататься статьи Александра Блока “Россия и интеллигенция”» (Знамя труда. 1918. № 120, 17 (30) янв. С. 2).

18 января

В сегодняшнем «Эхо» будет интервью со мной. Бехтерев, Казаринов и я находим, что нужно работать с большевиками.

Ответ на анкету «Как выйти из тупика? Возможно ли примирение интеллигенции с большевиками?» Блок продиктовал по телефону 14 января; также на анкету отвечали В.М. Бехтерев, Ф.Ф. Зелинский и М.Г. Казаринов, с разной степенью сочувствия говорившие о необходимости сотрудничать с большевиками. Опубл.: Петроградское эхо. 1918. № 10, 18 янв. (веч. вып.). С. 2.

В.М. Бехтерев мотивировал свое мнение так: «Передовая часть интеллигенции всегда была с народом, поэтому она не может уклоняться от работы в пользу народа и в настоящих условиях. Уклонение от работы со стороны интеллигенции представляет собою несомненный пассив в стране, увеличивая в ней разруху, что в конце концов отразится на самом же народе. Борьба за политические убеждения может и должна продолжаться, а жизнь в стране не может ждать окончания борьбы и требует сосредоточения всех живых общественных сил, дабы спасти, поддержать и укрепить то, что еще может быть спасено, поддержано и укреплено в гибнущем и распадающемся государстве».

Проф. Ф.Ф. Зелинский объяснил свою позицию следующим образом: «Как при старом режиме я говорил, обращаясь налево: “Помните, где кончается правительство и начинается Россия”, так и теперь я говорю: надо помнить, где кончается правительство и начинается Россия, и не бить по правительству так, чтобы эти удары отразились на России».

Известный адвокат М.Г. Казаринов объяснил свою позицию сходным образом: «Назначение интеллигенции применять свои знания и силы на пользу народа. И эта задача лежит на ней вне какой-либо зависимости от того, кто в данный момент находится во главе государства».

22 января

Декрет об отделении церкви от государства.

Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви был подписан В. Лениным 23 января 1918 г. и в тот же день опубликован в газетах. Декрет провозглашал отделение Церкви от государства, что для Русской Православной церкви означало

утрату статуса государственной религии и утрату ряда привилегий. Декрет провозглашал свободу религиозной совести, то есть право для граждан исповедовать любую религию, вводил гражданский брак, отделял школу от Церкви и отменял преподавание Закона Божия.

26 января

Декрет о новом календаре (с 1 февр<аля> = 14). <...> Декрет об аннулировании займов.

Декрет о займах был принят 21 января (3 февраля) 1918 г., согласно ему с 1 декабря 1917 г. были аннулированы «все государственные займы, заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии», то есть все вклады в ценных бумагах уничтожались. Делались оговорки относительно малоимущих граждан, но при этом за Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов признавалось право образовывать «комиссии для определения того, какие граждане относятся к числу малоимущих», имевшие право «аннулировать полностью сбережения, приобретенные нетрудовым путем» (Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 386). Фактически декрет аннулировал денежные сбережения, хранившиеся в облигациях и ценных бумагах.

27 января

В «Речи» — предостерегающая (нас с А. Белым) статья Арзубьева «Пифийская Расщелина».

Имеется в виду статья: *Арбузьев П. [Губер П.] Пифийская расщелина* // Наш век [бывшая «Речь»]. 1918, 27 янв. Статья посвящена второму выпуску альманаха «Скифы», в котором Блок не участвовал. Однако он упомянут в статье: «Признаюсь, мне было досадно видеть под одною и тою же обложкой кощунственное пустословие г. Иванова-Разумника, стилизованную хлыстовщину г. Ключева и тут же, в непосредственном соседстве с ними, превосходную новую повесть Андрея Белого “Котик Летаев”. Почти такую же досаду и такое же раздражение испытал я недавно, услышав, что Александр Блок и художник Петров-Водкин “присоединились” к большевикам». Далее П. Губер вспоминал героя романа Андрея Белого «Серебряный голубь» Дарьяльского, который сблизился с сектой хлыстов, и заключал свою статью предостережением: «Боюсь, что скоро у нашего поэта начнет сильно болеть голова при мысли о собственном добровольном участии в “корабельных радениях” большевизма».

29 января

Война прекращена. Мир не подписан.

Блок выписал заголовок из газеты «Новые ведомости» (1918, 28 янв. С. 1), относящийся к переговорам в Бресте о заключении сепаратного мира с Германией и выходе из войны. Делегация большевиков во главе с Л.Д. Троцким в этот момент покинула переговоры, так и не заключив сепаратный мир, при этом российским войскам был отдан приказ о полной демобилизации по всей линии фронта, что открывало возможность беспрепятственного продвижения немецких войск. В этот день

Блок написал стихотворение «Скифы», содержание которого напрямую связано с Брестским миром.

29 января

Настасья Чеботаревская ругает меня в «Часе».

А.Н. Чеботаревская писала о статье Блока «Интеллигенция и революция»: «Тут свалены в одну кучу и “жирные туполобые попы”, и свояченицы Мережковского в “приличных кофточках”, и усадебные парки, где когда-то помещики насиловали девок, и опостылевшие Блоку заседания Религиозно-философского общества, и еще многое другое, на что теперь вдруг рассердился автор “Розы и Креста”. Однако, кроме множества бранных слов по адресу “всех, всех”, да еще характерного для русского интеллигента похмельно-публичного покаяния, мы нашли в этих статьях только одну подлинную фразу, как нельзя более годную для эпиграфа самому Блоку: “Политики не сделаете, а голос свой потеряете!”» (*Чеботаревская А. Стрельба по своим // Новый вечерний час. 1918. № 20, 29 янв. С. 3*).

2 февраля

Убиты: Владимир (киевск<ий> митрополит), Н.И. Иванов (?). Застрелился Каледин (Люба его перевязывала в Львове).

Блок узнал обо всех этих событиях из газеты «Новый вечерний час», которую в этот период регулярно читал. Митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Василий Никифорович Богоявленский, 1848–1918) был зверски убит солдатами-большевиками во время разгрома Киево-Печерской Лавры. Осмотр тела убиенного митрополита показал, что его расстреливали разрывными пулями и кололи холодным оружием. В 1992 г. причислен Русской Православной Церковью к лику святых Новомучеников. В газете об убийстве сказано: «К жившему в Киево-Печерской лавре митрополиту... Владимиру в ночь на 25-е января явилась банда хулиганов, ограбила владыку, раздела, выгнала в печерские горы и здесь убила. Событие произвело ошеломляющее впечатление в Киеве» (*Новый вечерний час. 1918, 15 (2) февр. С. 1*).

Иванов Николай Иудович (1851–1919) — генерал от артиллерии, участник русско-японской и Первой мировой войн. В феврале 1917 г. был назначен Николаем II Главнокомандующим Петербургским военным округом с чрезвычайными полномочиями, но не успел вступить в должность из-за начавшейся революции. Допрос генерала Иванова ЧСК Блок описал в Записной книжке 28 июня 1917 г. (*Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920 / [Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. В.Н. Орлова]. М.: Худ. лит., 1965. С. 271–272*). Заметка «Смерть ген. Н.И. Иванова» опубликована в том же номере и на той же странице, что и известие об убийстве митрополита Владимира, здесь было сказано: «Среди трупов, находящихся в анатомическом театре, распознан труп генерала Н.И. Иванова, бывшего главнокомандующего юго-западным фронтом». Слух о смерти генерала оказался ложным: генерал участвовал в Белом движении, где был командующим войска Донского. Умер от тифа.

В том же номере газеты «Новый вечерний час» помещена заметка: Н.Д. Самоубийство ген Каледина? (С. 2). Каледин Алексей Максимович (1861–1918) — генерал от кавалерии, участник Первой мировой войны. После отречения Царя сдал командование армией Л.Г. Корнилову, избран атаманом Донского казачьего войска, зимой

1917–1918 гг. возглавил восстание против большевиков на Дону, после поражения которого 29 января (11 февраля) застрелился.

3 февраля

Г-н Пришвин хаит меня в «Воле страны», как не хаял самый лютый враг.
Письмо ему.

В этот день в правоэсеровской газете «Воля страны» была опубликована статья Михаила Пришвина «Большевик из “Балаганчика”» — отклик на статью Блока «Интеллигенция и революция» (Воля страны. 1918, 3/16 февр. С. 3). Пришвин был знаком с Блоком с 1908 г., они встречались на собраниях Религиозно-философского общества. Пришвин в те годы увлекался сектантами и организовал любопытствующим участникам собраний посещение хлыстов. Среди тех, кто ездил с Пришвиным к хлыстам, был и Блок. О статье «Интеллигенция и революция» Пришвин писал: «На большом страшном Суде у тех, кто владеет словом, “спросят ответ огненный”, и слово скучающего барина там не примется». Но кроме этого статья Пришвина содержала ряд личных выпадов: так, он напомнил Блоку о времени, когда они «подходили к хлыстам, — я — как любопытный, он — как скучающий»; Пришвин называл поэта «скучающий, кающийся барин», который говорит о войне как «земгусар», о революции — как «большевик из “Балаганчика”». Несмотря на то, что почти все печатные и устные отклики бывших литературных соратников Блока на статью «Интеллигенция и революция» были не менее резкими, более всех его задел именно Пришвин, которому он отвечал: «Долго мы с Вами были в одном литературном лагере, но ни один журнальный враг, злейший, даже Буренин, не сумел подобрать такого количества личной брани. Осталось Вам еще намекнуть, как когда-то делал Розанов, на семейные обстоятельства. Я на это не обижаюсь, но уж очень всё это — мимо цели: статья личная и злая против статьи неличной и доброй» (Неотправленный ответ Пришвина и историю его отношений с Блоком см.: Реформатская Н.В. Блок и Пришвин; Письмо Блока Пришвину / Публ. В.Д. Пришвиной; Блок в дневнике Пришвина и новонайденное письмо Блока Пришвину / Публ. В.В. Круглеевской и Л.А. Рязановой (Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. М.: Наука. 1981. С. 322–336).

5 февраля

Фельетон о «России и интеллигенции» П.С. Когана.

В статье «Голос поэта» Коган писал, что перелом, совершившийся в душе Блока, «займет свое место в истории великих переходов от чистого созерцания к активной общественности» (Коган П.С. Голос поэта (Александр Блок. Интеллигенция и революция) // Вперед. 1918. № 24, 15 (2) февр. С. 2).

6 февраля

В записную книжку вклеена вырезка неустановленной газеты «Школа журнализма», где сказано: «В Петрограде основывается совершенно новый тип школы: школа журнально-газетного искусства. Лекторами выступают в ней профессора (Ф.Ф. Зелинский, Ф.А. Браун, С.А. Венгеров и др.), писатели и журналисты (Н.П. Ашешов, А. Блок,

А.А. Волинский, И.В. Вольфсон, П.П. Гнедич, А.А. Измайлов, А.И. Куприн, Федор Сокологуб и др.). “Школа журнализма” откроется 25-го февраля (10-го марта), а прием начнется с 8-го февраля (21-го февраля) в реальном училище Богинского (Невский, 83, кв. 13)».

7 февраля

В записную книжку вклеена вырезка из газеты «Новая жизнь» 21(8) II.1918 (название газеты и дата рукой А. Блока — *Е.И.*) «Болтливые скифы»: «В подвале “Знамени Труда” перекликаются два скифа: Александр Блок и Иванов-Разумник. Перекликаются, как на палке тянутся: кто кого перескифит. А. Блок вещает западу:

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

А. Блоку в презренной прозе скифит страдающий словом Иванов-Разумник: Исход борьбы предопределен: в тяжелых лапах революции социальной хрустнет хребет политического государства. В этом — вера наша, в этом — знание наше. И с этой верой, с этим знанием светло смотрим мы в грядущее, хотя бы на смерть раздавила нас стальная машина во временной своей победе.

Великолепнейший образ и вразумительный: “хрустнувший хребет политического государства”!.. Но неужели древние скифы были так же безнадежно болтливы, как незадачливые “потомки”?..»

4 марта

№ «Народоправства» (23–24): Г. Чулков «прощает» меня за статью «Интеллигенция и революция» 1 февраля.

В журнале «Народоправство» (1918. № 23/24, 1 февр. С. 13–15) помещена статья Георгия Чулкова «Красный призрак. Листки из дневника», в которой автор назвал позицию Блока по отношению к октябрьскому перевороту, в отличие от «мистического анархизма», «анархическим мистицизмом». О статье «Интеллигенция и революция» Чулков писал: «Александр Блок — романтик и лирик. Бог простит ему его заблуждение». Статья в виде вырезки сохранилась в архиве Блока (РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 95) с его пометой: «1. II. 1918 (о ст<атье> “Ин<еллигенция> и революция”»).

8 марта

Арзубьев в «Речи» обо мне.

Статья посвящена поэме «Двенадцать», автор которой назван здесь «одним из внезапных большевиков наших». В статье с иронией говорилось о красноармейцах, которые винтовочками пытаются противостоять «железному дракону» Германии. Используя образы поэмы «Двенадцать», Арбузьев описывал ситуацию вокруг переговоров, которые вели большевики о заключении сепаратного мира с Германией (Арбузьев [Губер П.] Старый мир // Наш век [бывшая «Речь»]. 1918, 8 марта. С. 3).

13 апреля

А З.Н. Гиппиус меня и за человека не считает (смотри вечернюю биржевку 10. IV).

В статье «Люди и нелюди» З.Н. Гиппиус писала о Блоке, Есенине и А.Н. Бенуа, сотрудничавших с большевиками: «Они не ответственные. Они — не люди» (Крайний Антон [Гиппиус З.Н.] Люди и нелюди // Новые ведомости. 1918. № 13, 10 апр.).

11 мая

Поразительное известие от Разумника Васильевича (вчерашний № «Дела Народа» — отказы Пяста и Ахматовой от меня. Сологуб тоже).

Анонимная заметка «Тоска по сретенью» в газете «Дело народа» заслуживает того, чтобы привести ее целиком: «На улицах висят многообещающие афиши о вечере поэтов общества “Арзамас”. Афиши по новой орфографии, с поэмой Блока “Двенадцать” и вообще с обещанием “сретений”. В числе участвующих объявлен ряд поэтов, двое из которых заявили следующее:

“Прочитав свое имя среди имен участников вечера поэтов “Арзамас”, считаю нужным заявить, что согласия на участие в этом вечере я не дала и просила мое имя в программу не ставить”. Анна Ахматова.

“На понедельник, 13 мая, общество “Арзамас” объявило “Вечер С-Пб поэтов”, в числе участников которого значусь и я. Вынужден заявить, что согласия на помещение моего имени я не давал, и выступать на вечере с такою программой и с гг. Рюриком Ивневым и Александром Блоком в числе участников не считаю для себя возможным”. Вл. Пяст.

История повторяется: в свое время был объявлен вечер, где “русская интеллигенция” должна была демонстрировать свою любовь к советской власти в лице г. Луначарского. Увы, и тогда для большинства намеченных к “сретенью” (Петрова-Водкина, Иванова-Разумника и др.), появление их фамилий на афишах оказалось сюрпризом (Дело народа. 1918. № 38, 10 мая. С. 2).

На афише вечера было обозначено: «“Двенадцать” — поэма А. Блока — Л.Д. Басаргина-Блок».

13 мая

Купить «Эхо»; — оно конфисковано, как и все вечерние газеты, кроме «Биржевки». Расстройство, дело валится из рук.

21 мая 1918 г. в газете «Эхо» опубликовано стихотворение Блока «При посылке роз...» («Смотрел от века бог лукавый...»).

15 июня

Купить «Молву» (утреннюю и вечернюю).

Возможно, Блока заинтересовала статья, помещенная и в утреннем и в вечернем выпуске газеты «Молва»: Г[оллербах?]. Преступление русской литературы // Молва. 1918. № 9, 15 (2) июня. С. 2; № 10, 17 (4) июня. С. 2. Пересказывая в № 9 мысль Розанова из «Апокалипсиса нашего времени» об ответственности, которая лежит на русской литературе за развал исторической России, автор соглашался с Розановым и развивал его идеи. По его мнению, русская интеллигенция не услышала призыв Достоевского «смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на народной ниве», как не услышала она слов, обращенных Достоевским к русскому скитальцу. И это дорого обошлось России. «Кровью своей она заплатила за него, кровью избранников и кровью народной. И сколько бы она ни гордилась этим величием своих целей, этим нравственным максимализмом, вековым пятном останется на нас то, что мы были только максималистами, только вещателями высоких истин, но не были осуществителями, — а когда попробовали, то провалились в бездну ничтожества и позора. В существе своем и не нами добыты высокие истины, которыми мы горели; мы сумели только с несравненной силой художественного слова вновь возгласить их. Но никогда мы не умели воплотить их в жизни, ибо никогда не умели совместить с этим воплощением строительство жизни. Да и что могут строить на земле принципиальные скитальцы? На небесах они могут прочертить путь, высокий, соблазнительный и недоступный, но кто же из нас в силах вступить на этот путь?» В № 10 внимание Блока могла привлечь статья П. Пильского «Проклятие и судьба: Памяти Дальского (К девятому дню)» (С. 4), посвященная размышлениями о необычной судьбе и обстоятельствах смерти актера-анархиста.

19 июня

Газеты всё пишут обо мне.

В газетах продолжалось обсуждение поэмы «Двенадцать», стихотворения «Скифы» и статьи «Интеллигенция и революция». Аннотированный список публикаций см.: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 5. С. 761–762.

22 июня

Телефон на Лиговку Р.В. Иванову, он рассказывает, что с неделю назад был в «Современном Слове» фельетон А. Крайнего обо мне (Иванов-Разумник — «фон Зон», я — самореклама, печатаюсь неприлично в советских и буржуазных изданиях) — яростная и мелкая злоба.

В статье З. Гиппиус речь шла об издании: Блок А. Двенадцать. Скифы / Предисл. Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре». СПб.: Революционный социализм, 1918. Поскольку предисловие по размеру превосходило поэму, было сказано, что это «как бы г. Разумник — с послесловием Блока» (Крайний Антон [Гиппиус З.Н.]. *Неприличия* // Современное слово. 1918. № 3554, 16 (3) июня. С. 1–2). Фон Зон — чиновник, убитый в 1869 г. в публичном доме. Персонаж с таким именем упоминается в романах Достоевского «Подросток» и «Братья Карамазовы»; во втором случае его именем назван приживальщик «на всё готовый» (Ч. 1. Кн. 2. Гл. 8). Неизвестно, читал Блок этот фельетон или знал его в пересказе Иванова-Разумника.

27 июня

«Новая Жизнь» сегодня.

Запись сделана поперек листа, вклеена вырезка из газеты «Новая жизнь», редактором которой был М. Горький:

«К постановке пьесы А. Блока “Роза и Крест” в Александринском театре. Художественно-репертуарный комитет Александринского театра, как у нас уже сообщалось, включил в репертуар будущего сезона пьесу Александра Блока “Роза и Крест”. Пьеса эта, однако, вряд ли увидит свет рампы Александринского театра. Решение художественно-репертуарного комитета государственной драматической труппы было обусловлено тем, что “Роза и Крест” будет поставлена лишь тогда, если против этой постановки не будет возражать Художественный театр в Москве, который уже давно готовится к постановке пьесы Блока. Ныне выяснилось, что Художественный театр считает нежелательным, чтобы пьеса “Роза и Крест” одновременно ставилась на его сцене, а также на сцене Александринского театра. Мотивирует это он тем, что в будущем сезоне Художественный театр придет в Петербург и поставит, между прочим, пьесу А. Блока, которая пойдет в Москве в начале предстоящего сезона. Таким образом, Александринский театр лишается возможности привести свое решение относительно пьесы “Роза и Крест” в исполнение».

7 июля

Вечерняя «Красная газета». Я одичал и не чувствую политики окончательно.

В вечернем выпуске «Красной газеты» помещена статья «Выступление левых эсеров в Москве» (№ 111, 8 июля. С. 1).

16 июля

Вклеена вырезка из газеты с пометой Блока: «“Новая Жизнь” — 16 VII 1918».

«Музыка и зрелища. Московский художественный театр».

По полученным в Петрограде сведениям, Московский художественный театр решил открыть предстоящий сезон 3-го октября (20-го сентября старого стиля). Для открытия пойдет пьеса Александра Блока “Роза и Крест”. Над постановкой этой пьесы работают В.И. Немирович-Данченко и К.С. Станиславский. Огромную роль в пьесе Александра Блока в постановке Московского художественного театра будет играть музыка, которая написана молодым композитором С.И. Потоцким. Музыка не является вставными номерами, а наполняет собою всю пьесу. Главные роли исполняют: г-жи Коренева и Пыжова и гг. Качалов, Массалитинов, Вишневский и Лужский. Пойдет “Роза и Крест” в особой постановке, так как декорации совершенно будут отсутствовать.

В предстоящем сезоне Московский художественный театр, кроме того, поставит пьесу Толстого “И свет во тьме светит”. Постановка пьесы Толстого, порученная режиссеру А.А. Санину, будет готова, по всей вероятности, в марте будущего года. В постановке пьесы “И свет во тьме светит” примет также участие артист Московского художественного театра И.М. Москвин. Репетиции этой пьесы начались еще в минувшем сезоне. Обе новые постановки Московский художественный театр имеет в виду показать в будущем сезоне петроградской публике. По всей вероятности, впервые гастроли Московской художественной труппы состоятся в Александринском театре.

Михайловский театр, в котором до сих пор гастролировал Московский художественный театр, найден по разным причинам неудобным».

4 августа

Почти все газеты закрыты.

5 августа

Все буржуазные газеты закрыты.

19 августа

Вклеенная вырезка из газеты с пометой рукой Блока на л. 119 об.: «Утренние Новости, 20. VIII. № 9»:

«Книжная полка.

Недавно организовавшееся в Петрограде издательство “Алконост” выпустило в свет первую книжку — стихотворения А. Блока “Соловьиный сад”. В этой маленькой изящно (даже роскошно по нынешним временам) изданной книжечке помещено всего семь стихотворений, объединенных одной мыслью. В этих стихах поэт уходит от овладевших им в последнее время тем в соловьиный сад чистой поэзии и слагает прежние гимны, которые так высоко ценят любители истинной нетленной поэзии».

30 августа

Убит Урицкий (на приеме студентом Канегиссером). В «Красной газете» — передовая «Смерть буржуям».

Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918) — председатель Петроградской ЧК, убит студентом Леонидом Канегиссером, расстрелянным за это по приговору ЧК.

31 августа «Красная газета» сообщила об убийстве Урицкого и покушении на Ленина, здесь же помещена передовая статья «Кровь за кровь» (№ 181, 31 авг. С. 1) и заметка «К стенке!» (Там же. С. 2). Заметки «Смерть буржуям» в этих номерах не выявлено.

10 сентября

Тот офицер, о котором я, по просьбе Зоргенфрея, писал Луначарскому, оказался заложником (сегодняшний список в «Красной газете»).

Блок хлопотал по просьбе В. Зоргенфрея об освобождении его знакомого офицера, арестованного в Луге и привезенного в Петроград в качестве заложника. Блок по этому поводу обращался к Луначарскому. В «Красной газете» 8 сентября в передовой статье «Минувшая и грядущая неделя» было сказано: «За убийство тов. Урицкого петроградский пролетариат ответил снятием голов пяти сотен белогвардейцев». 10 сентября в «Красной газете» под заголовком «Ответ на белый террор» были помещены списки заложников, где в том числе назван Иванов Владимир Дмитриевич, поручик (Красная газета. 1918. № 189, 10 сент. С. 2).

22 сентября

Какие-то всеобщие военные обучения.

Декрет ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству» на территории РСФСР был принят еще 22 апреля 1918 г. Согласно этому декрету вводилось всеобщее военное обучение трудящихся от 16 до 40 лет по восьминедельной программе для подготовки боевых резервов и пополнения Красной Армии. Специальным постановлением правительства от 12 апреля 1919 г. РВС республики предоставлялось право давать отсрочки «незаменимым» сотрудникам ряда ведомств и учреждений (Известия ВЦИК. 1919. № 81, 15 апр. С. 1). Блок, которому еще не исполнилось 40 лет, был вынужден постоянно хлопотать об отсрочке, в том числе через М. Горького.

24 сентября

Расстрелян в Валдае Меньшиков (нововременец).

Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) — критик и публицист, в последние годы — постоянный сотрудник газеты «Новое время». Был расстрелян 20 сентября на глазах у собственных детей в Валдае Новгородской губернии, где у него был дом. Сообщение об этом опубликовано в ряде газет (Литературная жизнь России... С. 262).

1919

17 января

Люба — хлопотать о революционном налоге, чтобы отменили (разъяснение в газете).

Речь идет о так называемом чрезвычайном налоге, который был введен в январе 1918 г.; М. Лигин поместил в «Правде» несколько статей, где доказывал неправильность методов взывания налога, в частности, статью «Чрезвычайный налог и домовые комитеты» (Правда. 1919. № 7, 12 янв. С. 1). По поводу этих публикаций в статье М. Крестинского «О чрезвычайном налоге» 16 января были помещены разъяснения, которые и имеет в виду Блок.

25 января

Фельетон о «России и интеллигенции» в московской «Правде» (привез Алянский).

Отзыв о книге Блока «Россия и интеллигенция» в статье М. Левидова «Переступившим черту», где говорилось: книга — «исповедь этого отщепенца от интеллигенции, этого изгоя, одного из немногих, имевшего достаточно нравственного мужества, чтобы почувствовать трагедию, и одаренного достаточно талантливой душой для того, чтобы в слиянии с народом и революцией достигнуть разрешения трагедии. <...> В рассмотренных статьях Блока — ключ к поэме “12”, лишь ознакомившись с ними можно понять, как удалось этому интеллигенту из интеллигентов преступить “недоступную черту” и в художественных образах выявить душу народа или, что то же, душу революции» (Правда. 1919. № 12, 18 янв. С. 2).

Важнейшее радио «союзников» в газете.

Имеется в виду статья «Союзники и мы» о конференции держав Согласия, которые в прошлом, до подписания Брестского мира, были союзниками России в Первой мировой войне. Конференция должна была состояться по инициативе Ллойд-Джорджа и Вильсона (Правда. 1919. № 10, 16 янв. С. 1).

15 марта

Газеты полны левыми с.-р.

В «Красной газете» восстанию левых эсеров посвящены сразу три материала: перекладовая статья «Позорный конец» (С. 1), статья М.Л. «Кто они?» (С. 2) и под рубрикой «Провал провокаторов» (С. 3) подборка резолюций рабочих собраний на заводах и фабриках по докладам о действиях левых эсеров с осуждением их забастовок (Красная газета. 1919. № 60, 16 февр.; утр. вып.).

3 мая

Объявление о каком-то призыве.

4 мая в газете «Северная коммуна» опубликован приказ Комиссариата по военным делам Петрограда о пробной мобилизации по районным полкам для учета лиц, которые должны пройти военное обучение (Северная коммуна. 1919. № 97 (290), 4 мая. С. 1).

4 мая

Кое-что работал. Но работать по-настоящему я уже не могу, пока на шее болтается новая петля полицейского государства.

6 мая

В «Правде» опубликованы обязанности дежурных (шпионаж и сыск).

Имеется в виду статья И. Мгеладзе «Борьба с недостатками Советского механизма» об образовании при Комиссариате контроля Центрального бюро жалоб и заявлений. В воззвании Комиссариата содержался призыв поставить под контроль населения деятельность местных органов власти и предлагалось обращаться с жалобами на них в Бюро: «Жалобы могут подаваться по поводу незаконных действий лиц или учреждений, по поводу злоупотреблений, канцелярской волокиты, грубого обращения и т.п. Заявления могут подаваться по поводу нецелесообразности действий лиц или учреждений, по поводу преобразования или улучшения системы управления народного хозяйства и т.п. Подача жалоб сильно облегчена: они могут подаваться не только письменно, но и устно. В приеме жалоб или заявлений выдается расписка. Авторам жалоб и заявлений обеспечивается полная безопасность, если их жалобы или заявления не будут носить заведомо ложного или клеветнического характера. Перед нами — на вид весьма скромная, но по существу невиданная в мире мера: государственная власть ставит своих агентов под надзор всего населения, всех честных граждан республики. Этого, конечно, нет и не может быть там, где у власти стоит буржуазное или помещичье меньшинство, где власть является орудием подавления и угнетения большинства» (Правда. 1919. № 35, 6 мая. С. 1).

20 мая

Новые запугиванья декретами.

20 мая газета «Правда» вышла с лозунгом: «Враг у ворот Красного Питера. Пролетарии, воины революции — нерушимую стеною станьте на его защиту» (Правда. 1919. № 107. С. 1).

27 мая

Красные отступают на всех фронтах.

Речь идет о положении на фронте, который в этот момент придвинулся к Петрограду. В заметке «Вести с фронта» содержится оперативная сводка за 25–26 мая 1919 г., где сказано, что белофинны произвели нападение в районе Перминки в 40 верстах от Петрограда. На Нарском направлении под натиском противника советские части оставили Капорье и отошли на новые позиции. Здесь же сообщалось об отступлении красноармейцев под натиском противника на Южном и Восточном фронтах (Правда. 1919. № 113, 27 мая. С. 3).

31 мая

«Правда» = «Новое Время». Ленин о шпионах.

В этот день в газете «Правда» опубликовано воззвание за подписью В.И. Ленина и Дзержинского:

«Берегитесь шпионов!

Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград со всей очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций.

Все должны быть на посту.

Везде удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их.

Железнодорожные работники и политические работники во всех без изъятия воинских частях в особенности обязаны удвоить предосторожности.

Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту советской власти. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по военному организационной связи с комитетами партии, с Ч.К., с надежными и опытнейшими товарищами из Советских работников.

Председатель Совета Рабочее-крестьянской обороны В. Ульянов (Ленин)

Наркомвнудел Ф. Дзержинский» (Правда. 1919. № 110, 31 мая. С. 2).

1 июня

Сойдутся рабы — под угрозой воинской повинности и другими бичами. За рабовладельцем Лениным придет рабовладелец Милюков, или другой, и т.д.

23 июня

Полдня ушло на исполнение декретов. Не стоит больше записывать ничего, кроме дел.

24 июня

Удостоверение (сыщики будут спрашивать). (См. «Правда» 22 VI)

В номере «Правды» за 22 июня № 134 никаких заметок, касающихся проезда по железной дороге, не обнаружено. Но в № 132 за 20 июня есть заметка «Ухищрения мешочников», где сказано: «В связи с запрещением проезда по жд частным пассажирам, на жел. дор. Московского узла наблюдается массовая посадка на пригородных станциях пассажиров с дачных на дальние поезда с целью таким образом обойти декрет. Дорожные коллегии по сокращению пассажирского движения, организованные на дорогах для проведения в жизнь последнего декрета, против новой уловки спекулянтов принимают соответствующие меры. Перед штабом войск ВЧК возбуждено ходатайство о командировании ежедневных нарядов на пригородные станции» (Правда. 1919. № 132, 20 июня. С. 4).

13 июля

Газетка «Правда» призывает уничтожать торгующих на рынках.

Имеется в виду статья С. Каплун «Жестокая язва: К вопросу о детской спекуляции», где речь шла об использовании детского труда для торговли на рынках. Статья заканчивалась призывом: «...надо обратить внимание на тех героев преступного мира, которые на эксплуатации детей сделали себе доходную профессию. Все меры должны быть направлены к освобождению из их пут несчастных детишек, а по отношению к ним самим не должно знать никакой пощады. Все силы инспекции труда должны быть направлены на уловление и уничтожение этих гадов» (Правда. 1919. № 201, 11 сент. С. 1–2).

4 августа

Требуют каких-то новых удостоверений, мешая работать еще раз (со-тый?). Стрельна — очень холодное купанье.

3 августа в «Правде» опубликовано Постановление Совета рабоче-крестьянской обороны от 1 августа, где среди прочего сказано: «Поручить исполкомам, совместно с местными бюро профессиональных союзов, проверку правильности выдач разрешений на поездку и наблюдение за выдачей их...» (Правда. 1919. № 170, 3 авг. С. 3).

4 мая в газете «Северная коммуна» опубликован приказ Комиссариата по военным делам Петрограда о пробной мобилизации по районным полкам для учета лиц, которые должны пройти военное обучение (Северная коммуна. 1919. № 97 (290), 4 мая. С. 1).

6 августа

В газетке — новая пошлость — призыв на «всеобщее военное обучение».

7 августа в «Правде» (№ 173. С. 3) под рубрикой «Действия и распоряжения советской власти» опубликовано постановление совета рабоче-крестьянской обороны о дополнительном призыве в армию.

1 сентября

В вечерней рептилийке — первые признаки приближения грабежа дров.

«Рептильными» Блок называл советские газеты. Вероятно, имеется в виду «Вечерняя Красная газета».

3 сентября

В веч<ерней> газете — можно догадаться: сдан Киев; Псков не взят с бою, а просто брошен (там сидели какие-то прохвосты). — Угрозы новой квартирной комиссией.

3 сентября в «Правде» (№ 194. С. 1) помещено сообщение с Юго-западного фронта: «30 августа после упорных боев противник занял южные предместья Киева».

НИКОЛАЙ БЕЛОЦВЕТОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ, ЭПИСТОЛЯРНЫЕ И ПОЭТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА¹

В статье рассматривается несколько малоизвестных эпизодов биографии Николая Белоцветова (1892–1950), поэта, философа, публициста, переводчика, видного участника русского антропософского движения. На основании архивных материалов реконструированы обстоятельства его деятельности в первые советские годы в качестве сотрудника Музейного отдела Наркомпроса вплоть до его побега в сентябре 1920 г., приводятся свидетельства близкого окружения Белоцветова во время жизни в эмиграции в Латвии и Германии, существенные для интерпретации его литературного творчества, в том числе его незаконченного романа «Михаил», опубликованный фрагмент которого под заглавием «Коммуна пролетарских миссионеров» (Берлин, 1921) представляет собой один из ключевых текстов для понимания взаимоотношений между антропософской средой и советской идеологической доктриной. В статье также используются материалы лишь частично сохранившегося семейного архива Белоцветова времени эмиграции и приводятся несколько неизданных эпистолярных и поэтических источников.

The article examines several little-known episodes of the biography of Nikolai Belotsvetov (1892–1950), poet, philosopher, publicist, translator, prominent participant of the Russian anthroposophic movement. The circumstances of his activity during the first years of Soviet State as an employee of the Museum Department of the People's Commissariat of Education and until his escape in September 1920 are reconstructed on the basis of archival materials. The article presents the evidence of Belotsvetov's close environment while living in exile in Latvia and Germany, essential for the interpretation of his literary work, including his unfinished novel "Michael". The published fragment of this novel entitled "The Commune of Proletarian Missionaries" (Berlin, 1921) is one of the key texts for understanding the relationship between the anthroposophic environment and Soviet ideological doctrine. The article also uses materials from the partially preserved Belotsvetov family archive of the period of his emigration and contains several unpublished epistolary and poetic sources.

Ключевые слова: Николай Белоцветов, Андрей Белый, Игорь Чиннов, Юрий Иваск, русская культура эмиграции в прибалтийских странах, русская антропософская традиция.

Keywords: Nikolai Belotsvetov, Andrei Bely, Igor Chinnov, Yuri Ivask, Russian culture of emigration in the Baltic countries, Russian anthroposophic tradition.

После получения известия о смерти своего ближайшего друга, поэта, переводчика и публициста Николая Белоцветова (3 [15].5.1892, С.-Петербург — 12.5.1950, Mülheim a.d. Ruhr), его сподвижник по антропософской работе Валентин Томберг писал: «<...> Нахожу утешение в сознании, что отход был в настоящем смысле слова *праведным*, т.е. не только в смысле готовности

при помощи таинств Церкви, но и в смысле воли остаться на земном посту до конца»². Этот образ служения призван характеризовать те духовные и религиозные искания, которым Белоцетов посвящал себя на протяжении многих лет. Биографическая канва Белоцетова в главных чертах проявлена благодаря его собственным свидетельствам, документам фрагментарно сохранившегося личного архива периода эмиграции и сведениям, которые сообщила нам его дочь Людмила [Белоцетов 2006, с. 13–52; см. также: Поляков 2005]. Об интенсивности антропософских занятий Белоцетова в раннее время может дать представление оставленная им у доверенных лиц перед бегством из советской России часть архива за 1907–1920 гг. (НИОР РГБ. Ф. 24; предварительно описана в 1937 г.). Белоцетов был связан теснейшим образом (еще с 1913 г.) как с Дорнахом, так и со многими русскими последователями Рудольфа Штейнера [Maydell 2005; Obolęńska 2011].

Роль Белоцетова в русском антропософском движении изучалась его историком Людвигом Новиковым [Obolęńska, Rzeczycka, Федоров 2017]. В 1981 г. Новиков обращался к поэту Игорю Чиннову (1909–1996), который был знаком с Белоцетовым по довоенной Риге. Полученный ответ оказался весьма краток и, возможно, неудовлетворителен именно для историка русской антропософской традиции: «Вы спрашиваете о Н.Н. Белоцетове. Я с ним часто встречался после его отъезда из Берлина, а в Париже издал его сборник “Жатва”. У него были хорошие стихи, но мешала ему антропософия. Да, потом он и жена перешли в католичество... Его глубоко запавшие темные глаза были с каким-то “серьезным вопрошанием” (а отец был внедуховный, гл. директор страх<ового> общ-ва “Саламандра”, где трое моих дядей, ф. Морр: Курт, Эрих, Вальтер, адвокаты, были директорами. Мать Н.Н. была из англичан, Тикстон). А в Риге он издал “Шелест”, в Берлине у Петрополиса, давно, “Дикий мед”. Но, конечно, он был “a minor poet”» [Чиннов 2002, с. 222]³.

В сентябре 1934 г. благодаря посредничеству Белоцетова Чиннов вступил в переписку с Юрием Иваском (1907–1986), который впоследствии стал одним из его ближайших друзей [Чиннов 2007]⁴. Живший в Эстонии Иваск лишь мельком встречался с Белоцетовым, так что их общение осталось эпизодическим. Разумеется, в переписке Иваска и Чиннова, начинающих поэтов с юридическим образованием, в 1935 г. Белоцетов еще не превратился в “minor poet” и его творчество предоставляло тему для их разговора о литературе. Чиннову, например, «всегда казалось несправедливым, что кое-кто там <в Париже — Ф.П.> пишет почти так же прекрасно (Иванов, Червинская; отдельно от темы этой, — Оцуп), почти так же, как Белоцетов»; и если у Георгия Иванова и Георгия Адамовича «не везде там поэзия», то у Белоцетова «есть в стихах хоть отдаленно душа поэзии, а у тех иногда только ее прекрасное тело <...>» [Чиннов 2007]. При этом Чиннов последователен в своем отторжении от антропософского облика Белоцетова: поэт «превращает себя в “духовную машину”»; «Очень люблю стихи Белоцетова, они благородные и

настоящие. <Ирзб.> Белоцветов необыкновенный человек, хотя в нем много темного, я очень люблю его (как человека и как поэта)» [Там же]. Как мы видели по письму к Новикову, такое отношение к антропософским занятиям Белоцветова у него не изменилось и много лет спустя.

В марте 1941 г. Белоцветову, который уехал из Берлина в 1933 г. после захвата власти нацистами и начала организованного идеологического давления внутри русской берлинской колонии, удалось из Риги вернуться с семьей в Германию, спасаясь от последствий раздела балтийских стран в соответствии с секретным соглашением в рамках договора между Германией и СССР (пакта Молотова-Риббентропа) [Белоцветов 2006, с. 34–36]. Напомним, что Иваск в 1938 г. вследствие своих просоветских симпатий оказался в Печорах, а после оккупации Эстонии войсками Третьего Рейха был взят в заложники и мобилизован на военную службу [Исаков 2005, с. 399; Пономарева, Шор 2009, с. 116–117; Научное зарубежье 2011, с. 300–301]. В 1943 г. он женился на рижской поэтессе Тамаре Георгиевне Шмелинг (Межак, 1916–1982), о которой еще в 1935 г. Чиннов писал ему: «Вот Вы спрашиваете меня о моих друзьях. Лет шесть тому назад Белоцветов меня познакомил с Тамарой Шмелинг, почти ученицей, писавшей стихи» [Чиннов 2007, с. 113]⁵. В 1944 г. на территории Германии «он попал в части, стоявшие в Померании, там угодил в английский плен, а потом его, конечно, выпустили» [Андреев 2008, с. 481]. Избежав депортации, Иваск находился в лагере для перемещенных лиц под Гамбургом, в 1946–1949 гг. получил возможность заниматься славистикой и русской литературой в Гамбургском университете, а в 1949 г. отправился в США и продолжал свои научные занятия уже в Гарварде [Кульпа 1989; Пономарева 2006].

После своих злоключений Иваск предпринял безуспешную попытку разыскать Белоцветова; так и не встретившись с ним в Германии, он смог установить контакт из Гарварда незадолго до кончины Белоцветова. Вскоре в «Новом журнале» (1950, т. XXIV, с. 145–147, 225–227) были опубликованы четыре стихотворения Белоцветова [Белоцветов 2006, с. 124–126, № 111–114] и написанный Иваском некролог [Там же, с. 193–195]. Через несколько месяцев вдова поэта, Анна Федоровна Белоцветова (урожд. Штокмар, 1896–1978), отправила Иваску письмо, представляющее значительный интерес для биографии Белоцветова; приводим его полностью:

Глубокоуважаемый Юрий Павлович!

Давно уже собиралась написать Вам, даже еще при жизни Николая Николаевича, но тогда это было совершенно невозможно. Теперь же начинаю, правда, очень медленным темпом, отзываться на письма. И то с большими перерывами.

Мне хотелось поблагодарить Вас за доставленные Вами дорогому ушедшему радость: Вы успели еще Вашим письмом, Вашей любовью к его поэзии доставить ему настоящую радость. А эта радость означала для него в глубоко страдную, предсмертную пору жизни немало. Спасибо вам!

Жалею очень, что Ваше желание разыскать Николая Николаевича в Германии не осуществилось: тогда, я уверена, разъяснились бы те иллюзии, которые он вывез в Вас в Ревеле, в 1933 г.⁶ Понимаю Вас очень: было в Н.Н. нечто, казавшееся

совершенно таинственным, неуловимым, необычным. И *высота* его человечности могла вызывать иллюзию ее отсутствия. Знаю по собственному опыту, как трудно вообще сказать что-либо о Н.Н., ибо он действительно явление не совсем обычное по своей многогранности и глубине. Одаренный творческой большой музыкальностью, он в молодости мечтал стать композитором. По воле судьбы его музыкальное дарование нашло свое проявление в поэзии (в минуты вдохновения, когда он бывал окружен людьми, любившими его игру, он прекрасно импровизировал на рояле).

Очень рано заговорил в нем мыслитель, и мыслитель совершенно самостоятельный. Уже 14-ти лет он начал серьезно заниматься философией и несколько позднее читать доклады в петербургском юношеском кружке, носившем характерное название — «Честность с собой». В 1911 году, девятнадцатилетним юношей (он родился в Петербурге, 3 мая 1892 г.⁷) он издал свою первую философскую брошюру — «Проблема чужой одушевленности»⁸, и в 1915 г. свое философское credo — книгу «Религия творческой воли»⁹. В том же 1915 г. он добровольцем поступил в Михайловское Артиллерийское Училище, которое окончил в 1916 г.¹⁰ Сейчас же по окончании был послан на фронт и вернулся с него в ноябре 1917 г. по состоянию здоровья, вызванному легким отравлением газом под Двинском. Оба брата вернулись в Петербург с красными тельниками и георгиевскими крестами¹¹.

Мирнейший по своему складу человек пошел добровольцем на войну под влиянием очень рано проснувшейся в нем совести: он хотел разделить общее несчастье... Еще совсем, совсем маленьким мальчиком его сердце было глубоко уязвлено гудком фабричной сирены, будившей его по утрам. Он слышал от матери, что эта злая сирена заставляет людей — «рабочих» — ежедневно отправляться на работу, и в зимнюю тьму и холод. И не раз плакал он в своей маленькой кроватке, жалея этих людей. Этот звук сирены и это глубочайшее сострадание к людям символичны для всей жизни Николая Николаевича. Это сострадание никогда не оставалось платоническим. Както в детстве подарили ему серебряный рубль (Н.Н. вырос в очень богатой семье, но денежными подарками его не баловали). При встрече с нищим он подарил ему этот рубль, не задумываясь. Широко помогал он людям, когда был состоятельным, и такой же «серебряный рубль» человечеству, скажу по совести, — весь труд его жизни. Труд философа, теолога, мистика, романиста, драматурга, лирика... Правда, этот рубль до человечества не дошел. От него сохранились только совсем маленькие кусочки. Но чем большим Николаю Николаевичу приходилось в жизни жертвовать (ведь он собственноручно сжег в Риге рукопись своего любимого детища — свой большой роман «Михаил» и многое другое, перед отъездом в марте 1941 года, дабы как-нибудь не подвести остающихся друзей), тем явственнее проступала «тайна» его существа — его *любовь*, любовь к Богу, человеку, ко всему миру. Николай Николаевич был прежде всего *христианином* и в жизни, и во всех проявлениях своего творчества (из Антропософского Общества мы оба выступили в 1934 году). И к христианству он пришел сознательно еще в ранней юности, особенно, как это ни звучит парадоксально, под влиянием изучения Ницше. (Так же парадоксально — чтение «Пола и характера» Вейнингера углубило в нем его благоговение перед женщиной...) И его христианство не было только плодом крылатой мысли и строгой логики: оно исходило из всей глубины его существа, из его большого горячего сердца...

Мне хотелось показать Вам хоть кусочек, хоть начало жизненного пути Н.Н. и дать заглянуть в сердцевину его существа, зная его в течение 23 лет, после семнадцати лет неразлучного брака и самой близкой дружбы с ним. *Многое* хотелось бы еще прибавить к сказанному ... ради *правды* о Н.Н.

Надеюсь скоро выслать одну фотографию Н.Н. — на погляденье, дабы Вы увидели его хоть на фотографии en face¹² и с семьей (он был почтительнейшим сыном и забот-

ливым и нежным братом и семьянином) и вторую Вам в подарок — за доставленную Вами своим письмом радость Н.Н-чу.

С сердечным приветом Вам и Тамаре Георгиевне

Ваша Анна Белоцветова.

<P.S.> Вместе с фотографиями собираюсь выслать и книгу стихов Н.Н.¹³

В письме Анны Белоцветовой, помимо неизвестных из других источников психологических характеристик и сведений о личности поэта (например, раскрывается авторство его ранней философской работы), указано, что в Первой мировой войне он принимал участие добровольцем, т.е. не находился на военной службе по мобилизации. Сообщение о его награждении также встречается в антропософском источнике — полностью не изданных воспоминаниях А.Д. Лебедева, т.е. косвенно восходит к самому Белоцветову; ср. сокращенный пересказ этих воспоминаний в комментариях к переводу мемуарной книги Маргариты Волошиной: «Белоцветов был мобилизован во время войны 1914–1918 гг. и, уже после переворота, Солдатский комитет наградил его Георгием» [Волошина 1993, с. 405].

Возвратившись с фронта в ноябре 1917 г., Белоцветов длительное время находился в Москве и с перерывами состоял на службе в Наркомпросе. Представляется, что переезд состоялся не позднее второй половины 1918 г.; во всяком случае, в дневниках Белого появление Белоцветова «в нашем кружке поднятия уровня жизни в А<нтропософском> О<бществе>» отнесено к августу 1918 г. [Белый 2016, с. 444]. Кратчайшее упоминание о нем в научно-популярной книге искусствоведа Евграфа Кончина об «эmissарах восемнадцатого года» (1981 г.) в числе сотрудников V-го подотдела провинциальной охраны памятников искусства и старины Музейного отдела Наркомпроса — как «писателя», который «в июле 1919 г. перешел по состоянию здоровья в более спокойный музыкальный отдел Наркомпроса. Вот и все о нем сведения» — отпечаток внешнего взгляда в подцензурное время. Неудивительно, что историко-культурный контекст взаимодействия московского антропософского круга с советскими учреждениями в этом изложении остался скрытым; позднее эта тема получила освещение в исследовании Ренаты фон Майдель [Maydell 2005, s. 237–239]¹⁴.

На основании личного дела Белоцветова в актах Наркомпроса выясняется следующее. Наиболее раннее обращение в «Коллегию по делам музеев и охраны памятников искусства и старины» датировано 21 сентября 1918 г.: «Прошу зачислить меня в сотрудники регистрационной комиссии. / Н. Белоцветов. / Адрес: Арбат, Б. Николо-Песковский пер. д. 13/15 кв. 2»¹⁵. На заявление была наложена резолюция: «Принять с 24/IX на оклад 940 р.», затем отмечено: «Работает с 24 сентября в качестве квалифицированного сотрудника на окладе в 800 р.». 30 сентября 1918 г. Белоцветову было выдано удостоверение «в том, что он состоит Сотрудником Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению, что под-

писью и приложением печати удостоверяется». Непосредственным начальником Белоцветова в V-м подотделе был известный антропософ Трофим Трапезников; как выясняется по анкете Наркомпроса, он же и рекомендовал Белоцветова для работы в этом учреждении. Заполняя анкетный лист, Белоцветов постарался обойти молчанием свое университетское образование и военную службу. Указание в этих документах разных адресов за короткое время (один на Арбате, два на Остоженке) подтверждает, что ему во время пребывания в Москве приходилось менять жилье. В данной анкете упомянут тот же доходный дом на Остоженке, в Савеловском (ныне Пожарский) переулке, где осенью 1923 г. в квартире Е.Я. Хазина останавливались Осип и Надежда Мандельштам:

<...>	
Общее образование	<i>Средне-учебное заведение</i>
Профессия (специальность)	<i>Литератор</i>
<...>	
Прежняя служба	
а) Где работал раньше	<i>Занимался литературной работой</i>
б) По каким должностям	
и сколько времени работал	<i>(Прочерк)</i>
в) Когда оставил последнюю должность	<i>(Прочерк)</i>
г) Причина ухода с последней должности	<i>(Прочерк)</i>
д) Какой имел там заработок	<i>Заработок неопределенный</i>
VI Рекомендация	
а) Профессиональные, аттестаты лиц ,	
учреждений, свидетельства о профессио-	
нальном образовании или рекомендации	
известных лиц	<i>(Прочерк)</i>
б) общественно-революционные	<i>(Прочерк)</i>
в) партийные	<i>(Прочерк)</i>
г) революционных организаций	<i>(Прочерк)</i>
д) личные	<i>Рекомендация Трапезникова</i>
VII	
а) Адрес служащего	<i>Остоженка. Савелов пер. д. 9, кв. 27</i>
<...>	

С должности эмиссара он перешел по вакансии на другое место (заявление от 31 мая 1919 г.): «Прошу назначить меня на должность делопроизводителя в под.отдел провинциальной охраны к заведующему губернскими под.отделами. До сего времени состоял эмиссаром в V под.отделе. Оставил службу по собственному желанию»¹⁶. Проработав там несколько месяцев начиная с 6 июня, Белоцветов ушел со службы, но затем обратился на прежнее место работы с заявлением: «Прошу назначить меня эпизодическим сотрудником в 3-ий под.отдел провинциальных музеев. Я служил с сентября 1918 г. по июль 1919 г. в 5-ом под.отделе провинциальной охраны, но должен был оставить

эту службу по болезни» (здесь указан адрес: «Москва, Остоженка 40 кв. 9»)¹⁷. Заявление было поддержано заведующим III-м подотделом искусствоведам Н.Г. Машковцем, также имевшим отношение к антропософскому кругу: «Прошу зачислить Н.Н. Белоцветова сотрудником III п/о с 17 ноября 1919» (удостоверение выдано 20 ноября 1919 г.)¹⁸. К тому же времени, ровно день спустя, относится выписка из постановления Народного Суда Хамовнического района по 2-му отделению от 21 ноября 1919 г., который «в открытом судебном заседании рассматривал прошение гр. Белоцветова об освобождении от военной службы по своим религиозным убеждениям. Народный суд, находя прошение подлежащим удовлетворению, определил освободить гр. Белоцветова от военной службы, заменив ее ему работой культурно-просветительной при Наркомпросе»¹⁹. Вероятно, получать освобождение «от военной службы» пришлось в связи с мобилизационными порядками Гражданской войны, а именно в связи с законом о всеобщем воинском обучении населения от 18 до 40 лет, но нелишне отметить, что обоснование «религиозные убеждения» отличается прямотой формулировки, особенно в сравнении с анкетными умолчаниями Белоцветова в Наркомпросе.

В первой половине 1920 г. у Белоцветова, невзирая на такую передышку, созрело решение оставить свою трудовую повинность в Наркомпросе и нелегально покинуть советскую Россию. Согласно семейному преданию, отражающему многолетние размышления Белоцветова над метафизическим смыслом своего изгнания, его бегство было вызвано отнюдь не политическим противостоянием, а размежеванием внутри антропософских кругов и невозможностью продолжать, даже закрывшись на какое-то время от внешнего воздействия, свою духовную работу ни в Москве, ни в Петрограде [о его взглядах на современность и значение эмиграции для осмысления событий см. также: Maydell 2005, s. 351]. Воспоминание о городе своих мытарств в раннесоветской жизни через два десятилетия вошло в неопубликованный сборник “Fremdliedlied” («Песни чужестранца») начала 1940-х годов:

Moskau

Wie ein Henker zieht die Nacht von dannen,
Schwingt den Mond, ihr scharfes, krummes Messer.
Besser träumen, schlafen, sterben. Besser
So zu sein, wie diese stillen Tannen
Auf der stummen, schneebedeckten Erde,
Die da ruht im grauen Morgenschimmer.
Und es scheint, daß nimmer anders werde,
Daß die Sonne strahlen werde nimmer ...

Laß den Frost dir zeichnen auf den Scheiben
Frühlingsträume, Rosen und Narzissen.
Laß die Tränen lange, lange bleiben
Und erstarren auf dem kalten Kissen...
Im Bassin da, neben deinem Tische,

Schwimmt das Eis in dünnen, zarten Scherben.
Deine kleinen, dunkelgoldnen Fische
Müssen bald vor Winterkälte sterben!²⁰

<Перевод:>
Москва

Как палач, проходит ночь,
Взмахивает месяцем, своим острым, кривым ножом.
Лучше мечтать, спать, умереть. Лучше
Быть таким, как эти молчащие ели
На безгласной, покрытой снегом земле,
Что покоится в серой предрассветной мгле.
И кажется, что никогда не будет иначе,
Что солнце не засияет никогда...

Пусть мороз начертит тебе на окнах
Весенние мечтания, розы и нарциссы.
Пусть слезы долго, долго остаются
И застывают на холодной подушке...
Вот в сосуде, рядом с твоим столиком,
Плавает лед тонкими, ломкими осколками.
Твои маленькие, темно-золотые рыбки
Должны скоро погибнуть в зимнем холоде!

В Москве в антропософских кругах Белоцветов сблизился с композитором Александром Петровичем Ваулиным (1894–1976). В сентябре 1920 г. при соучастии какого-то загадочного матроса, подкупленного ими, но всё равно враждебно к ним настроенного, они втроем — Ваулин и Белоцветов со своей первой женой М.Э. Белоцветовой (впоследствии женой Валентина Томберга) — осуществили дерзкий побег на лодке по беспокойному Финскому заливу. Как передавала Людмила Белоцветова, ей «запомнился рассказ ее отца о том, как беглецы некоторое время находились в лесу, спрятавшись в сарае; ночью появился проводник, приведший их к лодке. Внезапно прозвучал выстрел, но прожектор пограничников на катере не нашел их из-за разыгравшейся непогоды на море; когда они каким-то чудом достигли финского берега, на Белоцветове оказался только один ботинок, другой он потерял во время шторма» [Белоцветов 2006, с. 40]²¹. Воспоминание о том матросе не отпускало Белоцветова; возможно, конец их путешествия, когда они достигли финского берега, был не менее драматичен, чем сам побег. В стихотворении из сборника «Дикий мед», которое посвящено этому поворотному моменту в биографии поэта, мотив собственного спасения редуцирован, полностью скрыт красочной пейзажной зарисовкой: солнце сравнивается с подсолнухом, нежный рассвет неожиданно — со сжигающим утюгом; семантически данный текст прочитывается только при знании биографического субстрата. Половину же стихового пространства занимает мотив гибели и загробного преследования:

... А когда рассвет разгладил хляби
Утюгом до боли раскаленным,
Свежий бриз взъерошил море рябью,
И пропал Кронштадт за небосклоном.

И, забыв о выглаженных волнах,
Улыбнулись хмурые чухонцы,
И за дальним лесом, как подсолнух,
Расцвело торжественное солнце.

Вот когда я вспомнил о матросе,
Что лежит под соснами простертый,
Вот когда, весло угрюмо бросив,
Вслед за мной шагнул и недруг мертвый.

И с тех пор за мною всюду ездит
Неотвязный спутник молчаливый
И грозит мне ужасом возмездий,
Как в ту ночь у бурного залива [Белоцветов 2006, с. 63–64, № 17].

Убежденность Белоцветова в невозможности достичь компромисса с идеологически агрессивным режимом получила литературное выражение — зашифрованный, полный гротескных сцен и символов роман-фрагмент «Коммуна пролетарских миссионеров» [Белоцветов 1921]. Литературная форма осмысления происходящего была обусловлена внеэстетическими задачами: «По моему глубокому убеждению, пути России сокроверны для абстрактного мышления, но нет ничего сокроверного, что не могло бы сделаться явным для художественного восприятия. Сокроверное можно и должно выявить во всей его сложности и конкретности только посредством художественного воссоздания идей и тайных импульсов, действующих за внешней оболочкой социальных событий. Лишь таким путем можно сколько-нибудь выразить истинный духовный облик России» [Белоцветов 1921, с. 3–4]. Белоцветов переехал в Берлин в 1921 г. и сразу же после прибытия занялся подготовкой к публикации своего повествования, тем более что финансовые ресурсы его семьи предоставляли такую возможность. Хронологические рамки издания оказываются тесными: издательство, в котором появилась «Коммуна пролетарских миссионеров», было создано лишь в начале апреля 1921 г. [Kratz 1999, s. 544–545, № 165], а рецензия на книгу Белоцветова (недоброжелательная) появилась в берлинской русскоязычной еженедельной газете в конце августа того же года [Иванов 1921]. Одним из прототипов романа, нелицеприятно и узнаваемо выведенный под именем Петра Николаевича Лебеды, был Андрей Белый [Maydell 2005, s. 352]. После приезда Белого в Берлин в ноябре 1921 г. Белоцветову приходилось неоднократно встречаться с ним начиная с декабря [Белый 2016, с. 471]; 12 апреля 1922 г. Белый председательствовал на заседании Вольфилы и участвовал в прениях по докладу Белоцветова «Философия свободы» [Там же, с. 474, 615, 734, № 744; Белоцветов 2006, с. 21, № 4].

Задачей автора, уже в России работавшего над замыслами романов, было выбрать и сюжетно организовать материал для описания тех процессов идеологической контаминации антропософского движения большевистской культуртрегерской верхушкой, которые и понудили его уйти в изгнание. Обращает на себя внимание математически рассчитанная схема композиции избранных глав: «Из помещаемых в сборнике глав и отрывков — “Камера обскура” в романе 3-я глава, “Лея Нэйн” — 4-ая, “Особняк на Поварской” — 9-ая, “Великий Интеллект” — отрывок из 12-ой главы; “Легенда о зерне Эдемском” входит в 18-ую главу романа. Глава “Коммуна Пролетарских Миссионеров”, по которой названа вся брошюра, — является 21-ой главой романа. <...> Две заключительные главы: “Сознательный умалишенный” и “Всем в России известный писатель” входят в роман в качестве 34-ой и 35-ой глав» [Белоцветов 1921, с. 4]. Произведение заявляет о своей фрагментарности, создавая проекцию на какой-то будущий, расширенный контекст. Очевидно, автор предполагал возможность более объемной интерпретации того, что показано в сокращенной версии, за счет дальнейшего осмысления опыта выживания в условиях войны, социальных катаклизмов и террора. Пока же, в краткой форме, такие координаты являлись лишь отметками на большой карте, и они потеряли свое назначение в тот момент, когда Белоцветов перед уходом из Риги уничтожил части романа.

Анна Белоцветова мотивировала столь непоправимое действие так: «дабы как-нибудь не подвести остающихся друзей». Белоцветову было ясно, что на рижский круг его знакомых, в их числе антропософов, обрушатся репрессии, предсказываемые календарно — с полным переходом Латвии под советское управление после окончания недолгого периода сосуществования обеих договорных сторон пакта Молотова-Риббентропа. Угрозу насилия Белоцветов зафиксировал и в своей неопубликованной драме “Ich sah das Licht” («Я видел Свет»; название повторено в стихотворении «Я видел Свет»: Белоцветов 2006, с. 125, № 112), где встрече собеседников и возвышенному рассуждению философа Григория Ландау о Свете противостоит тьма в облике пришедших в дом, пока что только с расспросами, советских чекистов [Поляков 2008, с. 256]. Тексты Белоцветова, оставленные на хранение в таких условиях, несли бы в себе опасность — помимо их происхождения, их мистицизма, схематического идеализма и прочих черных меток — еще и по причине полемики «антисоветского характера», примерами которой изобилуют и главы «Коммуны пролетарских миссионеров». Но поразительно и весьма красноречиво то обстоятельство, что для самого автора оставался один-единственный выход — эти рукописи сжечь. Несомненно, Белоцветову, в самый последний момент с трудом получившему разрешение на въезд в Германию, причем только на основании немецкого происхождения его второй жены Анны, урожденной Штокмар, и взявшему с собой свои стихи, не представлялось возможным захватить главы романа, пронести через гестаповский контроль эти кипы исписанных по-русски бумаг об «истинном духовном облике России».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ За предоставленные материалы искренне благодарим Людмилу Николаевну Белоцветову, а также Е.В. Глухову (Москва) и проф. Stanley J. Rabinowitz (Amherst MA).

² Письмо Анне Белоцетовой от 14 мая 1950 г. (копия в нашем собрании).

³ Вскользь брошенное замечание о Белоцетове как о «поэте второстепенном» (букв. малом) причудливо переведено в этом издании как «Печальный поэт (англ.)». Третий сборник стихотворений Белоцетова «Жатва», по сообщению Людмилы Белоцетовой, был подготовлен к печати ее матерью Анной Белоцетовой при участии И.В. Чиннова и издан частным образом в Париже в 1953 г. [Белоцетов 2006, с. 209]. Первый сборник, «Дикий мед», был издан в Берлине в 1930 г., но не «Петрополисом», а издательством «Слово». О деятельности Николая Алексеевича Белоцетова, отца поэта, в Риге, которая не ограничивалась коммерцией, но включала в себя книгоиздательское дело и поддержку многих культурных инициатив, см.: [Флейшман, Равдин 2007, с. 190–191], а также данные на сайте: <http://www.russkije.lv>. Особо можно сказать об упоминаемых здесь Чинновым своих родственниках — троих из семерых детей рижского офицера полиции Eric Louis George Morr (1846–1896) и его жены Hedwig (Borchard, 1850–1917): Курт — Peter Josef Kurt Ludwig (1882–?); Эрик (sic) — Georg Wilhelm Eric / Эрик Львович (Людвигович) (1869–1928); Вальтер — Wilhelm Ludwig Walter / Вальтер Людвигович (1872–1928). Даты рождения указаны в справочнике: <http://www.geneanet.org>; даты смерти и русифицированные формы имен в кн.: [Чуваков 2004, с. 649]. Их отец был братом бабушки Игоря Чиннова, Марии Георгиевны (Егоровны) / Wilhelmine Marie, жены Алексея Герасимовича Чиннова, происходившего, как и Н.А. Белоцетов, из духовного сословия. Именно в курляндском имении Марии Георгиевны в Туккуме родился Игорь Чиннов [Чиннов 2002, с. 73].

⁴ В некрологе Иваска в 1986 г. Чиннов уже не упоминает в этой связи Белоцетова: «Дружба наша началась с его письма мне, отклика на мою статью и стихи в парижском журнале “Числа” <...>» [Чиннов 2002, с. 120–121; см. также комментарий: Федоров 2012, с. 143–144]. Угол зрения со временем сместился, роль Белоцетова, в 1934 г. посредника знакомства, показалась в 1986 г. не столь существенной.

⁵ О Т.Г. Шмелинг см.: [Русская печать 1997, с. 425; Коростелев 2008, с. 311].

⁶ Анна Белоцетова имела в виду следующее место в некрологе Иваска: «Мы познакомились в литературном кружке, основанном еще в 90-х годах. Несуразная плюшевая мебель, на стенах не то бури под Айвазовского, не то боярыни под Маковского ... Н. Н. сидит в кресле — сдержанный, безразлично-любезный и как будто даже отсутствующий. Мне он показался таинственным, призрачным» [Белоцетов 2006, с. 193]. В конце октября — ноябре 1933 г. Белоцетов находился в Таллине с чтением стихотворений и докладами на литературные темы [Хроника 2017, с. 113–117]; здесь Иваск вспоминает заседание Ревельского литературного кружка 7 ноября 1933 г.

⁷ В некрологе Иваска годом рождения Белоцетова ошибочно назван 1896 г.

⁸ [Изорский 1912]. Данное место позволяет идентифицировать автора брошюры; см. также критический отзыв на нее: [Райнов 1914].

⁹ [Белоцетов 1915].

¹⁰ Отметим запись Андрея Белого в дневнике в разделе, касающемся пребывания в Москве (sic) в октябре 1916 г.: «Встречи с Белоцетовым» [Белый 2016, с. 430].

¹¹ Здесь не назван младший брат Андрей (род. 1894), с которым у Николая не было общности интересов, а впоследствии их пути разошлись; известно, что А.Н. Белоцетов эмигрировал в Канаду [Белоцетов 2006, с. 15, 38].

¹² Это замечание вызвано следующими строками некролога: «На вечере я уяснил себе одну странную особенность облика Белоцетова. Его почти невозможно было увидеть en face. Уж очень узким было его лицо, и поэтому он всегда был видим в профиль. Отсюда впечатление некоторой призрачности, которая была и в бесплотных его стихах» [Белоцетов 2006, с. 195].

¹³ Amherst Center for Russian Culture. Yurii P. Ivask Papers. Series 1: Correspondence. Box 1. Folder 28. Письмо датировано 25 февраля 1951 г.; адрес отправителя: Mülheim/Ruhr, Dohne 48a. Приписка Ю.П. Иваска: «Вдова Н.Н. Белоцветова».

¹⁴ Здесь упомянута деятельность Ю.П. Анисимова, Н.Н. Белоцветова, Н.П. Киселева и В.М. Викентьева (о нем см. также статью Д.Д. Лотаревой в наст. изд.). В связи с назначением Н.П. Киселева эмиссаром в Оптину пустынь в 1919 г. см. письмо к нему о. Павла Флоренского [Флоренский 1985, с. 365–368]. До какого времени Белоцветов состоял на службе в Наркомпросе, нам не известно. Вероятно, справка «V Подотдела Провинциальной Охраны Отдела по Делах Музеев и Охране Памятников искусства и Старины Народного Комиссариата по Просвещению» о том, что он выбыл из числа сотрудников подотдела начиная с 16 апреля (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22, Ед. хр. 77. Л. 16), относится уже к 1920 г.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22. Ед. хр. 77. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Текст приводится по машинописной копии из личного архива Л.Н. Белоцветовой. См. также: [Поляков 2009, с. 522].

²¹ В эмиграции Ваулин был участником антропософского кружка в Праге, в котором он познакомился со своей будущей женой, членом поэтического объединения «Скит поэтов» Марией Андреевной Толстой (внучкой Л.Н. Толстого); она побывала у Белоцветовых в Берлине в июне 1930 г. [Скит 2006, с. 622–623].

ЛИТЕРАТУРА

Андреев 2008 — Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / Под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 656 с.

Белоцветов 1915 — Белоцветов Н. Религия творческой воли: Четыре лекции о культуре будущего, читанные в Русском Антропософическом обществе в 1915. Пг.: Книгоизд-во Ф.Ф. Тума, 1915. 161 с.

Белоцветов 1921 — Белоцветов Н.Н. Коммуна пролетарских миссионеров: Отрывки из незавершенного романа «Михаил». Берлин: Пресса, 1921. 150 с.

Белоцветов 2006 — Белоцветов Н. Дневник изгнания / Изд. подготовил Федор Поляков. Frankfurt am Main [u.a.]: Peter Lang Verlag, 2006. 272 с. (Русская культура в Европе / Russian Culture in Europe 1).

Белый 2016 — Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Волошина 1993 — Волошина-Сабашиникова М.В. Зеленая Змея: История одной жизни / Пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993. 344 с.

Иванов 1921 — Иванов Федор. [Рец. на:] Белоцветов Н. Коммуна пролетарских миссионеров // Время. 1921. № 165, 29 авг. С. 3.

Изорский 1912 — Изорский Н. [= Белоцветов Н.Н.]. Введение в теорию метафизического знания. Проблема чужой одушевленности: (Критика теории проф. А.И. Введенского). СПб.: Тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1912. 53 с.

Исаков 2005 — Исаков С.Г. Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн: Aleksandra, 2005. 448 с.

Коростелев 2008 — «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Русский путь, 2008. 816 с.

Кульпа 1989 — *Кульпа Е. Юрий Павлович Иваск: Биография* // Балтийский архив. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russianresources.lt/archive/Ivask/Ivask_2.html (дата обращения: 24.09.2017).

Научное зарубежье 2011 — Российское научное зарубежье: Биобиблиогр. справочник / Сост. М.Ю. Сорокина. М.: Парад, 2011. 715 с.

Поляков 2005 — *Поляков Ф.Б. Белоцветов Н.Н.* // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиогр. словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Н.Н. Скатова. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 192–193.

Поляков 2008 — *Поляков Ф. «Чужак во всех лагерях»: Заметки о жизни и творчестве Григория Ландау в эмиграции* // Русские евреи в Германии и Австрии: Статьи, публикации, мемуары и эссе / Ред.-сост. К. Кикоин и М. Пархомовский. Иерусалим: б.и., 2008. С. 239–258. (Русское еврейство в Зарубежье. Т. 16).

Поляков 2009 — *Поляков Ф.Б. Оказиональный билингвизм в поэзии Николая Белоцветова: память культуры и комбинаторика мотивов (30–40-е годы XX века)* // Consortium omnis vitae: Сб. статей к 70-летию профессора Ф.П. Федорова / Red. Anna Stankeviča un Samuils Švarcbands. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saulē”, 2009. С. 520–530.

Пономарева 2006 — *Пономарева Г. Проблема национального самоопределения писателей-оптантов (случай Юрия Иваска)* // Toronto Slavic Quarterly. 2006. № 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/ponomareva18.shtml> (дата обращения: 24.09.2017).

Пономарева, Шор 2009 — *Пономарева Г.М., Шор Т.К. Русская печать и культура в Эстонии во время Второй мировой войны (1939–1945)*. Tallinn: Изд-во Таллиннского ун-та, 2009. 236 с.

Райнов 1914 — *Райнов Т. [Рец. на:] Изорский Н. Введение в теорию метафизического знания. Проблема чужой одушевленности: (Критика теории проф. А.И. Введенского)* // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1914. Вып. 2. С. 110–113. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://journals.rhga.ru/upload/iblock/560/lrrudt_jrfmlbid.pdf (дата обращения: 24.09.2017).

Русская печать 1997 — *Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов: В 5 кн. / [Сост. и ред.] Ю. Абызов, Б. Равдин, Л. Флейшман. Кн. 2: Сквозь кризис*. Stanford: The Dept. of Slavic Languages and Literatures, 1997. 464 с. (Stanford Slavic Studies, 14).

Скит 2006 — «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевской; Сост., биографии Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаева. М.: Русский путь, 2006. 767 с.

Федоров 2012 — *Федоров Ф.П. Игорь Чиннов: Юрий Иваск (Поэтика некролога)* // Чинновский сборник — III. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saulē”, 2012. С. 122–212. (Русско-латышские литературные контакты. Вып. 4).

Флейшман, Равдин 2007 — Балтийско-русский сборник. Кн. II: Материалы по истории русской жизни в Риге и Каунасе. Из архива Гуверовского института / Изд. подготовили Л. Флейшман и Б. Равдин. Stanford: The Dept. of Slavic Languages and Literatures, 2007. 387 с. (Stanford Slavic Studies, 28).

Флоренский 1985 — *Флоренский П., свящ. Собрание сочинений / Под общ. ред. Н.А. Струве. Т. 1: У водоразделов мысли: Статьи по искусству*. Paris: YMCA-Press, 1985. 398 с.

Хроника 2017 — *Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940). Из истории русского зарубежья. Т. 2: 1932–1940 / Сост. С.Г. Исаков, Т.К. Шор, Т.Т. Гузаиров. Таллинн: Aleksandra, 2017. 721 с.*

Чиннов 2002 — *Чиннов И. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: Стихотворения 1985–1995. Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма / Сост., подгот. текста и коммент. О.Ф. Кузнецовой, А.Н. Богословского. М.: Согласие, 2002. 352 с.*

Чиннов 2007 — *Чиннов И. Монпарнасские разговоры: Из писем 1930-х годов Юрию Иваску / Публ., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Кузнецовой* // Новый мир. 2007. № 10. С. 100–118. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/10/ch12.html (дата обращения: 23.09.2017).

Чуваков 2004 — Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 / Сост. В.Н. Чуваков; Под ред. Е.В. Макаревич. Т. 4: Л–М. М.: Пашков дом, 2004. 699 с.

Kratz 1999 — *Kratz G. Russische Verlage und Druckereien in Berlin 1918–1941 // Chronik des russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / Ed. Karl Schlögel, Katharina Kucher, Bernhard Suchy, Gregor Thum. Berlin: Akademie Verlag, 1999. S. 501–569.*

Maydell 2005 — *Maydell R. von. Vor dem Thore. Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. Bochum/Freiburg i.B: Projektverlag, 2005. 474 s. (Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur. Bd. 29).*

Oboleńska 2011 — *Oboleńska D. Антропософский странник Николай Белоцветов // Slavia Orientalis. 2011. T. LX. № 4. S. 481–493.*

Oboleńska, Rzeczycka, Федоров 2017 — *Oboleńska D., Rzeczycka M., Федоров М. Архив Л.А. Новикова. Неизвестные страницы истории антропософского движения в России // Антропософский архив Л.А. Новикова в собрании Отдела рукописей ИМЛИ РАН / Ред. D. Oboleńska, M. Rzeczycka, Д. Москвская, М. Федоров. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2017. С. 7–26.*

АНТРОПОСОФЫ, РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ И РЕВОЛЮЦИЯ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА ВИКЕНТЬЕВА (1882–1960)

В начале XX столетия в России образованное общество чувствовало грядущую катастрофу и, чтобы избежать ее, пыталось найти пути преобразования страны. Антропософы, масоны и члены других тайных обществ верили, что оккультные и мистериальные усилия посвященных способны менять как жизнь отдельного человека, так и судьбу народов. Антропософ, розенкрейцер, ученый-египтолог Владимир Михайлович Викентьев старался активно воплощать в России идеи создателя антропософского учения Штайнера и развивать культуру как инструмент своего рода первичного воспитания масс. Для этого он создавал кружки и общества по изучению культуры и истории Востока, считая этот вектор главным для достижения, по выражению Штейнера, эпохи «самодуха». Эти кружки должны были готовить их участников к посвящению в закрытые сообщества антропософов. Кроме того, он активно развивал идею живого музея, музея-института, музея-действия, который должен был стать своеобразным храмом (аналогом Гетеанума в Дорнахе), из которого исходят импульсы преобразований. Для воплощения своих замыслов Викентьев после революции 1917 г. поступил на службу в Отдел по делам музеев и сохранения культурных памятников Наркомата просвещения, где начали трудиться и другие антропософы. Ему удалось создать Музей-институт классического Востока, который он устроил в здании Исторического музея. Этот музей был замыслен его создателями как прообраз России, ее культуры и истории. Полагаем, что Викентьев выбрал Исторический музей не случайно, а следуя своим антропософским принципам. Уехав в 1922 г. из России с целью пополнения коллекций Музея-института, Викентьев не смог вернуться и остался в Египте, сохранив до конца верность своим принципам.

At the beginning of the 20th century, an educated society in Russia felt a future catastrophe, and to avoid it, tried to find ways to transform the country. Anthroposophists, Masons and members of other secret societies believed that the occult and mysterious efforts of the initiates were capable of changing both the life of an individual and the destiny of peoples. Anthroposophist, Rosicrucian, Egyptologist-scientist Vladimir Mikhaylovich Vikent'ev tried to actively implement the ideas of the founder of Anthroposophy Steiner in Russia and develop culture as an instrument of primary education of the masses. For this he created circles and societies for the study of culture and history of the East, considering this vector the main one for achieving, in the words of Steiner, the era of "selbst-Geist." These circles had to prepare their participants for initiation into closed communities of Anthroposophists. In addition, he actively developed the idea of a living museum, a museum-institute, a museum-action, which was to become a kind of temple (analogous to the Goetheanum in Dornach), from which the impulses of transformation emanate. In order to realize his plans Vikent'ev after the revolution of 1917 entered the service of the Department for Museums and Cultural Monuments Defense of the People's Commissariat of Education, where other anthroposophists began to work. He managed to create the Museum-Institute of the classical East, which he arranged in the building of the Historical Museum. This museum was conceived by its creators as a prototype of Russia, its culture and history. We believe that Vikent'ev chose the Historical Museum not by chance, but follows his anthroposophical principles. Having left in 1922 from Russia to replenish the collections of the Museum-Institute, Vikent'ev was unable to return and lived in Egypt, retaining fidelity to his principles.

Ключевые слова: Владимир Михайлович Викентьев, антропософия, идея преобразования России, культура, живой музей.

Keywords: Vladimir Mikhailovich Vikent'ev, Anthroposophy, the idea of transformation of Russia, culture, a living museum.

В начале XX столетия в российском образованном обществе господствовали апокалиптические настроения, ощущение близкой катастрофы. Существовала и другая точка зрения — о необходимости исправления существующих порядков, воздействия на реалии окружающей жизни. В свою очередь, люди с активной позицией, как известно, не были едины. Существовали как революционеры и реформаторы всех мастей, так и те, кто верил в реальность оккультного воздействия на действительность, и не только верил, но и пытался двигаться в этом направлении.

После революции 1905–1907 гг. произошли значительные изменения в законодательстве, стала возможной официальная регистрация различных обществ¹, чем воспользовались, например, масоны. Так, в 1906 г. вернулся в Россию из вынужденной эмиграции убежденный вольный каменщик, общественный деятель, социолог и педагог М.М. Ковалевский, который стал открывать ложи [Ковалевский 1917]. С 1908 г. активизировалась деятельность Теософского общества, основанного в 1908 г. Анной Алексеевной Каменской [Carlson 1993], появились сообщества розенкрейцеров [Никитин 2004]. Наконец, приобрели популярность в России антропософские идеи Рудольфа Штайнера.

Хотя члены перечисленных сообществ в первую очередь обращали внимание на совершенствование собственной личности (через нравственные усилия и творчество) и на развитие оккультных способностей, они также имели в виду сверхзадачу эволюционного изменения к лучшему окружающей жизни — построение гражданского общества, смягчение нравов [Богомолов 1999; Никитин 1998; Никитин 2003; Никитин 2005; Серков 2009]. При этом часть шедших по этому пути масонов, розенкрейцеров и антропософов полагала, что для достижения поставленных целей можно привлечь на свою сторону высшие силы, которые помогут в реформировании общественной жизни [Лотарева 2013].

В этом смысле достаточно характерными представляются искания и деятельность Владимира Михайловича Викентьева — участника либерального движения, теософа, антропософа, розенкрейцера, египтолога, художника, писателя, переводчика, музейного деятеля [Томашевич 1999; Томашевич 2002; Томашевич 2003; Десятников 2007]. Перечень его занятий показывает человека разносторонне развитого, целеустремленного и обладавшего общественным темпераментом².

Сын Можайского купца 2-й гильдии, Викентьев в 1901 г. окончил с золотой медалью Московское Императорское коммерческое училище Ведомства

учреждений императрицы Марии. Однако больше его занимали древние языки, а в естественнонаучных дисциплинах молодой человек искал обоснование спиритических явлений и изучал труды Уильяма Крукса (1832–1919), известного английского физика, химика и убежденного спиритуалиста. Владимира также привлекали естественнонаучные идеи Гёте, особенно учение о цвете, что также являлось знаком времени: система знаний, предложенная великим поэтом, стала отправной точкой для теорий основателя антропософии Рудольфа Штайнера [Лотарева 2011].

Продолжив обучение в знаменитом Петербургском политехническом институте, открытом при непосредственном участии упоминавшегося выше масона и общественного деятеля М.М. Ковалевского, Викентьев активно приобщался к либеральным идеям преобразования России. Его девизом стали слова: «Свобода для себя, свобода для других, — для всех». Трудно сказать, мог ли Викентьев уже в это время получить какие-то сведения о масонстве, но, думается, идеалы и практика этого движения вполне могли быть ему преподаны [Лотарева 2011].

Однако события 1905 г. заронили в Викентьеве сомнения в эффективности политической борьбы. Находясь в 1906–1907 гг. в Лондоне и Париже, он обратился к изучению египетской и ассирийской письменности, занимался философией, психологией, всеобщей историей, историей религии и искусства, географией, — и всё это «для того, чтобы понять современную жизнь, проследить ее всю с момента зарождения и схватывая ее непосредственно, чувством»³. Еще до отъезда за границу Владимир Михайлович утверждал, что достичь всеобщего блага можно лишь тогда, когда «люди сольются с Брамой и Озирисом, с Ормуздом⁴, с Триипостасным (!)⁵ Христианским Богом», а «эгоистический и альтруистический принципы сольются в один принцип»⁶. Это высказывание весьма примечательно, поскольку мысль о слиянии человека с божеством является одной из основных идей теософии в формулировке известной Е.П. Блаватской⁷. Теософия стала для Владимира важной основой жизни.

Единомышленников Викентьев нашел в лице своих друзей: Алексея Васильевича Сабашникова и его сестры Маргариты — в то время супруги поэта Макса Волошина, который одно время являлся членом масонских лож во Франции. Под влиянием Анны Рудольфовны Минцловой, принесшей в русские литературные круги сведения о розенкрейцерстве, они приобщились к теософии [Азадовский 2011, с. 12]. Впоследствии Сабашниковы стали последователями Рудольфа Штайнера.

25 мая — 14 июня 1906 г. в Париже проходил теософский съезд, на который приехали и теософы из России. Специально для них Штайнер читал цикл «Космогония», о чем Сабашникова в срочном порядке известила Викентьева: «Думаю, что Штейнер⁸ Вам может дать очень много. Я не знаю точно, о чем он будет читать. Он начал говорить об ордене Розенкрейцеров»⁹. Возможно, именно на этом цикле Викентьев лично познакомился со Штайнером.

Штайнер хорошо знал легенды о Христиане Розенкрейцере, а также основанные на египетской мифологии масонские обряды системы «Мемфис-Мизраим», в которую был посвящен на рубеже XIX–XX вв. [Кайе 2011, с. 100]. В своих лекциях для посвященных он оперировал понятиями и символами как из легенды, так и из обрядов, переиначивая их на свой лад, как бы открывая новые, сокровенные их значения, сопрягая с новым, «космическим» смыслом христианского учения.

С 1908 г. в Москве независимо друг от друга начинают интенсивно включаться в общественную и культурную жизнь разные ипостаси «розенкрейцерского дискурса». Был основан масонский розенкрейцерский капитул 18-й степени (с ноября работал под руководством Великого Востока Франции), членом которого стал М.М. Ковалевский (в Капитул также входили Н.Н.Баженов, Д.О. Бебутов, Ф.А. Головин, Е.И. Кедрин, В.А. Маклаков, М.С. Маргулиес, кн. С.Д. Урусов) [Серков 2001, с. 1141]. От этого капитула, предположительно, была основана ложа Люцифер (дата основания неизвестна), в которую вошли Андрей Белый, В.Я. Брюсов, Вяч. Иванов, А.С. Петровский. Однако вскоре она была закрыта за связь с антропософами [Серков 2001, с. 1141]. Параллельно развила активную деятельность А.Р. Минцлова, создавая по одной ей известному плану некую розенкрейцерскую организацию в противовес работе Штайнера, хотя первоначально это не декларировалось. Возглавить ее должны были она сама, Вячеслав Иванов и Андрей Белый, в число членов был включен и Викентьев [Майдель 2001, с. 235]. Правда, о деятельности этой организации ничего не известно.

Многие из тех, кто приобщался к оккультным кружкам начала XX в., начинали изучать разнообразные источники тайного знания — произведения древнегреческих и средневековых авторов. Викентьев же оставался «египтоманом» (некоторые теософы верили, что он духовно связан с фараоном Рамзесом II, который считался хранителем оккультных знаний) [Лотарева 2011, с. 89]. Владимир Михайлович познакомился с И.В. Цветаевым, который поддержал его интерес и рекомендовал известному египтологу Б.А. Тураеву. Научные и теософские интересы Викентьева переплетались, подпитываемые идеей Штайнера о том, что в начале XX в. «возможны новые мистерии: соединение мистерий Озириса и Изиды с мистерией Грааля» (слова приведены в пересказе Андрея Белого: он утверждал, что эту идею Штайнер высказал на лекции «О Парсифале») [Малмстад 1992, с. 409].

Основатель антропософии был харизматичной личностью, люди шли к нему за ответами на самые сокровенные вопросы. Но если одних волновала прежде всего личная судьба, то другие считали, что он может помочь изменить к лучшему судьбу России. Викентьев был в их числе, так же как Алексей Сабашников и Трифон Трапезников (будущий искусствовед и музейный деятель). Весьма вероятно, что все трое считали, что именно ментальные (оккультные) усилия могут помочь России выйти на путь истины, а для эффективных действий приблизительно в конце 1911 г. организовали масон-

скую или розенкрейцерскую ложу. Об этом свидетельствует фраза, сказанная Т.Г. Трапезниковым в ходе драматического эпизода из жизни Викентьева — его несостоявшейся дуэли с поэтом Эллисом (Л.Л. Кобылинским), который был влюблен в теософку Марию Ивановну Сизову, а она предпочла ему Владимира Михайловича. Узнав об этом, Эллис, по всей видимости, позволил себе резкие высказывания. Взволнованная Маргарита Сабашникова сообщила об этом одному из друзей 18 мая 1912 г.: «Эллис принял вызов, но сказал О.Н.¹⁰ — <то>, что будет стрелять в воздух. Т.Г.¹¹ убедил Влад. Мих., что Э. невменяем, и что на основании этого невозможна дуэль, а также что Р.К.¹² не стреляются (выделено нами — Д.Л.). Счастье, что это уладилось. Очень измучен В. Мих.»¹³.

Искания Викентьева и его друзей подпитывались высказываниями Штайнера о славянской расе, об особом положении России между Востоком и Западом. Родственница Сабашниковых теософка Т.А. Бергенгрин писала Викентьеву в начале января 1912 г. из Берлина: «Я знаю, что даже то небольшое число лиц, которое интересуется учением доктора (Штайнера — Д.Л.) в России, не согласны во многом с ним и считают пути России особыми (каждый по-своему, конечно). Но прежде чем говорить о пути страны или народа, необходимы же знания оккультные. Не наука же наша даст на это ответ»¹⁴. М.В. Сабашникова в январе 1912 г. заявляла: «Счастье в том, что наш вождь не от мира сего, что мы не С. Ры и С. Дки (т.е. социалисты-революционеры и социал-демократы — Д.Л.)»¹⁵. Многие русские антропософы получили от Штайнера текст медитации «К духу русского народа», с помощью которой должны были скорректировать судьбу своей страны. Эта работа проводилась ими в то время, когда Штайнер разорвал с Теософским обществом, а его последователи приняли антропософские установки.

Во время баталий, разыгрывавшихся в 1912 г. в III Думе, Викентьев вместе с «штейнерианцами» Б.П. Григоровым, А.С. Петровским, Т.Г. Трапезниковым и другими активно прорабатывал вопросы создания Русского Антропософского общества¹⁶. Они не могли решить, то ли идти по пути активной пропаганды «розенкрейцеровской теософии», то ли работать закрыто, «интимно». Викентьев же настаивал на создании особого оккультного кружка во главе с кем-либо из «посвященных учеников» Штайнера¹⁷. Хотя согласие достигнуто не было, Русское Антропософское (Антропософическое) общество (АО) было открыто 7/20 сентября 1913 г. в Москве. В начале 1914 г. Викентьев вошел в его Совет и состоял в нем по март 1915 г. Но уже 19 марта 1915 г. он официально уведомил Б.П. Григорова о своем окончательном решении выйти из состава Совета¹⁸. 27 марта 1915 г. на общем собрании членов Общества Викентьев представил официальное письмо («Декларацию») о выходе из членов Совета¹⁹. К сожалению, текст обнаружить не удалось.

По всей видимости, формальным поводом для разногласий послужило намерение нескольких членов АО, вероятно, под руководством Викентьева, создать особый кружок или ложу под названием «Строитель храма» в честь

Рудольфа Штайнера, под руководством которого в это время происходило строительство, по выражению А. Белого, «храма “Мира всего мира”» [Nivat 1977, с. 150] в швейцарском Дорнахе. Организационное собрание состоялось не позднее 9 апреля 1915 г.²⁰ Думается, название это неслучайно и активно перекликается с масонской терминологией и символическими смыслами. Возможно, в этом кружке использовались масонские ритуалы²¹.

Полагаем, эта ложа должна была объединить тех, кто посещал «субботние» чтения Викентьева. Это, в частности, А.В. Сабашников, Е. Машковцева, Т. Столяров, Н. Попова²². Мы не знаем, все ли они являлись членами АО. Дело в том, что, вероятно, специально для общего собрания, на котором обсуждался выход Викентьева из Совета, была сделана копия решения Совета от 7 февраля 1914 г. Согласно этому решению, только члены АО могли входить в кружки, функционировавшие при АО, и пользоваться помещением АО для собраний²³. Надо полагать, Викентьев собирался нарушить это положение.

Однако известно, что в эту ложу собирались вступить Е.А. Бальмонт и О.Н. Анненкова. Последняя писала Викентьеву 1 мая 1915 г.: «Я же думаю, что даже если юридически мы не имеем права на существование независимое и не можем даже иметь своего гаранта, то во всяком случае, нам никто не может помешать собираться сколько угодно в помещении ложи и работать, как нам угодно. <...> Никак не могу понять, почему так дружно мешают людям отделяться и работать самостоятельно? Очевидно, главное препятствие здесь явилось со стороны Лемана? Что Вы все-таки думаете о дальнейшем? И что думает Сабашников²⁴ и другие? Если нам не будут давать возможности хотя бы внутренне <sic!> организовать наш кружок, как мы хотели, то, по всей вероятности, я уйду совсем из Р.А.О., оставаясь в интернациональном. Почему Борис П<авлович> так изменил свое отношение? Ведь он сам, первый мне подал мысль об избрании отдельного гаранта?»²⁵ Есть также сведения, что некоторые члены АО в Москве были недовольны работой Григорова²⁶. Однако большинство, по всей видимости, не поддерживали именно Викентьева. При этом те, кто мог бы активно влиять на ситуацию, — например А. Белый, А.С. Петровский и Т.Г. Трапезников, — находились в Дорнахе [Малмстад 2007, с. 42].

Судя по письму Е. Машковцевой к Викентьеву от 4 апреля 1915 г., Трапезников предполагал на собраниях «разрабатывать идею храма» в любых формах. А.В. Сабашников же — более традиционно — предлагал изучать книгу Штайнера «Wie erlangt man...»²⁷. Е. Машковцева поддерживала именно этот план и утверждала, что «изучение ее в той форме, как намечалась работа и над циклами, даст нам непосредственное переживание заключенного в ней. Оно заставит нас невольно претворить знание в делание, живее почувствовать антропософию в самих себе — таким образом, последняя станет необходимо тем, о чем говорит Доктор — нашей жизнью»²⁸.

Думается, что именно в это время определились взгляды Викентьева на антропософию как на инструмент более глубокого изучения и влияния на

культуру. Безусловно поддерживавший Викентьева А.А. Сидоров написал ему из своего имения Бурынь 25 июля 1915 г.: «Мне рисуется возможность еще одной формы мирного сотрудничества на вполне нейтральной почве. Быть может, лучше об этом говорить в Москве, позондировав предварительно подлежащую “почву”. Во мне все больше встает уверенность, что потребность в общении и объединении велика у всех, и что форма²⁹ портит всё. И еще вот что: мне интереснее³⁰ всё более становятся люди около теософии. Те, которые к ней идут, и те, которые ее ценности вкладывают в иные оболочки. Хотя будущее и трудно предвидеть, мне кажется, что зима или даже осень принесет очень много решающего для всех наших построений»³¹.

Судя по другому письму Сидорова, «разговоры и передраги» продолжались и в августе 1915 г. Однако кружок Викентьева, по всей видимости, начал работать (собирались по средам), о чем свидетельствует открытка Е.А. Бальмонт, в которой она просит Викентьева найти литературу о «Нисхождении Истар»³² (написана 13 декабря 1915 г.)³³. В это время АО собиралось в специально устроенном помещении на Новинском бульваре. Проходили собрания Григоровых по вторникам, Викентьева — по средам (оба эти кружка посещала сестра Викентьева Вера Михайловна³⁴). Викентьев в это время проживал в квартире АО.

Антропософская деятельность Викентьева перекликалась с его «внешней» жизнью. 17 марта 1915 г. Викентьев, окончив университетский курс, получил диплом первой степени, а еще в феврале он был принят в штат Императорского исторического музея на должность помощника хранителя музея П.И. Щукина, в фондах которого хранились русские, восточные памятники, а также большая коллекция масонских предметов, которую Владимир Михайлович изучил в первую очередь и составил ее каталог [Викентьев 1917; Викентьев 1918; Викентьев 2002]. В предисловии к каталогу он писал: «Как известно, русское масонство тяготело в лице крупнейших своих представителей к розенкрейцерскому ордену, хранителю тайн Злато-Розового креста. От него оно стремилось получить новые откровения. Ввиду этого знаки данной категории получают особый интерес» [Викентьев 2002, с. 62]. Как видим, Викентьев настаивал на реальном существовании Ордена Злато-розового креста, являвшегося, по мнению мистиков, хранителем оккультных тайн с глубокой древности. Важно, что и Штайнер в своем учении использовал манифесты и учение розенкрейцеров³⁵.

В то же время, изучая собрания музейных предметов, Викентьев развивал и углублял теософские и антропософские идеи о восточном векторе культуры России и работал над проблемой противопоставления России и Востока, которая активно обсуждалась в то время многими, включая Белого и Блока. Викентьев считал восточное (в широком смысле) культурное и эзотерическое наследие источником позитивных импульсов для России.

В 1916 г. Викентьев продолжал активно работать. Он ознакомился с коллекциями музея Д.Г. Бурылина в Иваново-Вознесенске, в котором, как и в

Щукинском, хранились самые разнообразные раритеты — от египетской мумии до масонских знаков, которые, конечно, и привлекли внимание Владимира Михайловича. 26 августа 1916 г. Викентьев заключил с издательством Сабашниковых договор о выполнении перевода трех томов книги Леонарда Кинга (Leonard W. King) «A History of Babylonia and Assyria», «A History of Sumer and Akkad», «A History of Babylon»³⁶.

В 1916 г. в Москву вернулся из Дорнаха А. Белый. В письме Василия Эйхе к Борису Алексеевичу [Леману] от 6 октября 1916 г. говорилось: «Антропософическая жизнь в Москве обещает быть интересной. Борис Николаевич предполагает цикл лекций по гносеологии. Нарождается кружок, предполагающий изучать вопросы сознания (Вера Оскар³⁷овна> Анисимова, Клав. Ник.³⁷ и нек. др.)»³⁸. Вероятно, такой цикл был Белым прочитан, и на лекциях побывали Викентьевы, о чем свидетельствуют записка А. Белого на его визитной карточке: «Прошу дать места Марье Ивановне Викентьевой и Владимиру Михайловичу Викентьеву на лекцию первого декабря 16 г.» и билет № 45 антропософского издательства «Духовное знание» на лекцию Андрея Белого 12 ноября 1916 г., предназначенный М. Викентьевой³⁹.

Викентьев в этом потоке занял свое место, в частности, он создал своего рода «внешний кружок» вокруг логи, за существование которой он так боролся в 1914–1915 гг., подобно тому, как вокруг «интимного “Mysageta”» сформировался ритмический кружок А. Белого. Это был научный Кружок по изучению древних культур.

Первоначально речь шла о кружке единомышленников. Викентьев пытался привлечь отца Павла Флоренского к деятельности кружка. В самом начале 1917 г. он писал Флоренскому о том, что надеялся на «перерастание» Кружка в Общество изучения древних культур. «Мы бы хотели объединить научные силы, преимущественно молодые, представителей мысли, философской и религиозной, в широком и глубоком смысле слова, наконец, практических деятелей, на основе жизненных задач России и под флагом исследования великих сокровищ древности, преимущественно Востока, и их отражения и переживания в позднейшие времена и в современности» [Томашевич, Флоренский 2002, с. 284–285]. Программа, озвученная Викентьевым, представляется нам вполне антропософской.

Сохранился недатированный черновик письма Викентьева к М.А. Харузину, в котором обозначены некоторые важные подробности организации Кружка: «Многоуважаемый Мстислав Алексеевич, вечером того дня, когда я Вам писал, ко мне позвонил А.А. Флоренский, приехавший на месячный отпуск в Москву. Я Вам говорил о нем и о своем предположении, что он может оказаться и по личным качествам, и по своим знаниям полезным членом нашего Общества изучения древних культур. Я его посвятил в нашу идею создать такое общество, которое, изучая древность, в то же время не порывало бы связи с современною жизнью и русскою культурою, которое, будучи строго научным, в то же время [было поддержкою, в нужных случаях,

для современной русской культуры] не замыкалось и не <1 нрзб> в рутине, а (чутко прислушиваясь к запросам русской действительности) [было бы и научною лабораториею, очагом серьезной работы и справочным бюро, станциею, откуда отправлялись бы на исследования и на раскопки, и где] поскольку наука <вписано «археологии»> есть часть современной общественно-государственной жизни — постольку и чутко служила бы этой последней. <...> Мы говорили, помнится, с Вами и с Серг. Павл. <Григоровым> о желательности привлечения Шилейко. Кстати, я получил от него оттиск и вместе с благодарностию хочу попытать его в этом направлении. Думаю также, что не лишнее будет для усиления египетской группы пригласить Струве и Волкова <...>»⁴⁰.

В Кружке, кроме Викентьева, читали лекции такие специалисты, как А.Б. Тураев, В.К. Шилейко (Вавилон), М.А. Харузин (Хетты и Малая Азия), <А.А.> Сидоров (Крито-Микенская культура), Л.Ф. Млокосевич (Кавказ), В.А. Гурко (Персия и Индия).

С таким «багажом» В.М. Викентьев подошел к революционным событиям 1917 г.

Деятельность АО в России во втором десятилетии XX в. изучена весьма основательно [Богомолов 1999; Maydell 2005], однако воззрения антропософов на революцию попадали в поле зрения исследователей нечасто [Майдель 1990; Лавров 2008]. Но высказанные Ренатой фон Майдель идеи об истоках деятельности антропософов в революционную эпоху, как видится, исчерпывающе отвечают на большинство вопросов. Она в частности указывает, что, основываясь на воззрениях Штайнера (который считал, что русский народ находится в младенческом состоянии, но в перспективе должен воплотить идеалы шестой эпохи развития мира и человечества — эпохи «самодуха»), антропософы видели свою миссию в пестовании русского народа путем развития его культуры.

Революционные события были встречены русскими антропософами с подъемом и надеждой на новые возможности распространения своих идей. М. Сабашникова описывала это время как «уникально свободные месяцы, когда антропософия могла заявить о себе публичными лекциями» [Woloschin 1987, s. 309]. Подтверждением может служить тот факт, что на осень 1917 г. антропософским издательством «Духовное знание» был намечен цикл лекций-бесед А. Белого, В.М. Викентьева и Н.Г. Машковцева, о чем свидетельствует проспект, сохранившийся в бумагах М.О. Гершензона⁴¹. (Неизвестно, был ли осуществлен этот проект.) Лекции Викентьева и Машковцева (который хотел читать курс «Введение в историю русской живописи») должны были предварять беседы Белого под названием «Мир, Мысль, Дух в свете новой культуры». В дальнейшем издательство предполагало организовать лекции Михаила Стругова «Миропонимание Новалиса в свете науки о Духе», Михаила Сизова «Некоторые характерные черты внутреннего пути» и другие.

В программе Викентьева «Чтения по священной литературе Древнего Египта» предполагалось прочесть следующие лекции: 26 ноября. «Чтение первое. I. Отношение к священным текстам в Древнем Египте. Их боговдохновенность. “Писания богов”. “Душа Ра”. Каноны и традиции. Ритмический состав. Магизм созвучий. II. Общий обзор содержания. Великий лапидарный памятник — Тексты Пирамид»; 17 декабря. «Чтение второе. I. Тексты саркофагов “Книга о духе и путях”. Свитки “Per em hru”, т.н. “Книга Мертвых”. Их история и их состав. Трагическая разорванность древнеегипетской души. Осирис и Сетх. II. Важнейшие главы “Книги Мертвых”»; 7 января. «Чтение третье. I. Позднейшая священная литература Древнего Египта. “Книга о том, что в ином мире”. “Книга врат”. “Книга дыханий” и т.п. II. Ретроспективный взгляд на египетскую священную письменность. Религия Солнца. Нарастающий импульс Осириса. Позднейшая усложненность и затемненность магизмом»; 21 января. «Чтение четвертое. I. Первый индивидуалист в истории — Царь Иах-ен-атон. Его внешний и внутренний облик. Первый и второй периоды его жизни — Фивы и Иах-ет-атон. Его религиозный переворот. Отношение приближенных и жрецов. II. Гимн солнечному диску — Атону»; 4 февраля. «Чтение пятое. I. Мистерия и богослужение. Египетский храм на протяжении тысячелетий. II. Текст возгласов и гимнов, произносимых первосвященником (перевод с подлинника). Заключение». Лекции сопровождались показом диапозитивов.

В 1917 г. Викентьев — коллежский секретарь, помощник хранителя отделения Музея П.И. Щукина (в составе ГИМ)⁴². Проживал недалеко от главного здания Исторического музея, рядом с храмом Христа Спасителя в знаменитом доме Перцева (Перцевой) по Нижне-Лесному переулку, студия 26. Его жена М.И. Сизова писала ему в конце мая 1917 г. из Симферополя: «Что-то ты делаешь сейчас? Наверное, еще сидишь за своим столом, дверь на балкон открыта, затихает трамвай и в Кремле бьют часы»⁴³.

Викентьев действительно — как и всегда — интенсивно трудился: издавал перевод «Древнеегипетской повести о двух братьях»⁴⁴, а с июня и до 15 августа был «ежедневно занят в одной журнальной редакции» [Томашевич, Флоренский 2002, с. 289]. Деятельность Викентьева, по всей вероятности, имела успех. Например, сохранилось письмо молодого сотрудника Исторического музея С. Игнатова от 5 июля 1917 г., в котором он сообщал, что они с его подругой усиленно занимаются философией, а также интересовался: «Как поживает наше Издательство?»⁴⁵ Надеюсь, что Вы не решили ликвидировать это предприятие, что было бы слишком грустно. Я очень часто думаю об этом, и мне ужасно хотелось бы пустить дело в этом году, хоть одну книжку выбросить на рынок в этом сезоне. Как работы о. Флоренского? Вы говорили, что он готовит работу, м.б. рукопись уже у Вас?»⁴⁶

Кроме того, в июле 1917 г. Викентьев был назначен временным секретарем Совета Исторического музея⁴⁷. Мы полагаем, что, пользуясь революционными переменами, Викентьев задумал сделать Исторический музей таким же хра-

мом, что и Гетеанум — спроектированный Штайнером и заложенный 20 сентября 1913 г. в местечке Дорнах в Швейцарии дворец-храм, который должен был стать средоточием антропософских энергий, противостоящих мировому злу (многие антропософы из России приняли участие в его строительстве).

По-иному, нам кажется, трудно объяснить вектор действий Викентьева. Дело в том, что еще при строительстве и проектировании Исторический музей мыслился хранилищем национальной идеи России, а кроме того — храмом, где хранятся святыни-памятники отечественной истории, своего рода священным реликварием [Шервуд 2017]. Викентьев, тесно общаясь с людьми, основавшими музей (например, с князем Н.С. Щербатовым), безусловно, имел представление об этих идеях. Таким образом, Владимир Михайлович пришел на службу в некое особое сакральное пространство. Кроме того, как мы уже говорили выше, в этом пространстве, волею случая, совместились памятники самых разных культур, и Викентьев не мог не среагировать на эти обстоятельства и начал их по-своему использовать.

1 июня 1917 г. Викентьев отправил о. Павлу Флоренскому открытку с приглашением посетить его студию 26 (в доме против храма Христа Спасителя), в которой 4 июня должно было состояться «открытое собрание с гостями» Кружка по изучению древних культур со следующими докладами: Харузин: «О роли народов Малой Азии в истории Востока»; Викентьев: «Повесть об обреченном царевице (перевод)» и «Начало литургии Амона-Ра»; Тураев: «О египетском храме» [Томашевич, Флоренский 2002, с. 287–288] (Тураев присутствовал на заседании⁴⁸).

Может быть, именно в течение 1917 г. Викентьев и Флоренский обсуждали идею музея-храма, а также его функцию нравственного, преобразующего воздействия на людей. Весьма вероятно, что их воззрения базировались на розенкрейцерских представлениях. Отчетливые следы этих обсуждений мы видим в докладе «Храмовое действо как синтез искусств», который Флоренский представил 24 октября 1918 г., через два дня после образования при Сергиево-Посадском военно-революционном комитете Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, на рассмотрение членам Комиссии. В этом докладе, пытаясь защитить Лавру как целостный памятник, о. Павел выдвигал следующие тезисы: «Музей, самостоятельно существующий, есть дело ложное и в сущности вредное для искусства, ибо предмет искусства хотя и называется вещью, однако отнюдь не есть **вещь**, не есть неподвижная, стоячая, мертвая мумия⁴⁹ художественной деятельности, но должен быть понимаем как никогда не иссякающая, вечно бьющая струя самого творчества, как живая, пульсирующая деятельность творца, хотя и отодвинутая от него временем и пространством, но всё еще неотделимая от него, всё еще переливающаяся и играющая цветами жизни, всегда волнующаяся энергия духа» [Томашевич, Флоренский 2002, с. 288].

Флоренский вторил Викентьеву, утверждая, что при Лавре необходимо «создать систему целого ряда научных и учебных учреждений как образцо-

вом памятнике и явленной исторически попытке осуществить верховный синтез искусств, о котором столько мечтает новейшая эстетика». И далее: «Мне представляется Лавра как своего рода опытная станция и лаборатория для изучения существеннейших проблем современной эстетики, отчасти подобная, например, современным Афинам, так чтобы теоретическое обсуждение проблем церковного искусства происходило не отвлеченно от действительного осуществления этих задач искусства, но перед лицом эстетического феномена, теоретические рассуждения контролирующего и питающего» [Тайя 2002, с. 218].

Отец Павел Флоренский разработал, вероятно, комплексную программу развития Лавры как своеобразного центра преобразования действительности, включая издание соответствующей литературы. Так, в Синодальной типографии в 1918 г. было опубликовано второе издания «Каталога масонских предметов» Викентьева, а в типографии Сергиева Посада в том же году — работа А.П. Голубцова «Из чтений по церковной археологии и литургике».

Интересно, что в это время российские антропософы старались нащупать пути претворения в жизнь своих представлений. В частности, Андрей Белый в 1918 г. прочел лекцию «О многообразии антропософских путей» [Малмстад 1992, с. 479]. Возможно, создаваемый Викентьевым музей «ментального делания» для изменения действительности оккультным способом представлялся одним из таких путей.

В августе 1918 г. Ученая коллегия Исторического музея выдала Викентьеву удостоверение «для представления при прошении о зачислении его в число студентов Лазаревского института восточных языков в том, что поступление его стоит в связи с производимым им разбором восточных собраний музея»⁵⁰.

Как и многие другие антропософы, после Октябрьского переворота Викентьев поступил на службу в Народный комиссариат просвещения, как он утверждал, практически сразу после образования этого учреждения и его Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины музейного отдела (создан 28 мая 1918 г.)⁵¹, «причем принимал участие в самом его создании как член его коллегии, затем — Совета»⁵². Причины этого были как чисто житейские (необходимость заработка и получения продуктовых карточек), так и идейные — использование возможностей культурной деятельности⁵³.

Викентьев явно пользовался авторитетом на службе. Так, 1 августа 1918 г. ему было направлено распоряжение из Отдела управления делами Наркомпроса: «Члену Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины товарищу В.М. Викентьеву. Ввиду отсутствия из Москвы Председателя Коллегии тов. Н.И. Троцкой, равно как и ее заместителя, И.Э. Грабаря, назначается заместителем Председателя Коллегии, с правом подписывать соответствующие бумаги. Народный комиссар по Просвещению Михаил Покровский»⁵⁴.

В анкете, заполненной, вероятно, летом — осенью 1918 г., Викентьев указал, что служит в Отделе по делам музеев и Отделе памятников, является членом Коллегии Подотдела Центральных музеев⁵⁵. При этом службу в Историческом музее Викентьев не оставлял. С 1918 г. он являлся заведующим Отделом религиозных древностей музея. 30 августа 1918 г. Викентьев составил записку о создании музея-института классического Востока (МИКВ) на базе Исторического музея, которую передал в Наркомпрос⁵⁶. (В отчете за 1920–1921 гг. Викентьев указал, что организовал в Российском историческом музее отдел иноземных памятников, где руководил «работами по выяснению древне-восточных элементов в культуре России и по изучению памятников древне-восточных культур (Урартийско-Ванской и др.), найденных на территории России и хранящихся в РИМ»⁵⁷.) Вопрос о создании Института обсуждался на заседании Комиссии музеев Восточного искусства Подотдела центральных музеев Наркомпроса 9 октября 1918 г., но решение, по всей видимости, было отложено (об этом Викентьев писал в 1920 г. в своей автобиографии)⁵⁸.

В организации МИКВ в Историческом музее помог случай. В начале 1919 г. произошел пожар в музее Училища им. Строганова, в котором находились, среди прочего, памятники Востока и Египта, включая пять мумий. В связи с этим коллекции нуждались в срочном перемещении. Предполагалось отправить их в ГМИИ, однако помещения в нем были сырыми. Викентьев указал формальную причину для перевода коллекции именно в Исторический музей — его залы были более приспособленными (к тому же до него расстояние было ближе)⁵⁹.

13 января 1919 г. Викентьев подал заявление в Президиум Отдела по делам музеев Наркомпроса, в котором указал, что после операции на ноге не может заниматься организацией Музея в течение 4–6 недель. «В связи с этим прошу известить Вл<адимира> Каз<имировича> Шилейко, что представительство на Конференции по Музею Классического Востока переходит единолично на него, а также возложить на него попечение о египетском собрании Музея б. Строгановского уч<или>ща (сданного мне хранителем Д.М. Яновичем, но еще не вывезенного в новое помещение), временно же до его возвращения в Москву — на сотрудника Отдела по Подотделу Восточных Музеев Виктора Никитича Лазарева»⁶⁰.

В марте 1919 г. Викентьев вел переговоры с председателем Ученой коллегии музея кн. Н.С. Щербатовым, а также с зав. Отделом по делам музеев Наркомпроса Н.И. Троцкой «относительно желательности в интересах как хранения, так и академической равно и широко-популяризационной работы не задерживать организацию МИКВ в РИМ в зале Смутного времени». Разрешение Н.И. Троцкой было получено. Для организации работы было решено приобрести волшебный фонарь, а также 5 древнеегипетских предметов из собрания М.К. Морозовой⁶¹. Музей сразу начал оправдывать свой статус института: известно, что студенты МГУ в 1919 г. через В.И. Авдиева просили

разрешить им посещать занятия по древнеегипетскому языку [Томашевич 2003, с. 163].

По решению заседания комиссии МИКВ при Наркомпросе в МИКВ начали «организацию и осуществление научных докладов и популярных лекций с привлечением научных сил Москвы, Сергиева Посада, Петрограда и других городов». Лекции читали Е.А. Кобранов, Б.Н. Лазарев, В.М. Викентьев. Заведующим МИКВ предполагалось сделать Б.А. Тураева⁶².

27 мая 1919 г. состоялось заседание коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса, на котором присутствовали Н.И. Троцкая, И.Э. Грабарь, И.Е. Бондаренко, управляющий делами С.А. Де-тинов, Т.Г. Трапезников, Н.Е. Машковцев, В.М. Викентьев (отметим, что последние трое имели прямое отношение к антропософскому движению). Викентьев сообщил, что в музее имелось 1495 предметов, читались лекции. На этом же заседании он был назначен заведующим МИКВ⁶³. Девизом МИКВ стало следующее утверждение Викентьева: «[Сейчас] люди делаются более чуткими, и зовы древности становятся для них всё внятнее. Наряду с теми, кто не желает идти далее Гомера, появляются пылкие и в то же время вдумчивые энтузиасты, пораженные величием древнейших культур, перед которыми благоговели и сами богоподобные эллины во главе с Платоном. Внешне это сказывается в том, что собрания по классическому Востоку начинают у нас изучаться...»⁶⁴

Институт должен был стать учебным и научно-просветительским центром изучения восточных древностей, «исследовательской лабораторией и музеем нового типа, где предметы не воспринимаются пассивно, а где на них подлинно и систематически учатся». В программу изучения входили курсы по истории Переднего Востока, Крита и Микен, Кавказа, Юга России, Индии, Китая, Древней Америки и Океании. По мысли его создателя, МИКВ должен был покоиться на 4 «устоях»: наряду с наукой, древний Восток рассматривается в нем с точки зрения искусства, истории религии и философии⁶⁵.

Викентьев пытался приобретать для музея у частных лиц различные памятники, в частности, собрание плиток с древневавилонской хозяйственной отчетностью Н.П. Лихачева, коллекцию коптских тканей из Ахмима, древнеегипетские саркофаги и предметы культа, восточно-эллинистические монеты. В 1921 г. в коллекции Музея-института Классического Востока насчитывалось 4000 предметов, в библиотеке имелось 500 книг, а также была в наличии подборка диапозитивов по культуре Древнего Египта, Шумера, Аккада, Вавилона, Израиля, хеттов и др. Викентьев «вел научное описание коллекций Музея»⁶⁶.

В.М. Викентьев считал, что коллекции музея носили прежде всего историко-культурный характер (а не художественный), что соответствовало направленности Исторического музея, который мыслился И.Е. Забелиным прежде всего как музей быта. Викентьев писал: «Составители коллекций задавались, очевидно, целью представить общий быт народов, их обряды, язык

и письменность и, между прочим, искусство, в значительной части прикладное. Поэтому среди вещей находится немало таких, которые или совершенно безразличны в художественном отношении, или же носят определенно антихудожественный характер (погребения, ряд саркофагов, мумии животных и проч.). Суммируя вкратце: коллекции могут быть объединены в историко-культурное музейное целое, но не в художественное»⁶⁷.

В 1920 г. занятия МИКВ посещал А.Н. Греч, известный искусствовед, член Общества изучения русской усадьбы, писавший, в числе прочего, и о масонских усадьбах⁶⁸. Викентьев читал в музее-институте лекции, вел семинары по истории и культуре Древнего Востока, а также курсы по изучению древнеегипетского языка⁶⁹.

Помимо лекций, в 1921 г. была сделана серия постановок «Творческое воспроизведение духовной культуры» — «оригинальная драма» Викентьева «Владыка ужаса» из эпохи создания великого Сфинкса [Томашевич 1999, с. 265].

Основной проблемой Музея-института Викентьев считал разработку «вопроса о сущности природы древней мысли, как отвлеченной, так и образной (художественной)». В штате Музея было четыре человека: В.И. Авдиев, Е.Я. Корбанов, Е.Н. Краснушкина, С.И. Смирнов.

Не позднее 1921 г. Викентьев подготовил к печати статью «Грузинские фрески в собрании РИМ»⁷⁰.

Что касается Кружка по изучению древних культур, то он продолжал свою работу под руководством Викентьева. В 1918 г. в нем работала секция Востоковедения, о чем свидетельствует приглашение — повестка дня Кружка изучения древних культур, — посланное А. Белому 24 января 1918 г., в котором говорилось, что «1 и 8 февраля 1918 г. в студии 26 дома бывш. Перцевой состоятся 2-е и 3-е открытые собрания Секции Востоковедения КИДК с докладами: 1 февраля — М.А. Харузин. “Царская власть и религиозные представления эпохи Пирамид”, 8 февраля — В.А. Гурко. “Значение подсознания в мистике древнего Востока и христианства”. После доклада — прения. Входная плата в пользу библиотеки Кружка — 1 рубль»⁷¹. Также состоялось собрание 14 февраля 1918 г. (повестка неизвестна) [Томашевич 1999, с. 260].

В связи с интенсивностью работ Кружок было решено перевести в ранг Общества, изменив его статус «для своих». 19 июля 1918 г. был разработан Устав Общества (авторы неизвестны, но вряд ли Викентьев не принимал в этом участия, под текстом Устава его подпись стоит первой в списке членов-учредителей)⁷², однако учреждение Общества произошло позже (см. ниже).

Продолжались работы Викентьева и в Иваново-Вознесенске. С 1918 г. Викентьев являлся «ученым заведующим» и председателем Ученой коллегии Иваново-Вознесенского губернского музея Д.Г. Бурылина, а в 1919–1920 гг. числился его заведующим⁷³, получал разрешения для проезда в Иваново-Вознесенск и обратно в профессорском вагоне⁷⁴. В 1921 г. Викентьев

являлся заведующим Иваново-Вознесенского музея Д.Г. Бурulina, где «проводил научную реорганизацию всех коллекций по плану, им выработанному и утвержденному Главмузеем»⁷⁵.

В письме М.И. Викентьевой к мужу в Петроград от 14 февраля 1919 г. упоминается о лекциях, «вероятно, о масонстве», которые он читал в это время. Возможно, их письменную версию можно было получить для прочтения⁷⁶.

Викентьев также являлся членом Московского Археологического общества (МАО), читал курс публичных лекций по литературе Древнего Египта и «по вопросам древневосточных культур»⁷⁷. В этом же Обществе Андрей Белый читал курс «Мистерии Востока и Запада» в декабре 1918 г. В июле 1918 — сентябре 1919 г. в МАО работал «Кружок Мистерий», в нем состояли Белый и Сабашникова [Малмстад 1992, с. 473 и след.].

В феврале 1920 г. Андрей Белый писал Асе Тургеневой: «...в воскресенье <проходят> лекции наши в небольшой аудитории Гимназии преподавателей на Остоженке (т.е. пока главным образом мой курс и Викентьева) <...> В этом году работа гораздо продуктивнее в том отношении, что извне большее количество людей заинтересовываются антропософией, и в том отношении, что внутри кружка наблюдается большая инициатива к действию. Мой курс слушают от 60 до 70 человек, главным образом, курсистки и молодежь <...> Курс Вл<адимира> Мих<айловича> Викентьева очень делен; и — со вкусом» [Nivat 1977, с. 140].

На экстренном заседании Кружка по изучению древних культур 7 июня 1920 г. (по реформированию его в Общество изучения древних культур) предполагалось избрание Б.А. Тураева председателем Общества (заочно, в случае его согласия), а В.М. Викентьева — его товарищем (т.е. заместителем). Членами Ревизионной комиссии стали Н.С. Щербатов, В.К. Мальмберг и Т.Н. Бороздина. Среди почетных членов Общества были: В.В. Бартольд, П. Лихачев, Н.Я. Марр, С.А. Жебелев, Ф.Ф. Зелинский, М.И. Ростовцев, С.Ф. Ольденбург, Б.В. Фармаковский; среди действительных — В.Н. Лазарев, А.В. Живаго, А.А. Захаров, В.И. Авдиев, Г.Я. Кобранов⁷⁸.

В 1920 г. было организовано Историко-археологическое отделение Дворца искусств. В него входили те же люди, что в Общество по изучению древних культур. Заведующим был избран Андрей Белый. На первом заседании 1 августа 1920 г. Викентьев должен был сделать доклад по оккультизму, но не смог по болезни. Почетным гостем на этом заседании был М.И. Калинин. На заседание 14 августа был приглашен В.И. Немирович-Данченко [Томашевич 2003, с. 150]. Отделение планировало организовать чтение лекций по памятникам литературы, диспуты на естественно-научные темы, устройство выставок. Лекции по истории древних культур, сопровождаемые соответствовавшими музыкальными выступлениями (например, фрагментами из «Аиды»), должны были проходить в театре «Эон» [Томашевич 2003, с. 150].

В 1921–1922 гг. В.М. Викентьев добивался командировки за границу, мотивируя ее необходимостью отсутствием в Москве научной литературы и на-

рушением контактов с египтологами Европы. Главной целью поездки был сбор экспонатов и литературы для музея.

16 февраля 1922 г. Коллегия управления Исторического музея выдала Викентьеву удостоверение в том, что он является «зав. Отделением Археологии» музея. В июле 1922 г. постановлением Наркомпроса штат МИКВ был сокращен до одного заведующего⁷⁹.

10 августа 1922 г. Викентьев получил в Наркомпросе удостоверение, что ему как «зав. Музеем-Институтом Классического Востока Отдела по делам Музеев Главнауки Наркомпроса» можно беспрепятственно выехать за границу «для продолжения его научных работ»⁸⁰. Однако выехал он в командировку (первоначально в Берлин) только в ноябре 1922 г. Должность «зав. Отделом Классического востока» сохранялась за ним до конца 1922 г., а в 1924 г. не была упразднена и считалась вакантной⁸¹. В Россию Викентьев уже не вернулся. Его второй родиной стал Египет, где он многие годы преподавал в Каирском университете. В одной из своих статей он утверждал, что миф об Озирисе и русская былина «Святогор и Илья Муромец» имеют общие культурные корни. Таким образом, надеждам Владимира Михайловича (да и всех антропософов) на «окультурное» преобразование России не суждено было сбыться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Высочайший Манифест 17 октября 1905 г. провозглашал, в числе прочего, свободу собраний и союзов в России.

² Подробные сведения о В.М. Викентьеве, приведенные в работах О.В. Томашевич, далеко не полно освещают его деятельность. Многочисленные факты о жизни и деятельности В.М. Викентьева почерпнуты нами в его письмах и документах, которые хранятся в Отделе рукописей Государственного музея изящных искусств им. А.С. Пушкина (ОР ГМИИ. Ф. 36. В.М. Викентьев), а также в переписке антропософов (ОР ГМИИ. Ф. 43. Бурышкины — Лузины — Григоровы) и в документах Музея-института классического Востока (ОР ГМИИ. Ф. 4). Далее приводятся только номера фонда, описи и единиц хранения.

³ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 465.

⁴ Ормузд — греческий эквивалент имени Ахурамазда («Владыка мудрости»), которым называли верховного бога зороастрийского пантеона, всемогущего и всезнающего бога добра и света [Дандамаев 2005].

⁵ Знак поставлен В.И. Викентьевым.

⁶ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 460.

⁷ Ормузд в ее понимании являлся воплощением «Благой мысли». Его родной брат и противоположность — бог зла, Ариман. «Эти две Силы неразделимы на данном плане и на этой ступени эволюции, и были бы бессмысленны одна без другой» [Блаватская 1891].

⁸ В начале XX в. фамилия Штайнера транслитерировалась на русский язык как «Штейнер». Это произношение и написание до сих пор сохраняется среди российских антропософов.

⁹ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 346. Л. 1об.

¹⁰ О.Н. Анненкова.

¹¹ Т.Г. Трапезников.

¹² Розенкрейцеры.

- ¹³ Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 454.
- ¹⁴ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 44.
- ¹⁵ Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 452.
- ¹⁶ Штайнер вышел из Теософского общества в связи с конфликтом с его руководителями, прежде всего Анни Безант, и в 1913 г. его последователи организовали в Германии Антропософское общество, главой которого стала ближайшая соратница Штайнера Мария фон Сиверс.
- ¹⁷ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 17. Л. 1–10б.
- ¹⁸ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 463.
- ¹⁹ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 292.
- ²⁰ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 18. См. об этом также: [Maydell 2005, s. 198–199].
- ²¹ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 364.
- ²² Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 334.
- ²³ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 293.
- ²⁴ Вероятно, Алексей Васильевич Сабашников.
- ²⁵ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 20.
- ²⁶ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 292.
- ²⁷ Книга «Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten» («Как достигнуть познания высших миров», 1904–1905; GA 10) была опубликована в «Вестнике теософии» в 1908–1909 гг. в переводе В. Лалетина.
- ²⁸ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 325.
- ²⁹ Слово «форма» подчеркнуто линией из точек.
- ³⁰ Слово «интереснее» подчеркнуто линией из точек.
- ³¹ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 367.
- ³² Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 139.
- ³³ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 22.
- ³⁴ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 367.
- ³⁵ См., например, цикл лекций «Теософия розенкрейцеров» (Die Theosophie des Rosenkreuzes, GA 088–270).
- ³⁶ НИОР РГБ. Ф. 261. Карт. 7. Ед. хр. 56. Л. 3–3об.
- ³⁷ Клавдия Николаевна Васильева.
- ³⁸ Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 436.
- ³⁹ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 477. Л. 3, 18. Благодарю Е.В. Глухову, которая обратила мое внимание на эти документы. В январе 1917 г. Белый уехал в Петроград и вернулся в апреле, затем поездки часто повторялись. Мария Ивановна Викентьева — урожденная Сизова.
- ⁴⁰ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 466.
- ⁴¹ НИОР РГБ. Ф. 746. Карт. 51. Ед. хр. 14. Проспект не датирован, в нем лишь указаны дни лекций: воскресенья в октябре (15, 29), ноябре (12, 26), декабре (10, 17), январе (7, 21), феврале (4). На основании этих данных мы датировем проспект 1917 г.
- ⁴² Архив ГИМ. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2; Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 6; Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 80; Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 2об, 5об.
- ⁴³ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 251.
- ⁴⁴ Вышел в 1917 г. в научно-популярной серии «Культурно-исторические памятники Древнего Востока», предпринятой его учителем Б.А. Тураевым.
- ⁴⁵ По всей вероятности, речь идет о «Духовном знании», однако не исключено, что Викентьев организовал какое-то другое издательство.
- ⁴⁶ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 311. Игнатов также писал: «Мне бы очень хотелось перевести для издания небольшую англ. книжку об испанской сцене, она крайне нужна, т.к. это единственный труд в этой области. Что Вы скажете? Размер не очень большой. Что Nijhoff — молчит?» Упоминаемый здесь Нейхоф — известный поэт-модернист.
- ⁴⁷ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 311.

⁴⁸ Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 96. Л. 5. Входная плата составляла 1 рубль «в пользу Библиотеки Кружка».

⁴⁹ Явный отголосок «египтомании» Викентьева.

⁵⁰ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 6. Л. 1а.

⁵¹ Интересно, что сам Наркомат просвещения был официально создан 18 июня 1918 г.

⁵² Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 5. Л. 3. В 1918 г. он являлся членом Подотдела Центральных музеев — см. Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 1. Л. 2. См. также: Архив ГИМ. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2; Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 6; Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 80; Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 2об, 5об.

⁵³ В Наркомпросе служили многие антропософы и близкие к ним люди. Так, в это учреждение поступила 1 октября 1918 г. на работу в Отдел по делам Музеев и охраны памятников искусства, подотдел «Национально-Музейный фонд», свекровь Викентьева Александра Алексеевна Сизова — см. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22. Ед. хр. 3 (Сизова А.А.). Л. 7. Ее дочь (и родная сестра жены Викентьева), Надежда Ивановна Сизова, служила в должности «ответственного корреспондента» Отдела с 4 июня 1918 г. Рекомендацию для приема на работу дал ей Викентьев. Позднее работала на должности машинистки. Уволилась по семейным обстоятельствам 16 октября 1919 г. Любопытно, что в Анкете в графе «профессия» Н.И. Сизова указала: «танцовщица» — см. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22. Ед. хр. 1058 (Сизова Н.И.). Л. 7, 10, 11.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22. Ед. хр. 201 (Викентьев В.М.). Л. 3.

⁵⁵ Там же. Л. 4.

⁵⁶ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 5. Л. 3; Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 1. Л. 2. См. также: Архив ГИМ. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2; Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 6; Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 80; Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 2об, 5об.

⁵⁷ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 4. Л. 3; Ед. хр. 5. Л. 1об, 4.

⁵⁸ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 5. Л. 1об.

⁵⁹ Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 1. Л. 1–13.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22. Ед. хр. 201 (Викентьев В.М.). Л. 8–8об.

⁶¹ Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 1. Л. 1–13.

⁶² Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 1. Л. 1–13.

⁶³ Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 1. Л. 1–3, 13.

⁶⁴ Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 3. Л. 12.

⁶⁵ Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 3. Л. 9.

⁶⁶ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 5. Л. 1об, 6об.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ О А.Н. Грече (настоящая фамилия Залиман или Зелеман; 1899 — после 1936) известно крайне мало. Он был историком, искусствоведом, организатором обществ «Artifex» и «Общества изучения русской усадьбы». В личном фонде А.А. Сидорова хранится его статья «Немецкая резная доска 16 в.» (ОР ГМИИ. Ф. 52. Оп. 2. Разд. 2. Ед. хр. 84). В 1931 г. был арестован и сослан на Соловки, где написал знаменитый «Венок усадьбам», в который вошли очерки о 47 имениях, расположенных в Московской и ряде соседних губерний. При невыясненных обстоятельствах эта рукопись попала в ГИМ. Известно, что Греч переписывался с Василием Сергеевичем Арсеньевым-внуком (1883–1947), который также состоял в Обществе изучения русской усадьбы. Письма эти сохранились в ОПИ ГИМ в ф. 43 (Арсеньевых) [Писарькова, Афанасьева 1995]. В.С. Арсеньев-внук был одним из последних хранителей розенкрейцерской традиции в России.

⁶⁹ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 5. Л. 1об.

⁷⁰ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 5. Л. 5.

⁷¹ НИОР РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 18 — закрытка, штемпель: 24.1.1918. В.А. Гурко и М.А. Харузин — известные востоковеды.

⁷² Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 3. Л. 94–95.

⁷³ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 4. Л. 4; Ед. хр. 5. Л. 3.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 22. Ед. хр. 201 (Викентьев В.М.). Л. 12, 13, 18.

⁷⁵ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 5. Л. 3.

- ⁷⁶ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 240. В описи письмо ошибочно датировано 1915 г.
⁷⁷ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 5. Л. 1об.
⁷⁸ Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 96. Л. 14; Ед. хр. 97. Л. 3.
⁷⁹ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 4. Л. 7.
⁸⁰ Ф. А-2307. Оп. 22. Ед. хр. 201. (Викентьев В.М.). Л. 19.
⁸¹ Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 6. Л. 6–7.

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский 2011 — *Азадовский К.М.* «Я чувствую в Вас вечность...»: Из писем А.Р. Минцловой к Маргарите Сабашниковой // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: НЛО, 2011. С. 7–29.
- Блаватская 1891 — *Блаватская Е.П.* Ормузд и Арихман // *Lucifer*. 1891. Vol. VIII, march — aug. P. 111.
- Богомолов 1999 — *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX в. и оккультизм: Исследования и материалы. М.: НЛО, 1999. 550 с.
- Викентьев 1917 — *Викентьев В.М.* Собрание масонских предметов Российского исторического музея. М., 1917. [36] с.
- Викентьев 1918 — *Викентьев В.М.* Собрание масонских предметов Российского исторического музея. М.: В Синодальной тип., 1918. 36 с.
- Викентьев 2002 — *Викентьев В.М.* Собрание масонских предметов Российского исторического музея // Антология научных трудов Государственного исторического музея. Ч. 1. М.: ГИМ, 2002. С. 48–73.
- Дандамаев 2005 — *Дандамаев М.А.* Ахурамазда // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / Гл. ред. Ю.С. Осипов. Т. 2: Анкилоз — Банка. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. С. 581.
- Десятников 2007 — *Десятников В.А.* Находка под лестницей // Московский журнал. 2007. № 2. С. 33–38.
- Кайе 2011 — *Кайе С.* Египетское масонство Устава Мемфиса-Мицраима / Пер. В. Большакова, Д. Большаковой, К. Варгулевича. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Ганга, 2011. 464 с.
- Ковалевский 1917 — М.М. Ковалевский: ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сб. статей. Пг.: Артистич. заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917. 274 с.
- Лавров 2008 — *Лавров А.В.* Андрей Белый в 1917 году: Монархия или Республика? // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения. М.: Наука, 2008. С. 88–92.
- Лотарева 2011 — *Лотарева Д.Д.* Розенкрейцер в Историческом музее // Родина. 2011. № 11. С. 88–90.
- Лотарева 2013 — *Лотарева Д.Д.* Восприятие розенкрейцерства антропософами в России в 1910-е годы: к интерпретации поэмы А. Блока «Двенадцать» // Шахматовский вестник. Вып. 13. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 158–168.
- Майдель 1990 — *Майдель Р. фон.* О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России // Блоковский сборник. Вып. XI. Тарту, 1990. С. 67–81.
- Майдель 2001 — *Майдель Р. фон.* «Спешу спокойно»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 214–239.
- Малмстад 1992 — *Малмстад Дж.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. М.: Прогресс; Феникс, 1992. С. 409–488.
- Малмстад 2007 — «Мой вечный спутник по жизни»: Переписка Андрея Белого и А.С. Петровского. Хроника дружбы / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. Дж. Малмстада. М.: НЛО, 2007. 296 с.

Никитин 1998 — *Никитин А.Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М.: б.и., 1998.

Никитин 2003 — Орден Российских тамплиеров / Публ., вступ. статьи, коммент., указ. А.Л. Никитина. Т. I–III. М.: Минувшее, 2003. 1344 с.

Никитин 2004 — Розенкрейцеры в Советской России: Документы 1922–1937 гг. / Публ., вступ. статьи, коммент., указ. А.Л. Никитина. М.: Минувшее. 2004. 464 с.

Никитин 2005 — Эзотерическое масонство в Советской России: Документы 1923–1941 гг. / Публ., вступ. статьи, коммент., указ. А.Л. Никитина. М.: Минувшее, 2005. 536 с.

Писарькова, Афанасьева 1995 — *Писарькова Л., Афанасьева М.* Потерянная рукопись // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Вып. 32. М.: Сов. Россия, 1994. С. 2–4.

Серков 2001 — *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: Росспэн, 2001. 1224 с.

Серков 2009 — *Серков А.И.* История русского масонства XX века. Т. I–III. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009. 1280 с.

Тайя 2002 — *Тайя Г.* Павел Флоренский и Рудольф Штейнер (обнаружение ноумена в феноменах или идеи в действительности) // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 212–223.

Томашевич 1999 — *Томашевич О.В.* Слово о Владимире Викентьеве (по материалам архива ГМИИ им. Пушкина) // Древний Египет: язык — культура — сознание / Ред. О.И. Павлова. М.: Присцельс, 1999. С. 255–285.

Томашевич 2002 — *Томашевич О.В.* Объяснение в любви: Вместо послесловия // Тураев Б.А. Бог Тот. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2002. С. 315–388.

Томашевич 2003 — *Томашевич О.В.* Египтолог Владимир Викентьев — создатель музея нового типа. // Памятники и люди. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2003. С. 141–173.

Томашевич, Флоренский 2002 — *Томашевич О.В., Флоренский П.В.* Накануне... // Культурное наследие Египта и Христианский Восток. Вып. 1. М.: Ин-т востоковедения РАН; РГГУ, 2002. С. 284–285.

Шервуд 2017 — *Шервуд В.О.* Несколько слов по поводу Исторического музея имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича // Династия Шервудов в истории и культуре России / Авт.-сост. Е.А. Лукьянов, Ю.Р. Савельев. М.: Фонд «Связь Эпох»; Кучково поле Музеон, 2017. С. 249–282.

Carlson 1993 — *Carlson M.* No Religion Higher Than Truth: A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875–1922. Princeton: Princeton University Press, 1993. 310 p.

Maydell 2005 — *Maydell R. von.* Vor dem Thore. Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. Bochum; Freiburg: project verlag, 2005. 474 s. (Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur. Bd 29 / Hrsg. von Karl Eimermacher und Klaus Waschik).

Nivat 1977 — *Nivat G.* Lettres d'Andrej Belyj a la Famille d'«Asja» // Chaires du monde russe et sovietique. Année 1977. Vol. 18. № 1–2. P. 133–155.

Woloschin 1987 — *Woloschin M.* Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen einer Malerin. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1987. 372 s.

**ПОВЕСТЬ И.А. НОВИКОВА «ТРИШЕЧКИН И ПУДОВ» —
ЭПИТАФИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ
1917 ГОДА**

В статье анализируется деятельность принадлежащего к руслу неореализма в русской литературе писателя И.А.Новикова в промежуток между Февралем и Октябрем 1917 г. Раскрыто его понимание роли и места интеллигенции в кризисные моменты истории. На примере повести «Тришечкин и Пудов» (завершена в 1927 г.) дается представление об умении писателя через бытовое и частное раскрывать бытийную проблематику. Кроме того, содержательный компонент повести совершенно явно свидетельствует о неприятии художником свершившегося переворота и его приговоре порядкам, положенным в основание нового советского строя.

The article focuses on I.A. Novikov's neo-realist writings of the transitional period between February and October 1917. The author examines Novikov's understanding of the role and condition of the intelligentsia in times of historical crisis. The story "Trishechkin and Pudov," which was not completed until 1927, could be considered an example demonstrating the art of revealing existential problems through representation of everyday private life. In addition, the story clearly shows not only the writer's disagreement with the revolution, but also his verdict on the order of the foundation of the new Soviet regime.

Ключевые слова: И.А.Новиков, революция 1917 г., бытовые реалии, судьба интеллигенции, автодокументальная проза, русский национальный характер, журнал «Народоправство».

Keywords: Ivan Novikov, revolution of 1917, reality of everyday life, fate of the intelligentsia, auto-documentary prose, Russian national character, *The Rule of the People* (*Narodopravstvo*).

И.А. Новиков восторженно встретил Февральскую революцию, приехал в Москву с Орловщины, где в течение нескольких лет пытался преодолеть затяжной духовный кризис. Выжженной пустыней чувствовал он свою душу, изменения в общественном климате, в духовной атмосфере ощутил с превеликой радостью и интенсивно включился в новую жизнь. Он печатает свои отклики на февральские события в журнале Московской Просветительной комиссии при Временном комитете Государственной думы — еженедельнике «Народоправство» (№ 3, 5), во «внепартийном, общественно-политическом и литературном» органе Союза солдатского и крестьянского просвещения «Луч правды», принимает участие в создании однодневной газеты «Слову — свобода!». И сразу же по горячим следам начинает писать художественные произведения: роман, отрывок из которого «На Отраде-реке» печатает в «Свободном журнале» (№ 6, дек.), и пьесу «Туннель» в «Русской мысли» (№ 11/12). Общается в это время он с Н. Бердяевым, Б. Вышеславцевым,

Н. Устряловым, Вяч. Ивановым, С. Соловьевым, С. Булгаковым, М. Осоргиным, Д. Ратгаузом, А. Соболев, А. Толстым, И. Бунинным, М. Гершензоном, Б. Зайцевым, Г. Рачинским, В. Ладыженским, Г. Чулковым.

Его очерки — это цепь зарисовок, сценок, случайных встреч, подслушанных разговоров, продиктованных исключительно прихотливостью маршрута передвижения автора по улицам и площадям Москвы. Тема освобождения энергии, новизны и молодости, проявления духовных сил определяет эмоциональный строй этих произведений. Свобода понимается автором как «новая стихия, низведенная человеком на землю, равноправная воздуху, свету, теплу...» [Новиков 1917–1, с. 12]. Писателю удалось художественно закрепить неповторимую, сложную психологическую реакцию людей на события: «приподнятость и улыбка (наивно-открытая и, в то же время, — “знай наших!”), даже задор и, вместе, легкий набег недоумения, какого-то удивления и самому себе, и всему, что вокруг» [Новиков 1917–2, с. 7]. Он подробно воссоздает удивительную атмосферу февральской революции, потому что хочет оставить в памяти читателей вкус свободы, вскоре, «к нашей горечи», утраченный и забытый (писатель завершает свои заметки в июле, когда сам воздух уже стал иным, чем несколькими месяцами раньше).

Писателя не оставляло предчувствие, что в скором времени всё должно измениться, поэтому он и предпочитает «отпустить» любезных его сердцу героев в мир иной. Таковыми являются Тришечкин и Пудов из одноименной повести, которую он писал с перерывами 10 лет. Отрывок «В госпитале» был опубликован в журнале «Путь» (1919. № 2), «Осень семнадцатого года» — в «Октябрьской газете Федерации объединения советских писателей РСФСР» (1927, 8 нояб.). Полностью она была напечатана в «Молодой гвардии» (1928. № 3) и авторском сборнике «Двойная жизнь» (Харьков, 1928). Для окончательного суждения о произошедшем в 1917 г. он выбирает конкретную ситуацию ранней осени, когда в связи с обострением положения на фронте был объявлен пересмотр дел «белобилетников», дабы выявить «отсиживающихся» в тылу. Повествователь — alter ego Новикова, в свое время на собственном опыте пережившего все те унижительные проверки, которые прошли белобилетники.

И буквально с первых строк обозначен «водораздел» — рубеж между временем до революции, «плескавшимся» лениво и неспешно, «как воды пруда в заброшенной заводи», и временем «порогов», «грома водопадов», «бешенства волн» [Новиков 1928, с. 179], которым она была отмечена. И хотя время действия отнесено к дням, когда судьбами людей еще не начали распоряжаться Советы, проницательный читатель не мог не увидеть очевидного сходства описываемого с тем, что произошло вскоре, когда очевидны стали «надменность, величие, молчаливо-презрительные жесты» [Новиков 1928, с. 188] новой власти, когда «люди без предрассудков» отчетливо усвоили: «бытие определяет сознание», а «бытие их — съестное» и сознание «того же порядка» [Новиков 1928, с. 233].

Новиков начинает свое повествование от второго лица, вовлекая в разговор читателя. В результате возникает ощущение, что всё это происходит с тобой и сейчас. И почти физически ощущаешь ужас опредмечивания человека, превращения его в букашку... Герой Новикова (сам автор) — «типичный интеллигент, оглохший от митингов», «громогласия глоток, партий, платформ» [Новиков 1928, с. 180], очутившийся в незнакомой обстановке, попавший в круговерть неумолчной толпы. Но он доброжелательно настроен к происходящему, ибо для Новикова немыслимо существование вне взметнувшейся народной стихии. А теперь настало время проверки на готовность испить общую горькую чашу, увидеть народ не гипотетический, просветленный, чающий справедливости и правды, а реальный, погруженный в суету и быт. И прежде чем приступить к знакомству с Тришечкиным и Пудовым как представителями этой народной массы, автор делает обширное вступление, которое необходимо для понимания того, как был подготовлен рассказчик к встрече с ними.

Новиков прекрасно осознает отличие работника умственного труда от народной массы. Оно состоит в том, что у того за спиной не «темная тяжесть» работы, «без меры, без смысла, без передышки» [Новиков 1928, с. 181], а хотя и упорный и напряженный, но осмысленный труд, позволяющий заглядывать в будущее, выстраивать преемственность, видеть плоды своих усилий. И вот такая соотнесенность оказалась нарушена сначала войной, а потом и последующими событиями. И интеллигент оказался, как выясняется, не совсем готов к переменам. Сегодня интеллигент платит по большому счету за историческую слепоту, историческое недомыслие, историческое неведение. Но автор делает некое «послабление» для писателя, чье «копье» никогда не пролило ни капли крови, а «капает только чернилами» [Новиков 1928, с. 183]. И этот совестливый и осознающий свой долг человек брошен в самое «пекло народное» [Новиков 1928, с. 184].

Новиков в повести намечает путь преодоления разрыва между народом и интеллигенцией. Ее можно рассматривать как ответ-реплику на статью Блока «Народ и интеллигенция» и как опровержение тезисов его же статьи «Интеллигенция и революция». По Новикову, не только бунт и возмездие могут быть аргументом в споре, но и постижение, взаимное прощение, прорастание. И вот итог: писатель начинает себя ощущать «заодно» с униженным и страдающим народом, он учится многое понимать в его психологии, постепенно проникается его чувствами и настроениями. И неожиданно в нем самом поднимается «острое раздражение против ученых людей, против их образованности, не научившей их быть человеческими» [Новиков 1928, с. 210–211]. Однако ни разу оно не достигает протеста, ограничиваясь «одним сквернословием», ритуально воспроизводимым в «ежедневном, коммунальном бытии» [Новиков 1928, с. 213].

И всё же Новиков подтрунивает над услужливой готовностью интеллигента «претерпеть», «воссоединиться», «оказаться вровень» с народом. Нет

перчаток — хорошо, ближе к народу; везде наплевано, грязь, пропахший кислятиной воздух — и с этим надо свыкнуться. Но его мучает вопрос, а так ли необходимо продолжать войну, нужно ли для этого призывать больных, калек. Его коробит бездушность неразумной государственной машины, которая действует нерасчетливо, примитивно, грубо, даже в приближении не достигая поставленных целей. Постыдное унижение, распластывание человека рисуются им с мучительными подробностями. Нагромождение деталей становится ведущим приемом, призванным замедлить время, показать его бесконечность. Нескончаема очередь, в которой приходится выстаивать, прежде чем попадешь на осмотр, ужасающе нудны разговоры о болячках, которые ведут в ней ожидающие.

Новиков разрабатывает прием «расчленения» действия, когда один жест распадается на десяток мелких. Время для униженного и согбенного теряет свои контуры и начинает определяться «прикрепленностью» к самым элементарным действиям, промежуткам между одним простейшим событием и другим: дожждаться, дойти, успеть, проскочить и пр. Возникает впечатление замедленной съемки, скольжения камеры. Писатель словно бы призывает следить за взглядом, совершающим хаотическое движение, выхватывающим крупным планом деталь: синее пятно гнойничка между тощими ребрами соседа, кокетливо подправляемый перед зеркалом одним из служащих ус. Его взгляд скрупулезно отмечает те душевные искажения, которые буквально посекундно происходят в интеллигентском сознании. Он ведет реестр утрат, и это тот список, который и будет предъявлен интеллигенту, когда он попросит о снисхождении. Новиков знает эту интеллигентскую «особенность»: апеллировать к душевной чуткости, которая не имела возможности обнаружиться из-за неблагоприятного стечения обстоятельств. Поэтому его фразы звучат как инвективы: «И когда, на досуге, захочется вам поразмыслить об этой тогдашней общей жестокости, людьми овладевшей, не забудьте тогда и этого странного факта — равнодушия вашего, вашей порочной пассивности» [Новиков 1928, с. 190].

Он замечает, как прорастают в душе интеллигента ростки «невинных радостей», возникающих от мельчайших случайностей. Например, такой: успел пройти проверку до перерыва, в то время как другим еще ждать в бесконечной очереди своей участи. Происходящее на медицинском пункте всё более начинает напоминать театр абсурда, поскольку осмотр не имеет никакого смысла: всех всё равно отправляют в госпиталь, т.к. все заведомо заподозрены в дезертирстве. С ядовитым сарказмом, достойном гашековского «Швейка», говорит он о «праве» на отдых медиков, чей труд сводился к чтению газет и постановке на каком-нибудь бланке «невразумительной подписи», решавшей «горемычную чью-нибудь участь» [Новиков 1928, с. 191].

Постепенно писатель приходит к выводу о незначительности личного участия, об отсутствии отведенного индивидууму места в истории, о затерянности человека в пустынях пространства, где властвуют непознаваемые

силы судьбы. Кем записываются на скрижалях истории факты? Новиков прибегает к неопределенно-личным формам, отсылающим нас к мистическому осознанию необоримости исторических решений. У Новикова «незримый кто-то» (Блок) лихорадочно записывает происходящее: «Быстро летает перо по страницам, и брызги летят между строк — на поля...» «И одна из таких-то вот *клякс*, чернильная, микроскопически крошечная, это и есть — не обижайтесь! — именно вы» [Новиков 1928, с. 195]. И в другом месте; трамвай «смутно похож на крутую ковригу, и низко обвисшая корка ее, с припеченными к ней отрубями серых шинелей, кажется, вот-вот обломится, и рассыплются *крошки* на неопрятную мостовую Красноказарменной улицы» [Новиков 1928, с. 195; курсив мой. — М.М.]. Люди-кляксы, люди-крошки... Стертые, обезличенные, перемолотые историческим жерновом до неузнаваемости, прирученные, привыкшие к голоду, грязи, нечистотам, фальши, взяточничеству, подкупам — таковы реалии лета и осени 1917 г.

Новиков набрасывает ряд натуралистических картинок, призванных дать физически ясное представление о том, что способно разрушить мир человека. Мир колеблется не тогда, когда посягают на его государственные основы и нравственные устои, а тогда, когда перестает выполняться элементарное, когда привычным и обыденным становятся грязь, разруха, отсутствие безразличности. Писатель специально сосредотачивается на биологической фактуре человека, подчеркивает, что он состоит из дурно пахнущих выделений. «До этого дня вы разве в кошмаре могли бы увидеть, как, выдавив гной на груди из чьего-то карбункула и обтерев о халат зловонную жидкость, теми же пальцами врач добросовестно лезет между сморщенными веками подневольного своего пациента: нет ли трахомы?», а в палате у вашего соседа «по рыхлой щеке из уха сочится капелька гноя. Вы переводите взгляд на подушку — и там те же следы», «внушительный» же палец другого соседа «в непосредственной близости с вами» «вытирает о стену то, что осталось на нем» [Новиков 1928, с. 191, 197, 188]. А если вы не хотите получать бельё с «огромными разводами» и «изжелта-коричневыми пятнами», вас успокаивают: «Ничего, господин, у нас моется чисто, а это так ... припеклось...» [Новиков 1928, с. 198].

Новиков всё время подчеркивает духовную уязвимость человека, его зависимость от внешних обстоятельств, его душевную хрупкость. Воля человека парализуется, когда перевешивает желание чистого белья, вкусной похлебки, тишины. И пройдя через «кошмарное это бытие» [Новиков 1928, с. 201], вы ощутите внутри спасительное «одеревенелое равнодушие» [Новиков 1928, с. 200], приравнивающее человека к «равнодушной природе». Поэтому и возникает портрет человека, составленный из антропоморфных определений: тело вздыбливается «выступами острых ключиц», напоминающих «холмы над узловатой, подвижной шеей», а «мертвые темные впадины глаз» кажутся «илом затянутыми сухими озерами». Новиков использует не привычный пейзажный антропоморфизм, а, напротив, растворяет человека

в природном, уподобляет его изначальному, первичному, доисторическому. В итоге возникает «каменный мертвый ландшафт» [Новиков 1928, с. 202]. Духовно омертвевшим человеком очень удобно манипулировать, такой человек с легкостью становится и жертвой, и палачом: «не то перед вами избие-ние Иродово неповинных младенцев, и, что страшнее всего, сами вы в роли участника», «не то купель силоамская, и здесь уже вы — между других; и то, что вы между других делите общую участь, это уже будто полетче» [Новиков 1928, с. 203]. Человек принимает предлагаемые условия и попадает в полную зависимость от них. Так исподволь проступает главная задача дня: чтобы выжить, надо остудить душу, не дать ей вновь обрести чувствительность. Прежняя жизнь, где было сострадание, осталась далеко позади, сохранилась в памяти лишь как «милый, живой кусочек истории, грустный анахронизм» [Новиков 1928, с. 193].

Человек может только или пытаться укрыться от исторического натиска, или, напротив, восторженно подставить грудь грядущим испытаниям. Не-соизмеримость стихийного напора и человеческих усилий Новиков живо-писует с помощью пушкинско-толстовских аллюзий. Начало фразы: «А если кому порою и кажется, что ветер или вихрь оседланы им и норовистый конь послушен узде», — вызывает в памяти заявленную в «Медном всадни-ке» коллизию «личность — государство — стихия», а ее конец: «то с равным успехом — на гребень волны присевшая чайка может решить, что она ка-питан океана, повелевающий буре» [Новиков 1928, с. 193] — отсылает нас к размышлению Л. Толстого о корабле, капитане и гребцах в «Войне и мире».

Писатель неоднократно подчеркивает неразличимость человеческих лиц, попавших в исторический муравейник. У всех «то же исподнее», «тот же ха-лат» [Новиков 1928, с. 195], так же кусают всех госпитальные насекомые, и так же время от времени растираются слюною укушенные места. В этом он видит и убийственное исчерпание индивидуальных человеческих свойств, и спасительность безликости. Новиков подчеркивает однородность жестов, неразличимость эмоций, однотипность реакций. Даже исторгаемый из груди крик не принадлежит отдельному человеку: это «испустило вопль» «какое-то вообще естество» [Новиков 1928, с. 203], даже самоубийство «сопалатни-ка» неспособно поколебать раз и навсегда установленный порядок: через четверть часа все уже мирно храпят... С удивлением автор обнаруживает, что ко всему-то привыкает подлец-человек, что обживается и приживается даже там, где, казалось бы, прижиться нет никакой возможности. И хотя ав-тор обнаруживает наличие множества «дьявольски мерзких вещей», у него в госпитальном общежитии возникает ощущение *дома*. И пусть в нем есть что-то от «мертвого дома» Достоевского, но здесь твоего возвращения (если иногда удастся на время удрать домой) ждут, люди, тебя окружающие, тобою изучены, и ты можешь с полным правом сказать, что они «люди как люди, то есть с пестринкой» [Новиков 1928, с. 210]. Здесь вспоминаются опреде-ления Горького и Бунина, отмечавших «пестроту» души русского человека,

но призывавших не отворачиваться от этих далеко не безгрешных существ. В духе Горького и Бунина развивается и мысль Новикова о всевластии «веками приглушенной» русской крови, порождающей пассивность и долготерпение. И это не умозрительный вывод, а итог реальных наблюдений, оценок, сопоставлений.

От конкретных наблюдений Новиков переходит к обобщениям. Богатый материал для этого дает первая неделя октября 1917 г. Потоки слов, горячие речи, гневные ультиматумы, широковещательные декларации, многочисленные обещания кончаются ничем. Новиков ищет и находит очень удачное сравнение для передачи этого замирающего на месте кипения — «остывающий пар». Он еще может страшно обжечь, но уже не совершит ни благих действий, ни разрушений. Словно «ежели б в бане открыли подполье, и на разгоряченное тело подула струя почти ледяная» [Новиков 1928, с. 213]. А в результате возникает «привычный, а порою нарочитый, но неизменно пассивный — цинизм», который, если его «предоставить собственной участи» и он «прорвется в действие», родит нечто «дикое и беспощадное». Новиков предлагает вроде бы традиционное, но в то же время глубоко пережитое, прочувствованное, подтвержденное многими фактами объяснение возможных причин русского «бессмысленного и беспощадного бунта» — рабская и одновременно бунтарская психология. И всё же автор всей логикой повествования опровергает свое же «одномерное» утверждение, показывая большую глубину, густоту, неоднозначность народной психологии.

По жанру «Тришечкин и Пудов» — надгробное слово о гибели «двух русских людей», «двух малых капелек буйно взметенной воды» [Новиков 1928, с. 180]. Об этом говорит и лирический зачин, развертывающий метафору реки времен, подобравшейся к сентябрю 1917 г., когда повеяло «роком, судьбой, неизбежностью» [Новиков 1928, с. 180], и прозаическое звучание их фамилий героев, появляющихся где-то в начале второй трети повествования, когда читатель уже полностью погрузился в атмосферу эпохи.

Новиков создает облик своих героев «по контрасту»: Пудов — рыхлый, неповоротливый с опухшими веками и одутловатыми щеками, комком спутанных жирных волос, ленивый, простодушный, незлобивый, огромный неповоротливый младенец, не испытывающий в целом от всего происходящего особых неудобств, умело вписывающийся в любую ситуацию; Тришечкин — рыжеватый, с ниточкой реденьких усов, с затаенной злой, а иногда и хитровой усмешечкой тоненьких губ, сухонький, небольшого роста, щеголеватый, подтянутый, быстрый, аккуратный. Они антиподы, но их связывает странная дружба, даже, пожалуй, нежная влюбленность. Достаточно вспомнить, что Тришечкин укутывает отправляющегося в город Пудова как заботливая нянька или дядька-ворчун.

Автора, пожалуй, больше интересует Тришечкин. Несколько раз возвращаясь к его портрету, он уточняет первое впечатление, отметившее только жесткую проволоку усов и прочность широкого таза. Теперь на первый план

выступают глаза, в которых светятся лукавство и ум, но они, «светлые, почти водянистые, темно сереют, не разгораясь нисколько, а лишь уплотняясь, темнея», вызывая ощущение «застывших в полете серых двух пулек, свинцовых», когда он ораторствует. Пудов — дитя малое, неразумное, а Тришечкин организован, собран. У повествователя даже возникает подозрение, не из большевиков ли он. Но даже допуская это, автор остается весьма «далек от всяческой мысли о каких бы то ни было партиях» [Новиков 1928, с. 214], ибо для него Тришечкин — воплощение жизни во всей ее непредсказуемости и многообразии.

Тришечкин и Пудов раскрывают крайние настроения массы. Их фигуры важны для Новикова, который на их примере хочет понять, что же привело, в конце концов, к октябрьскому перевороту, хочет уяснить для себя логику происходящего. Умелый пропагандист Тришечкин, доверчивый и одновременно проницательный Пудов, соединившись, образовали тот симбиоз, который сильнее всего подействовал на нерешительное «человеческое болото». Но если участие в подготовке и «созревании» революции двух столь разных людей одновременно неожиданно и закономерно, еще более показательна их гибель.

По всей вероятности, Новиков описывает тот бой в Москве между юнкерами и красногвардейцами, происходивший в доме № 8 у Никитских ворот, который попал и в воспоминания Паустовского и в котором тот едва не погиб. Как и Паустовский, Новиков не становится на чью-либо сторону. Но если Паустовский в «Повести о жизни» обращал внимание на людей с «зелеными лицами» и «ввалившимися глазами», которые «ничего не видят и не понимают, оглушенные собственным криком» [Паустовский 1958, с. 592], то Новикову важно показать, что в этом нелепом бою гибнут самые чуткие, самые гуманные, самые необходимые, которые есть самый «грустный анахронизм».

Писатель явно сознательно (именно на период завершения «Тришечкина и Пудова», вторую половину 1920-х гг., приходится начало занятий кружка известных литераторов по изучению творчества Пушкина) «воспроизводит» эпизод, уже бытовавший в литературном контексте: спасение кошки из горящего дома Архипом в повести «Дубровский». Здесь так поступает Пудов, пытающийся снять с карниза здания жалобно мяукающее животное. Но он не успевает довершить доброго поступка: его настигает пуля, так же как и бросившегося ему на выручку Тришечкина. И знаменательно, что два друга погибают отнюдь не за великое правое народное дело, а из-за «пустяка», который явно не стоил пролития крови и который вряд ли зачтется им их товарищами.

Но для Новикова поступок так и не научившегося стрелять Пудова, который, взбираясь на крышу, поднимался «всё выше и выше» (символическое *возвышение* героя), так же как и смерть Тришечкина, упавшего «*вскинувши руки*» [Новиков 1928, с. 238; курсив мой. — М.М.], оказываются явления-

ми высшего порядка, освятившего их обычную, ничем не примечательную жизнь. Новиков, таким образом, «изъял» двух друзей из Большой Истории, дабы в дальнейшем души их не подверглись тем дьявольским соблазнам, какие выпали на долю большинства «вершителей» исторического процесса в последующие годы.

Результатом повседневных наблюдений за событиями осени 1917 г. был открывшийся в душе писателя «на долгие сроки — новый болезненный — внутренний фронт» [Новиков 1928, с. 235], заставлявший его мучительно раздваиваться, когда он, наконец, остался «сам с собою — наедине» [Новиков 1928, с. 239]. За эти дни он почувствовал «изнутри» ранее не очень известных и понятных ему людей. И особенно горька была ему их потеря потому, что их гибель, по сути, была положена в основание государства «чиновничьей ультра-лояльности, одновременно полезной и подлой» [Новиков 1928, с. 235], ростки которой он в будущем обнаруживал повсюду.

ЛИТЕРАТУРА

Новиков 1917-1 — *Новиков И.* В эти дни. Очерк первый: Накануне // Народноправство. 1917. № 3. С. 10–13.

Новиков 1917-2 — *Новиков И.* В эти дни. Первое марта // Народноправство. 1917. № 5. С. 6–8.

Новиков 1928 — *Новиков И.* Двойная жизнь; [Тришечкин и Пудов]: Повести. [Харьков]: Пролетарий, [1928]. 240 с.

Паустовский 1958 — *Паустовский К.Г.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Повесть о жизни. М.: Гослитиздат, 1958. 791 с.

РУССКИЙ ВЕРХАРН ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ:
К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА ПРОЛЕТАРСКОГО ВЕРЛИБРА*

В статье рассматривается история переводов стихотворений Э. Верхарна на русский язык в начале XX в., в первую очередь — с точки зрения их стиха. Согласно общепринятому мнению, сформулированному В. Брюсовым, бельгийский поэт писал свободным стихом (верлибром) и тем самым оказал большое влияние на формирование этого типа стиха в русской поэзии, в первую очередь — пролетарской. Это мнение связано с пониманием верлибра самим Брюсовым, для которого это — стих, «собранный» из строк разных силлаботонических размеров; именно так переводил Верхарна сам русский символист. Однако эту практику не подхватил больше ни один русский переводчик Верхарна: они использовали чаще всего вольную силлаботонику, реже — раешный и белый стих. Наиболее оригинальными оказались переводы Волошина, использовавшего белый стих в сочетании с вольностью, переменностью анакрус и сознательным использованием нерегулярной цезуры для нарушения границ строк. Для пролетарской поэзии Верхарн был своего рода знаменем, начинающие авторы восприняли планетарность его мышления, общий демократический настрой, однако в области стихотворной техники, в том числе и верлибра, шли абсолютно другим путем, в лучшем случае копируя «сборный» «свободный стих» Брюсова.

In the article history of E. Verhaeren poems' translations into Russian at the beginning of the XX century, first of all — from the point of view of their verse, is considered. According to the standard opinion formulated by V. Bryusov, the Belgian poet used free verse and by that has exerted a great influence on formation of this type of verse in Russian poetry, first of all — proletarian. This opinion is connected with Bryusov's understanding of free verse for whom it is a verse "collected" of different sillabotonic lines; quite so Russian symbolist translated Verhaeren's verse. However this practice wasn't picked up by other Russian translators of Verhaeren: most often they used free sillabotonics, more rare — *rayok* and blank verse. The translations by Voloshin which used blank verse in combination with a liberty, variability of anacruses and conscious use of irregular caesura for violation of line borders were the most original. For proletarian poetry Verhaeren was some kind of banner, the emerging authors apprehended globalism of his thinking, the general democratic spirit, however in the field of poetic equipment including a free verse, they went absolutely other way, at best copying an "assemblic" "free verse" by Bryusov.

Ключевые слова: пролетарская поэзия, Верхарн, Брюсов, Волошин, свободный стих, силлаботоника, раешный стих, переменная анакруса, нерегулярная цезура.

Keywords: proletarian poetry, Verhaeren, Bryusov, Voloshin, free verse, blanc verse, sillabotonics, rayok, variability of anacrusis, irregular caesura.

* Работа проводилась при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 — нач. 1920-х)».

В начале XX в. творчество бельгийского поэта Эмиля Верхарна, писавшего по-французски, было необычайно популярно в России. Причем в значительной мере это происходило благодаря общей революционной направленности верхарновской поэзии: сами названия стихотворений «Восстание» и «Кузнец» и пьесы «Зори» напрямую ассоциировались с революционными предчувствиями российской интеллигенции. Соответственно, эти произведения переводились каждое более десяти раз разными переводчиками, причем наиболее активно начиная с 1907 г. — года завершения первой русской революции.

Первенство в освоении Верхарна, как это часто случалось в то время, принадлежит Валерию Брюсову: два «подражания» Верхарну, как их называл сам поэт, появились в его сборнике 1900 г. «*Tertia vigilia*» — стихотворения «Женщина на перекрестке» и «К северу».

Соответственно, и первая книга Верхарна в русском переводе тоже принадлежит Брюсову: это «Стихи о современности» [Верхарн 1906] (недаром в 1908 г. русский поэт просил у Верхарна разрешения «оставаться вашим апостолом в России» [Переписка 1976, с. 572]). Однако уже в следующем году в Казани появляются «Обезумевшие деревни» в переводе известного ученого, создателя так называемой «Воображаемой логики» Николая Васильева [Верхарн 1907]. В 1909 г. в Москве две книги бельгийского поэта — «Издыхающие равнины» и «Города-чудовища» под одним переплетом выпускает переводчик, скрывшийся под псевдонимом Н.Ч. (Николай Чуев) [Верхарн 1909]. Так что монополия Брюсова достаточно скоро была нарушена, что и неудивительно в условиях им же спровоцированного особого интереса к бельгийскому поэту.

Вторая волна интереса и переводов совпадает с мировой войной и связанной с ней своеобразной «модой» на Бельгию («окровавленную», как называл свою книгу военной публицистики, переведенную в России, Верхарн). В 1914 г. выходит книга «Безумие полей» (*Les campagnes hallucinées*, 1893) в переводе Бориса Серебрякова со вступительными статьями В. Львова-Рогачевского и М. Горькова [Верхарн 1914]. В 1915 г. появляется «Собрание стихов, 1883–1915 гг.» в переводе Брюсова; второе издание этой книги с измененной датой (1883–1916 гг.) появляется спустя два года. В том же 1917 г. сборник своих переводов из Верхарна, скромно озаглавленный «Стихи», выпускает Борис Бер [Бер 1917].

Революционные события 1917 г. породили новый интерес к поэтическому наследию Верхарна, поэзия которого воспринималась теперь уже не как обшчедемократическая, а как пролетарская.

Уже в 1918 г. к переводам подключаются новые авторы, причем их работы над Верхарном, как правило, напрямую ассоциируются с событиями в революционной России. Появляются десятки переводов, в том числе и дилетантских, в журналах, газетах, альманахах и т.д.; стихи Верхарна (в основном в переводах Брюсова) попадают в эти годы в разные антологии революцион-

ной поэзии. Но нас интересуют именно книги переводов бельгийского поэта, больше всего свидетельствующие о серьезности интереса к нему в революционной России.

В 1919 г. их выходит целых пять: это сборник «Двенадцать месяцев» (*“Les Douze mois”*) в переводе уже знакомого нам Б. Серебрякова, книга «Живая жизнь: Избранные стихотворения» в переводе В. Чернова [Верхарн 1919] и две почти совпадающие по содержанию книги М. Волошина: «Стихотворения», изданные в Одессе в издательстве «Омфалос» с предисловием переводчика, и «Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы», само название которой указывает на совмещение под одной обложкой собственно поэтических переложений и опыта критического осмысления творчества поэта. Наконец, в этом же году выходит и первая «неавторская» книга переводов Верхарна «Избранные стихотворения», составленная З.А. Богомазовым и снабженная вступительной статьей В.Л. Львова-Рогачевского.

В 1921 г. в Казани появляется сборник переводов из Верхарна, выполненных Верой Ключевой [Ключева 1921]. В 1922 появляется сразу семь книг поэта: две — в переводе В. Федорова («Стихи» и «Черные факелы»), три — в переводе Г. Шенгели («Города-спруты» и два тома из «Полного собрания поэм» — «Т. 2: Вечера. Разгромы. Черные факелы» и «Т. 6: Многообразное сияние»); наконец, в Киеве выходит необычное издание — «Верхарн Э., Бодлер Ш., Верлен П. Стихотворения», в которое включены переводы В. Дынник.

На следующий год выходят еще два тома Полного собрания Шенгели, а в госиздатовской серии «Всемирная литература» — четвертое издание переводов Брюсова, теперь под названием «Поэмы».

После небольшого перерыва, в 1929 г. появляются «Избранные стихи» в переводах Брюсова и Шенгели под редакцией и с предисловием В.М. Фриче и брошюра с тем же названием в «Библиотеке Огонька» со вступительной статьей и комментариями Шенгели и его же переводами. При этом журнальные и альманашные публикации все эти годы шли без перерыва, Верхарн был без сомнения самым переводимым и издаваемым зарубежным поэтом первого десятилетия советской эры.

В послереволюционные годы появляются также инсценировки стихотворений Верхарна для пролеткультовских театральных студий: так, в 1919 г. Московский Пролеткульт поставил стихотворения «Женщина на перекрестке» и «Восстание» [Вечер Пролеткульта 1919; Смышляев 1918; Смышляев 1919; Турчанинов 1919; Чулков 1919].

Всему этому в немалой мере способствовала пролеткультовская канонизация Верхарна вместе с Уитменом как непосредственных предшественников пролетарской поэзии. Так, П.И. Лебедев-Полянский в знаменитой «Приветственной речи на первой всероссийской конференции пролеткультов» апеллирует к нашему поэту: «Бельгийский поэт Эмиль Верхарн, провидя приход новой культуры как историческую необходимость, поэтически изобразил грядущий торжественный рок» [Протоколы 1918, с. 29].

Параллельно одна за другой выходят статьи и книги о Верхарне, среди авторов которых А. Луначарский, В. Фриче, П. Коган, В. Бонч-Бруевич, Г. Якубовский, А. Гатов; при этом книга Фриче входила под почетным третьим номером в серию популярных брошюр «Кому пролетариат ставит памятники» (кроме бельгийского поэта, в ней была еще только одна книга, посвященная зарубежному писателю — Э. Золя, остальные знакомили массового читателя с русскими литераторами или политическими деятелями разных стран и эпох).

Итак, мы видим, что непосредственно перед Октябрем и сразу после него поэзия Эмиля Верхарна пользуется в России огромной популярностью (прежде всего — за ее революционный дух и соответствующую ему нетрадиционную, «революционную» форму), его активно переводят ведущие поэты (в первую очередь — Брюсов, Волошин и Шенгели), пропагандируют самые авторитетные критики, инсценируют. После же революции интерес к Верхарну и его поэзии возрастает еще больше, теперь его начинает переводить еще более широкий круг поэтов.

При этом, как уже говорилось, Верхарн представляется русским поклонникам и переводчикам одним из наиболее авторитетных авторов свободного стиха, о чем регулярно писалось в предисловиях к книгам поэта (чаще всего — без особого понимания сути этого явления). Так, Брюсов уже в 1906 г. в предисловии к «Стихам о современности» пишет: «Верхарн считается одним из создателей “свободного стиха”, *vers libre*, о котором было столько споров во Франции. Кому бы ни принадлежало в этом деле первенство, которое оспаривается пятью-шестью лицами, бесспорно, что величайший мастер этого стиха Верхарн. “Свободный стих” это тот, которым пишет он. Он вознес этот прием творчества до такой высоты, куда не в силах следовать за ним даже самые окрыленные из его современников. У Верхарна каждый стих по ритму соответствует тому, что в нем выражено. Во власти Верхарна столько же ритмов, сколько мыслей» [Верхарн 1906, с. 29].

В 1909 г. в предисловии к сборнику «Французские лирики XIX века» Брюсов пишет: «Вернувшись к идее субъективного языка романтиков, символисты развили ее до последних крайностей. Они ввели в поэзии и разработали особый прием “творчества” — свободный стих, “*vers libre*”, при котором в одном стихотворении сменяется ряд ритмов, подчиняющихся только ходу мыслей и смене выражений чувств» [Брюсов 1913, с. 228]. Позднее русский поэт-стиховед разовьет свое понимание свободного стиха «французского типа» как стиха, каждая строка которого построена по модели одного из силлаботонических размеров [Орлицкий 2014].

Не менее эмоционально и в то же время неточно характеризует стих Верхарна и начинающий социолог Питирим Сорокин в статье 1911 г. «Гамсун и Верхарн как выразители современных дум и настроений»: «Певец *борьбы*, мятежа и действия, Верхарн и стих свой выковал такой же неровный, буйный и сложный, как и сама борьба, и сама жизнь. Вы не найдете здесь точной

размеренности стихов, до маниловщины приторной правильности и тепличности, а перед Вами стих то извивающийся, как клубы дыма, то глухо-короткий, как залп, то нежный, как дуновение ветра» [Сорокин 2014, с. 202].

Им вторит и Львов-Рогачевский в статье «Народный Трибун», предвещающей «Безумие полей» (1914): «В своем стихе поэт выражает бешеный галоп жизни»; «Для бешеного галопа исступленной, лихорадочной жизни городов... уже не подходили однообразные и медленные ритмы, размеры с заранее определенным количеством слогов»; «Поэт современности уже не довольствуется “сахарностью рифм”»; «У Верхарна вся строка живет, трепещет жизнью»; «Силу свободного стиха Верхарн еще подчеркивает аллитерациями и ассонансами» [Верхарн 1914, с. XVI–XVII]. В написанном критиком адресе 1913 г. по случаю приезда Верхарна в Россию говорится: «Ваш свободный стих — воплощение мятежной жизни городов, лихорадочного биения нашей новой жизни» [Верхарн 1914, с. XXV].

Автор второго предисловия к этой книге Михаил Горьков пишет, ссылаясь на авторитет Брюсова: «Форма для символистов была лишь средством; поэтому они готовы были отречься от всех правил в области стихосложения. Каждый поэт волен создавать свои формы»; «нам придется указать на роль Верхарна в этом движении создания “свободного стиха”» [Верхарн 1914, с. LXV]. И далее: «Густав Кан первый после Бодлера решительно и определенно формулировал задачи нового стиха, так называемого “vers libre”: “внешний ритм должен быть в соотношении только с внутренним содержанием стиха”. Новый стих допускает свободное чередование коротких и длинных стихов и столь же свободное отношение к рифме. Густав Кан и некоторые другие дали интересные образцы такого стиха, но их всех превзошел в данной области могучий художник слова — Верхарн. Он сумел не только передать самую атмосферу современного индустриализма: в его стихе вертится, бьется и дрожит машина» [Верхарн 1914, с. LXXXIII].

Примерно то же пишет о Верхарне в 1915 г. С. Дурылин в предисловии к книге «Поэты Бельгии»: «Он поэзию сделал социологией и социологию — поэзией; не переставая быть поэтом и не выходя из области поэзии, он стал историком, психологом, провидцем, философом. Он создал новый язык для своих вдохновений, новый стих — для своих поэм»; «Пульс современной Бельгии, страны великих достижений в области труда, техники, промышленности, торговли, — больше того: пульс всего Мира, нервный, учащенный пульс современного человечества бьется в поэзии Верхарна. Стихи его “напоминают гул машин, скрип жерновов, грохоты тяжелых повозок...” (К. Лемонье)» [Поэты Бельгии 1915, с. 43].

Характеризуя свои переводы из Верхарна, М. Волошин писал в 1919 г. в «Предварении о переводах»: «Мои переводы Верхарна сделаны в разные эпохи и с разных точек зрения. В одних, как “Ноябрь”, “Осенний Вечер”, “На Север”, я старался передать только инструментовку Верхарновского стиха, в других, касающихся города, я, отбросив рифмы, старался дать стремле-

ние его метафор и построение фразы, естественно образующей “свободный стих”. Только в трех стихотворениях, посвященных войне, мне глубоко чуждых, перевод которых был сделан по поручению, я соблюдал одновременно и рифму, и размер, и точность содержания, то есть делал то, что теоретически отрицаю, но что требуется современным вкусом от переводчика» [Волошин 1919, с. 29–30].

Таким образом, все, кто писал о стихе Верхарна, констатировали его «свободность», однако понимали под этим по сути дела любое отступление от рифмованной урегулированной силлаботоники: вольность, отсутствие рифмы, чередование метров соседних строк и т.п.

Не очень изменилась ситуация и в революционную эпоху. Так, на 1-м Всероссийском съезде пролетарских писателей В. Львов-Рогачевский утверждал, что большинство пролетарских авторов «приняло новый свободный стих, большинство учится у Верхарна и Уитмена». А. Лебедев-Полянский там же высказал предположение, что «в будущем как раз та форма стиха, которая блещет своими рифмами, отойдет в вечность» и «рифм в будущем не будет» [Стенограмма 1964, с. 346].

При этом Львов-Рогачевский в своей апологии «свободного стиха» опирался прежде всего на работу биографа Верхарна, французского критика Л. Базальжета (кстати, известного также своими переложениями верлибров Уитмена), который писал: «Тайна его творчества открывается, когда находишься в машинном отделении, среди грохота, искр, ударов молота, шипения и тяжелых ударов» [Базальжетт 1909, с. 34].

Однако ему возражал главный теоретик Пролеткульта А. Богданов, с точки зрения которого «“хаос звуков” завода является хаосом только для случайно зашедшего туда интеллигента, который ничего не понимает в происходящем. Рабочий завода необходимо воспринимает *каждый ритм отдельно*: для него нет хаоса, всё анализировано, всё знакомо. И те ритмы, которые правильны, так и ощущаются, как правильные; а таких, несомненно, большинство, ибо машина — да будет это ведомо почтенному критику — есть не что иное, как механизм; и ее движения механичны, а не “свободны”. <...> Правильность *этих* ритмов определяет гармонию его движений, вибраций его нервного аппарата; а неправильность означает *врывающееся нарушение* хода работы, и есть сигнал для ряда усилий, направленных к *восстановлению правильности* <...> правильные ритмы естественнее и ближе для индустриально-пролетарского поэта при *нынешней* организации производства, чем ритмы свободные» [Богданов 1924, с. 171].

Однако для ставшего активным попутчиком и советчиком молодых творцов новой культуры В. Брюсова именно Верхарн оказывается тем идеалом современных ритмов, на которые он настраивает пролетарскую поэтическую молодежь. В том же 1918 г. в своих знаменитых «Опытах по метрике и рифмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» в ряду «сложных метров» Брюсов называет и «свободный стих», который, по его мнению, так

же, как и дольники, «крайне разнообразен и имеет тысячи вариаций» [Брюсов 1918, с. 27], а в стихотворном разделе «Опытов» дает и образцы такого стиха: это «свободный стих Гёте» («Ночная песнь странника») и «свободный стих Верхарна» («Дождь»).

В переводе В. Брюсова, однако, «Дождь» — это рифмованный вольный трехсложник с переменной анакрусой, довольно редкий для русской традиции тип стиха:

Как длинные нити, нетихнувший дождь	01001001001	Амф4*
Сквозь серое небо, и полон и тощ,	01001001001	Амф4
Над квадратами луга, над кубами роц	001001001001	Ан4
Струится нетихнувший дождь,	01001001	Амф3
Томительный дождь,	01001	Амф3
Дождь...	1	
Так он льет со вчера,	001001	Ан2
Так он мокрые тянет лоскутья	0010010010	Ан3
С тверди серой и черной;	0010010	Ан2
Терпеливый, упорный,	0010010	Ан2
Так он льет со вчера	001001	Ан2
На перепутья,	00010	Дк2
Необорный.	0010	Ан1
По путям,	001	Ан1
Что ведут от полей к городам.	001001001	Ан3

[Брюсов 1918, с. 75–76].

Выбор Брюсовым для перевода именно этого типа традиционной силлаботоники очень характерен: русский символист, активно пропагандируя французский свободный стих, в собственной практике (в том числе и переводческой) был достаточно консервативен и не желал порывать с привычной стихотворной техникой, однако нередко выбирал достаточно неординарные ее вариации. Впрочем, в случае Верхарна в этом и не было необходимости: оригинал тоже в большинстве случаев был вполне традиционен, его «свободность» была сильно преувеличена.

Интересно, что уже самый первый перевод Брюсова из Верхарна — стихотворение «Женщина на перекрестке» — оказывается в чем-то смелее, свободнее достаточно традиционного оригинала: здесь в произвольном порядке чередуются строки, написанные двух- и трехсложными метрами, и даже дольники:

* Здесь и далее в статье используются следующие обозначения силлаботонических размеров и их аналогов в прозе: Я — ямб, Х — хорей, Дак — дактиль, Амф — амфибрахий, Ан — анапест, Дол — дольник, Так — тактовик, Акц — акцентный стих, ВЛ — верлибр, свободный стих, РС — раешный стих; цифра после названия метра обозначает размер: например, Х4 — четырехстопный хорей (или в прозе — четыре стопы хоря подряд) и т.д. В схемах знаком «1» обозначаются ударные слоги, «0» — безударные.

— В злато-эбеновом городе,	100100100	Дак3
Женщина в черном, на перекрестке,	10010 00010	Дак4ц
День за днем, опять и опять,	101 01001	Дол3
Чего ж тебе ждать?	01001	Амф2
— Надежды черные, как свора черных псов,	010100010101	Я6
Опять пролаяли, так длительно, на луны,	0101000100010	Я6
На луны черные моих зрачков,	0101000101	Я5
Что были некогда восторженны и юны;	01010000100010	Я6
Так длительно, так издали, — на луны	01000100010	Я5
Моих безмолвных и больших зрачков.	0101000101	Я5
Как траур с золотом — моих волос прибои,	010100010101	Я6
Что дразнят свору черных псов;	01010101	Я4
И зыблют вихри гордых снов	01010101	Я4
Всё это тело золотое!	010100010	Я4
— Женщина в черном, на перекрестке,	10010 00010	Дак4ц
День за днем, опять и опять,		Дол3
Чего ж тебе ждать?		Амф2
— Поставив паруса, летят к каким набатам,	0100010101010	Я6
К каким вечерним снам, отчаяньем объатым,	0101010100010	Я6
Сосцы моих груди, — в какой же черный рай?	010101010101	Я6

[Брюсов 1977, 57].

Значительно более оригинален и свободен в своих переводах Верхарна Волошин, который старается изобразить «свободу» стиха путем последовательного отказа от рифмы, а также использует размеры с переменной анакрусой и введение дольниковых фрагментов. Но главное в его переводах — нарушение границ строк, создающее своего рода иллюзию свободы (надо сказать, этот прием Волошин использует и в своих оригинальных поэмах, например в «Протопопе Аввакуме»).

Известно, Брюсов критиковал переводы Волошина прежде всего за отказ от рифмы: «Иные переводы М. Волошина не более, как вольный пересказ. Ряд стихотворений переведен без рифм, что изменяет, даже искажает самую форму оригинала. К сожалению, переводчик, пожертвовав рифмой, не заменил этого недостатка точностью передачи. Целый ряд мест в нерифмованных переводах остается вольным и не всегда верным пересказом французского текста» [Брюсов 1923, с. 40].

В связи с этим нельзя не вспомнить, что сам Брюсов, переводя «Елену Спартанскую» Верхарна, был очень обеспокоен тем, что вынужден заменить рифмованный стих оригинала на белый; в конце октября 1908 г. он писал Верхарну: «Вы меня успокоили своим сообщением, что “Елена” будет пере-

ведена на немецкий язык также белым стихом. Откровенно говоря, такая дерзость, как изменение стихотворной формы, меня сильно тревожила» [Переписка 1976, с. 578] (напомним, немецкий перевод этой пьесы Верхарна осуществлял С. Цвейг).

А в «Предисловии переводчика» (1908) Брюсов особо оговаривает свой отказ от рифмы: «В подлиннике “Елена Спартанская” написана рифмованными стихами: большей частью — александрийским стихом, в отдельных частях — “вольным” стихом. Для передачи трагедии на русский язык я выбрал белый стих, преимущественно пятистопный ямб. На это я решился прежде всего из желания дать перевод более точный, чем то возможно при рифмованных стихах. Кроме того, я имел в виду, что александрийский стих столь же обычен для французской драмы, как белый пятистопный ямб — для русской. Однако не следовало забывать, что во французской драме внешняя словесная форма имеет гораздо большее значение, нежели в драме английской, немецкой и испанской. Шекспир, переведенный прозой, теряет лишь часть своей силы, но Расин в прозе — лишен смысла. Трагедия Верхарна занимает среднее положение: ход действия и обрисовка характеров в ней, бесспорно, господствуют над диалогом, но автор во многих местах рассчитывает и на красоту стиха и на блеск неожиданной рифмы. В таких случаях давать подстрочный перевод — значило бы переводить букву, а не смысл, и я искал в русском белом стихе приемов и средств, которые производили бы впечатление сходное.

Независимо от того, белый стих, уже по природе своей, стремится к строгости и простоте, тогда как рифмованному стиху всегда свойственна некоторая изысканность. В общем, нет сомнения, что, перекладывая трагедию Верхарна в другую форму, я изменил несколько ее тон. Напомню, однако, что еще больше изменил тон подлинника Жуковский, пересказав “Ундину” Ламот-Фуке гекзаметрами, и не менее видоизменил свой тон Пушкин, когда переложил “Клеопатру” из шестистопных ямбов в четырехстопные» [Верхарн 1936, с. 138–139].

Приведем пример волошинского нерифмованного перевода, многие строки которого не укладываются в силлаботонику и должны быть признаны свободным стихом (верлибром) в современном понимании. Некоторые, но не все: значительная часть строк совпадает с традиционными метрами; окказиональные рифмы выделены полужирным шрифтом:

Там		
Реки из нефти и олова	0100100100	Амф4
Бьют о камни и сваи.	1010010	Ан2
Резкие свисты проходящих судов	10010 001001	ВЛ
От страха воют в тумане;	01010 010	ВЛ
Зеленый сигнал — их взгляд	01001 01	ВЛ
В океан, в пространство.	001010	Х3

Там		
На набережных гулко звонят , сталкиваясь, вагоны ,		РС
Лязгают цепи, краны скрипят , дребезжат фургоны ,		РС
Тяжко веса роняют темные кубы,		ВЛ
Тюки по трапам скользят в огненные подполья,		ВЛ
Спины мостов разверзаются посередине,	10010010000010	Дк5
В чаще снастей подымаясь, подобно	10010010010	Дк4
Виселицам; а медные буквы	ВЛ	
Вдоль по крышам, карнизам и стенам	0010010010	Ан3
Стремятся изнашивать вселенную.	0100010100	Я4
Сверху вертятся колеса, проносятся кебы,	10010010010010	Дк5
Летят поезда, устремляя усилия	010010010010	Амф4
К станциям, версты и версты	10010010	Дк3
Тянущим нити огней золотого фронтона.	100100010010010	Дк5
Рельсы ползут, разветвляясь, под землю,	10010010010	Дк4
Вдоль по тоннелям, по кратерам,	00100100	Ан2
Чтобы вновь появиться и, сталью сверкая,	0010010010010	Ан4
Мчатся мимо	1010	Х2
В облаке пара и дыма .	10010010	Дк3
Все пути в город ведут .	0011001	РС
Это Город- спрут .	00101	РС

[Волошин 1919, с. 46–49].

Наконец, Георгий Шенгели, приступивший к своему масштабному проекту по переводу всех произведений Верхарна (но так его и не закончивший, но успевший, по данным В. Молодякова, перевести 295 стихотворений [Молодяков 2016, с. 345]) в начале 1920-х гг., пошел наиболее простым путем: использовал в своих переводах только рифмованную силлаботнику, правда, вольную. Известно, что его переводы получили отрицательную оценку в статье Брюсова «Верхарн на прокрустовом ложе», в первую очередь, правда, за отказ от передачи особенностей звуковой организации оригинала.

Сравним два перевода начала стихотворения Верхарна «Микельанджело». Перевод Волошина:

Когда Буонароти вошел в Сикстинскую капеллу,
Он насторожился,
Как бы прислушиваясь,
Потом измерил взглядом высоту, —
Шагами расстояние до алтаря,
Обдумал свет, сочащийся сквозь окна,
И то, как надо взнуздать и укротить
Крылатых и ретивых коней своей работы...
Затем ушел до вечера в Кампанью

[Волошин 1919, с. 64].

Как видим, в переводе Волошина сохранена ямбическая основа текста, однако собственно ямбическими можно назвать только четыре строки:

Как бы прислушиваясь,
Потом измерил взглядом высоту, —
Обдумал свет, сочащийся сквозь окна,
Затем ушел до вечера в Кампанию.

Остальные стихи устроены сложнее, их можно рассматривать как своего рода цезурированные модификации ямба. Так, первая строка состоит из двух ямбических полустроков, разделенных цезурой с наращением одного слога:

Когда Буонароти	0100010
вошел в Сикстинскую капеллу,	010100010

Как видим, первое полустишие представляет собой трехстопный ямб с женским окончанием, второе — четырехстопный ямб. Однако трактовке всего стиха как обычного семистопного ямба «мешает» дополнительный слог, создающий женское окончание первого полустишия. То есть перед нами все-таки ямб, но необычной конфигурации.

Аналогичным образом цезуры делят еще две строки (и большую часть остальных строк этого длинного стихотворения):

И то, как надо / взнудать и укротить	01010 / 010001	Я2ж+Я3м
Крылатых и ретивых / коней своей работы...	0100010 / 0101010	Я3ж+Я3ж

Особого внимания заслуживает еще одна строка, которая поддается разным трактовкам:

Он насторожился,	100010
------------------	--------

Формально стих выглядит трехстопным хореем, однако общая ямбическая тенденция стихотворения позволяет и его представить как сумму полустиший: одностопного хорea с мужским окончанием и двустопного ямба с женским:

Он / насторожился,	1 / 00010
--------------------	-----------

Такие строки тоже встречаются в этом переводе. Однако в нашу задачу не входит его подробный анализ. Остановимся здесь и сделаем общий вывод о метрической природе волошинского перевода этого стихотворения (и многих других его переложениях Верхарна): для передачи явления, именуемого «свободным стихом» бельгийского поэта, Волошин использует специально разработанные для этого способы деформации ямбического метра.

А вот перевод Шенгели:

Когда вошел в Сикстинскую капеллу	01010100010
Буонарроти, он	000101
Остановился вдруг, как бы насторожен ;	000101000001
Измерил взглядом выгиб свода ,	010101010
Шагами — расстояние от входа	01000100010
До алтаря ;	0001
Счел силу золотых лучей ,	01000101
Что в окна бросила закатная заря ;	010100010001
Подумал, как ему взнуздать коней —	0101010101
Безумных жеребцов труда и созиданья ;	0100010100010
Потом ушел до темноты в Кампанию .	01010001010

[Верхарн 1935, с. 585].

Как видим, здесь первая строка оставлена холостой, вторая и третья, четвертая и пятая и десятая и одиннадцатая зарифмованы попарно, шестая-девятая — перекрестно. Размер отрывка — вольный ямб, длина строк колеблется в диапазоне от двух до шести стоп, клаузулы — мужские и женские.

Сравним теперь переводы с французским оригиналом:

Quand Buonarroti dans la Sixtine entra,
Il demeura
Comme aux écoutes,
Puis son œil mesura la hauteur de la voûte
Et son pas le chemin de l'autel au portail.
Il observa le jour versé par les fenêtres
Et comment il faudrait et dompter et soumettre
Les chevaux clairs et effrenés de son travail.
Puis il partit jusques au soir vers la campagne [Verhaeren].

Как видим, здесь тоже одна строка холостая, но не первая, а последняя в строфе; за двумя парами смежных двустушии идет катрен с опоясывающей (а не перекрестной, как у Шенгели) рифмовкой. То есть переводчик в основном сохранил особенности метрики автора, а не попытался создать для передачи необычного стиха новые его варианты на русской почве.

Надо сказать, что большинство переводчиков-практиков тоже идет этим же, вполне традиционным путем. Так, Николай Александрович Васильев переводит Верхарна, в полном соответствии с оригиналом, в основном вольным рифмованным ямбом:

В тумане лики строгих башен,
Все очертанья неясны,
А дали дымны и красны,
И вид огней в предместьях страшен.

Весь изогнувшись, виадук
Над грустною рекой вздымался,
Громадный поезд удалялся
И дребезжал, скользил, — и вдруг
Вдали рождал усталый звук

(«Душа города») [Верхарн 1907, с. 36].

Вполне традиционной силлаботоникой, хотя и вольной, чаще всего ямбом, выполнены и переводы Николая Чуева — литератора-дилетанта, по характеристике С. Киссина, «молодого человека, слегка миллионера, немножко поэта, чуть-чуть спортсмена» [Киссин 1999]; вот как выглядит начало «Восстания» в его переводе:

Улица с бешеным гулом шагов	1001001001
Крутится в вихре жестоком,	10010010
Тысячи яростных тел и голов	1001001001
Мчатся безумным потоком.	10010010
Ужасы веют от блеска мечей,	1001001001
Вопли, надежды и крики,	10010010
Сабли, знамена и пики,	10010010
Улица в блеске багровых лучей	1001001001
В огненной ризе заката.	10010010
Смерть	1
Встала на голос набата —	10010010
Грозная Смерть —	1001
В пламени, в дыме, в громах...	1001001
Залпы, удары, угрозы,	10010010
И черепа на багровых клинках	0001001001
Словно кровавые розы.	10010010

[Верхарн 1909, с. 75].

Переводчик Борис Серебряков, выпустивший за свою жизнь более двадцати книг разных авторов, целиком перевел две книги стихов Верхарна: «Безумие полей» (СПб., 1914) и «Двенадцать месяцев» (Пг., 1919). В дальнейшем переводил поэзию с азербайджанского, армянского и грузинского языков. Как писал Львов-Рогачевский, «переводы Серебрякова местами шероховаты, иногда прозаичны, переводчик стремился переводить дословно, придерживаясь буквы» [Верхарн 1914, с. XXVIII].

Большинство переводов Серебрякова тоже выполнено вполне традиционными вольными ямбами, однако встречаются у него и тексты, выполненные другими размерами, а также чередующие строки, написанные разными размерами и типами стиха, в том числе раёшника:

ПЕСНЯ БЕЗУМНОГО

Перебейте им лапки и кости,
Прогоните вы крыс.
Прогоните их прочь.
Бросьте в темную ночь
Черной пшеницы.
Когда-то, когда мое сердце разбилось,
Женщина его подняла
И крысам его отдала.
— Перебейте им лапки и спинки.
Часто их в печке я взором следил,
Будто на гипсе пятна чернил,
Они смерть мою грызли.
— Перебейте им лапки и спинки.
Я почувствовал ночью одну,
Она взобралась на меня
И грызла в груди глубину
Моей раны, откуда давно
Было вырвано сердце шальное мое

[Верхарн 1914, с. 23–24].

Известный русский поэт, нижегородец, знакомый Горького Борис Бер (1871–1921) — автор нескольких оригинальных книг стихов и переводов, в т.ч. целой книги У. Уитмена, из которой до сих опубликовано только три стихотворения. В отличие от остальных переводчиков Верхарна, предпочитает рифмованный вольный дольник:

ДОЖДИК

Он прядется так с вчерашнего вечера
Из мелких лохмотьев, висящих
В небе угрюмом и черном;
Он тянется терпеливо, лениво
По дорогам, с вчерашнего вечера.
По тропинным извивам
Без перерыва.

И по дорогам,
Ведущим с полей к пригородным трущобам,
По дорогам, изогнутым вечно,
Идут, от труда и пота дымясь,
Как похоронная вязь,
Запряжки с парусиной раздутой увечно;
И в колеях, как в ручьях,
В колеях, так всегда параллельных,
Что кажутся ночью сомкнутыми в гранях предельных

[Бер 1917, с. 43].

Виктор Чернов известен прежде всего как лидер партии эсеров. Современный биограф пишет о нем: «Еще в детские годы он начал писать стихи и даже поэмы (продолжал заниматься этим и позже <...>. С 4 класса гимназии Виктор выпускал рукописный журнал, где были его стихи и статьи по самым разнообразным вопросам» [Виктор Чернов]. Интересную характеристику переводам Чернова (и, впрочем, не только его) дал Л. Войтоловский: «подлинного Верхарна дать не в силах ни гладкие рифмы и мерно льющиеся строки Виктора Чернова, ни правомерно-дословная передача Максимилиана Волошина, ни своевольная мистика Валерия Брюсова» [Войтоловский 1922, с. 10]. Действительно, Верхарна Чернов переводил в основном вольными силлаботоническими метрами, размерами — например, вольным рифмованным дактилем:

Крысы проходят по селам нашествием,
Крысы с кладбища,
Всё для них пища —
Любо прожорливым бестиям.
Крысы проходят с бесовскою пляскою
Стаями крупными
Эти могилы с остатками трупными,
С визгом и скрежетом, медленно лясая
Острых зубов частоколами.
Бродят горами и долами,
Бродят огромные, жирные,
Все погрызая устои всемирные.
Крысы не брезгают даже могилами
С их мертвецами, бескровными, хилыми.
Как черви, кишасящие в падали,
В гробы попадали,
Где снами беспечными,
Вечными
Спали покойники

(«Заклятие крыс») [Верхарн 1919, с. 10–11].

Вера Николаевна Ключева — российский филолог, переводчик, поэт, автор сборника оригинальных стихов «Акварели» (1920) и книги переводов из Эмиля Верхарна, в предисловии к которому писала: «Что касается размера его стиха, он свободен от прежних условностей и как нельзя лучше передает неровное биение современного жизненного пульса. Он настолько оригинален и не похож на прочие, что ему присвоено имя “свободного Верхарновского стиха”» [Ключева 1921, с. 6].

В книге переводов Ключевой — 13 стихотворений Верхарна, в основном его любовная лирика. Переводы выполнены рифмованным ямбом, иногда разностопным или вольным:

Уста из серебра и взоры из гранита
Молчат о тайне, холодом овитой,
В час полночи, мощный скукой час.

В эфирном цирке, неразлучно вместе,
Как жернова, проходит круг созвездий
В час полночи, мощный скукой час

(«Вечер») [Клюева 1921, с. 10].

Василий Павлович Федоров, физик по основной профессии, знал шесть иностранных языков. Над переводами из Верхарна работал с 1910 по 1918 гг.; переводил также Эдгара По. В переводах из бельгийского поэта использовал в основном раёшный стих:

— В городе злато-эбеновом
По перекресткам
Неведомо
Куда ты идешь,
Женщина в черном с усмешкой жесткой?
Кого ждешь?

— Псы погребальных надежд воют во мне вечерами,
Воют на луны моих трауром схваченных глаз,
Лязгают злобно зубами
На луны, молчанием скованных глаз, —
Воют они без конца, вечерами
Воют на луны траурных глаз.

Какое шествие печальных похорон
В копне моих волос всех этих псов пленяет?
Движенье бедер или тела тон,
Что золотым руном сверкает?

(«Женщина в черном») [Верхарн 1922, с. 9].

Как видим, русские переводчики использовали в своем творчестве разные способы передачи верххарновского стиха средствами в основном традиционной национальной версификации: от вполне традиционной вольности классических размеров до их смещения в рамках одного текста и даже одной строки (Волошин), а также использования раешника и отдельных безразмерных строк. Однако нам не удалось обнаружить ни одного перевода Верхарна, целиком выполненного собственно свободным стихом (верлибром), хотя он и получил в начале XX в., как раз в то время, когда стихи Верхарна переводились особенно активно, достаточно широкое распространение. Думается, это не случайно: ведь сам бельгийский классик в своей практике таким стихом не пользовался, хотя многочисленные критики, как зарубежные, так и русские (начиная с Брюсова), часто приписывали ему как раз увлечение «свободным стихом».

Крайне проблематичным оказывается также обнаружение следов непосредственного влияния Верхарна (так же как Уитмена) в русской пролетарской поэзии, особенно в ее стихе, хотя в пролетарскую эпоху об этом немало писали. В частности, такое влияние Брюсов обнаружил в стихе Сергея Малашкина («характерны опыты С. Малашкина (“Мускулы”, 1918 г.), которому стихом Верхарна и Уитмена удалось резко выявить пролетарские настроения» [Брюсов 1990, с. 604]); один из теоретиков и руководителей Пролеткульта Валериан Плетнев писал о связях Верхарна и Гастева (впрочем, абсолютно бездоказательно) [Плетнев 1919]; специальную статью в «Правде» влиянию Верхарна на пролетарских поэтов посвятил П. Осинский [Осинский 1922]. «Отражения его творчества, влияние его, заметно в примечательных произведениях Владимира Маяковского и в стихах некоторых начинающих поэтов, пытающихся запечатлеть движения социальной жизни новой России», — писал С. Рубанович на страницах воронежского пролетарского двухнедельника «Сирена» [Рубанович 1918, с. 83].

Тем не менее, некоторые пролетарские поэты первых послереволюционных лет (И. Садофьев, А. Крайский, Г. Санников, Г. Якубовский) действительно обращались к свободному стиху, причем опираясь при этом скорее на традиции русских поэтов — символистов и футуристов (Блока, Сологуба, Каменского), а не на стих Верхарна, устроенный, как мы убедились, совсем по-другому, значительно традиционнее.

ЛИТЕРАТУРА

Базальжетт 1909 — *Базальжетт Л.* Эмиль Верхарн: Биография-характеристика / Пер. с фр. Н. Хмельницкой. СПб.: Акц. о-во тип. дела в СПб, 1909. 40 с.

Бер 1917 — *Бер Б.* Переводы стихов Эмиля Верхарна из книг: «Вечера», «Разрухи», «Черные светочи», «Призрачные деревни», «Видения на моем пути», «Лозы моей стены», «Послеполуденные часы» и «Многоликая красота». М.: Задруга, 1917. IV, 129 с.

Богданов 1924 — *Богданов А.* О пролетарской культуре. 1904–1924. Л.; М.: Книга, 1924. 344 с.

Брюсов 1913 — *Брюсов В.* Полное собрание сочинений и переводов. Т. XXI: Французские лирики XIX века. СПб.: Сирин, 1913. XVII, 299 с.

Брюсов 1918 — *Брюсов В.* Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам: Стихи 1912–1918 гг. / Со вступ. ст. автора. М.: Геликон, 1918. 200 с.

Брюсов 1923 — *Брюсов В.* Верхарн на прокрустовом ложе // Печать и революция. 1923. № 3. С. 35–44.

Брюсов 1977 — *Брюсов В.* Торжественный привет: Стихи зарубежных поэтов в пер. В. Брюсова / [Предисл. М. Гаспарова]. М.: Прогресс, 1977. 278 с.

Брюсов 1990 — *Брюсов В.* Среди стихов, 1894–1924: Манифесты. Статьи. рецензии / [Вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова]. М.: Сов. писатель, 1990. 715 с.

Верхарн 1906 — *Верхарн Э.* Стихи о современности в пер. В. Брюсова. М.: Скорпион, 1906. 136 с.

Верхарн 1907 — *Верхарн Э.* Обезумевшие деревни / Пер. Н. Васильева; статьи Р. де Гурмона и Н. Васильева. Казань: Казан. ком. общ. помощи голодающим, 1907. 100 с.

Верхарн 1909 — *Верхарн Э.* Издыхающие равнины. Города-чудовища / Пер. Н.Ч[уева]. М.: типо-лит. Русск. т-ва печатн. и издат. дела, 1909. 87 с.

- Верхарн 1914 — *Верхарн Э. Безумие полей* / Пер. с разреш. авт. Б. Серебрякова; Вступ. ст. В.Л. Львова-Рогачевского и Мих. Горькова. СПб.: М.В. Аверьянов, 1914. ХСVI, 71 с.
- Верхарн 1919 — *Верхарн Э. Живая жизнь: Избранные стихотворения* / Пер. с фр. В. Чернова. Пг.: Сотрудничество, 1919. 104 с.
- Верхарн 1922 — *Верхарн Э. Стихи в пер. Вас. Федорова*. М.: Гос. изд-во, 1922. 128 с.
- Верхарн 1935 — *Верхарн Э. Лирика и поэмы* / Пер. В. Брюсова, М. Волошина, А. Гатова, Г. Шенгели; статья Ив. Анисимова. М.: Худ. лит., 1935. 759 с.
- Верхарн 1936 — *Верхарн Э. Драмы и проза* / Под ред. Г. Шенгели; Пер. В. Брюсова, И. Брюсовой, В. Левики, Н. Манухиной; Примеч. Г. Пиралова. М.: Худ. лит., 1936. 304 с.
- Вечер Пролеткульта 1919 — Вечер Пролеткульта // Известия. 1919. № 63, 23 марта.
- Виктор Чернов — Виктор Чернов // Век перевода: Русский поэтический перевод XX–XXI веков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vekperevoda.com/1855/chernov.htm> (дата обращения: 08.06.2017).
- Войтоловский 1922 — *Войтоловский Л. Предисловие* // Верхарн Э., Бодлер Ш., Верлен П. Стихотворения / Пер. В. Дынник и Л. Шенталь. Киев: Культотд. проф. союза сов. раб., 1922. С. 7–10.
- Волошин 1919 — *Волошин М. Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы*. М.: Творчество, 1919. 80 с.
- Киссин 1999 — *Киссин С. (Муни). Лёгкое бремя: Стихи и проза. Переписка с В.Ф. Ходасевичем*. М., 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://silverage.ru/muni-hod/>
- Клюева 1921 — *Клюева В. Верхарн: Переводы*. Казань: Лито Казанск. отд-ния Гос. изд-ва, 1921. 31 с.
- Молодяков 2016 — *Молодяков В. Георгий Шенгели: Биография (1894–1956)*. М.: Водолей, 2016. 616 с.
- Орлицкий 2014 — *Орлицкий Ю. Свободный стих в теории и практике Валерия Брюсова* // Брюсовские чтения 2013 года: Сб. статей. Ереван: Лингва, 2014. С. 178–195.
- Осинский 1922 — *Осинский П. Побег травы: (Заметки читателя)* // Правда. 1922, 4 июля.
- Переписка 1976 — *Переписка с Эмилем Верхарном (1906–1914)* / Вступ. статья и публ. Т.Г. Динесман; Пер. с фр. Н.Д. Эфрос при участии М.И. Беляевой // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 546–621.
- Плетнев 1919 — *Плетнев В. Верхарн и Гастев* // Горн. 1919. Кн. 4. С. 24–32.
- Поэты Бельгии 1915 — *Поэты Бельгии: Сб.* / Под ред. и со вступ. ст. С.Н. Дурылина. М.: Универсальная б-ка, 1915. 79 с.
- Протоколы 1918 — *Протоколы Первой всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций. 15–20 сентября 1918 г.* / Под ред. П.И. Лебедева-Полянского. М.: Пролетарская культура, 1918. 128 с.
- Рубанович 1918 — *Рубанович С. Черта из портрета Эмиля Верхарна (Вместо некролога)* // Сирена. 1918, 30 дек.
- Смышляев 1918 — *Смышляев В. О работе Театрального отдела Московского Пролеткульта* // Горн. 1918. Кн. 1. С. 52–54.
- Смышляев 1919 — *Смышляев В. Опыт инсценировки стихотворения Верхарна «Восстание»* // Горн. 1919. Кн. 2/3. С. 82–90.
- Сорокин 2014 — *Сорокин П. Ранние сочинения: 1910–1914 гг.* СПб.: Миръ, 2014. 832 с.
- Стенограмма 1964 — *Стенограмма 1-го Всероссийского съезда пролетарских писателей* // Меньшутин А., Синявский А. Поэзия первых лет революции. М.: Наука, 1964. С. 345–346.
- Турчанинов 1919 — *Турчанинов. Первый публичный вечер Московского Пролеткульта* // Горн. 1919. Кн. 2/3. С. 125.
- Чулков 1919 — *Чулков Г. Студийцы и театр Верхарна* // Вестник театра. 1919. № 15, 25–27 марта. С. 7–8.
- Verhaeren — *Verhaeren E. Michel-Ange* // Wikisource. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://fr.wikisource.org/wiki/Michel-Ange_\(Verhaeren\)](https://fr.wikisource.org/wiki/Michel-Ange_(Verhaeren)) (дата обращения: 08.06.2017).